

К. Л. ЕСМАГАМБЕТОВ .

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ФАЛЬСИФИКАЦИЯ

¹
(Англо-американская историография
о Казахстане)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАЗАХСТАН»
Алма-Ата — 1976

Под редакцией
члена-корреспондента АН Казахской ССР
А. Ф. Дахилейгера

Есмагамбетов К.

Е85 Действительность и фальсификация,
Алма-Ата, "Казахстан", 1976.
200с.

В монографии основное внимание уделено раскрытию проблематики и трактовке узловых вопросов истории Казахстана XVIII—начала XX вв. в англо-американской литературе. Под* вергнуты аргументированной критике буржуазные концепции в освещении таких проблем истории, как англо-русское соперничество в Средней Азии и Казахстане в XIX в., вопросы присоединения казахских земель к России, национально-освободительные движения казахов, их хозяйство, социально-экономические отношения в казахском обществе XIX—начала XX вв. В книге прослеживается связь и преемственность во взглядах буржуазных авторов XIX в. и современных фальсификаторов истории Казахстана.

Она рассчитана на научных работников, преподавателей и студентов вузов, на всех, кто интересуется историей Казахстана.

Е $\frac{10601-034}{401 (07)-76}$ 52—76

9 Каз 1+1 ФБ

© Издательство «Казахстан», 1976.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Буржуазная историография и в прошлом, и в настоящем не раз заявляла о своей «беспартийности» и рекламировала свою «объективность». Фальшь этих заявлений известна. Из года в год растет престиж марксистско-ленинской исторической науки, не скрывающей своей партийности, органически сочетающейся с объективностью, с проникновением в суть исторических событий, в закономерности развития человеческого общества, неизбежно ведущих его к социализму.

История народов СССР, в частности народов Советского Востока, давно интересовала буржуазную историографию, а ее англо-американскую ветвь — в особенности. Этот интерес ранее во многом предопределялся практическими, конкретными целями внешней политики Британской империи, а с начала XX в., главным образом после победы Великого Октября, — и американского империализма. Конечно, англо-американская буржуазная историография не стояла на месте. Изменяющийся мир, становление и развитие Союза ССР, притягательная сила идей социализма, дружбы народов и социалистического интернационализма, замечательных свершений ленинской национальной политики не могли не влиять на догмы исторической науки в Англии и США. Она пыталась перестраиваться, приспособиться к новой обстановке, выдвинуть «новые» взгляды на историю народов СССР, особенно народов Советского Востока. Однако внимательное ознакомление с современными публикациями при всем видоизменении формул, различного рода «полупризнаний» успехов казахского народа, как и народов среднеазиатских Советских республик, показывает, что она и теперь уводит в прошлое, к мировоззренческим и политическим аспектам «концепций» буржуазных историков XIX—начала XX вв.-

В самом деле, если сопоставить современные «труды» буржуазной англо-американской историографии, предположим, второй половины XIX и середины XX века, то преемственность взглядов ясно бросается в глаза. Отнюдь не сняты пресловутое противопоставление «Запада» «Востоку» и в целом идеалистический подход к объяснению исторических процессов. И хотя «чистый европоцентризм» частично подменен «атлантизмом» или «культурно-религиозными циклами», якобы связывающими историю человечества, в том числе и народов Советского Востока, только с эволюцией религии, по-прежнему отрицается социальный, классовый смысл истории, выпячиваются мнимые национальные противоречия, выдуманная «извечная конфронтация», например, казахов и русских; зато умалчивается о факторе существования в дооктябрьское время двух России, об истоках дружбы народов СССР, об их совместной революционной борьбе, о слиянии национально-освободительного движения с социалистическим движением многонационального российского пролетариата.

При всей эволюции взглядов буржуазной англо-американской историографии, она в силу своей классовой ограниченности, выполняя социальный заказ своих хозяев, не может, по существу, признать за угнетенными ранее народами право быть субъектом исторического прогресса. Отсюда, в частности! идеи о «неисторичности» народов, ведущих кочевой образ жизни, в том числе казахов, решительное отрицание фактора классового неравенства в их истории.

В центре внимания буржуазных историографов сегодня, естественно,— послеоктябрьская эпоха, эпоха строительства развитого социализма. Желая во что бы то ни стало умалить, принизить достижения братской семьи советских народов, какой еще не знал мир, они, как и ранее, утверждают, что социализм якобы унаследовал, сохранил, более того, усилил недоверие национального порядка, а национальная политика КПСС «однозначна» колониальной политике царизма.

Кризис буржуазной исторической мысли нашел свое отражение в бесконечных перепевах фальшивых, надуманных проблем о «спасении» национального достояния казахского народа, в заявлениях о том, что народ стоит перед дилеммой: либо социально-культурный прогресс на рельсах социализма и утрата национального лица, либо сохранение всех исконных национальных традиций, но отказ от социализма. Между тем люди прогрессивных убеждений, лучшие пред-

ставители развивающихся стран на основе личных впечатлений четко и недвусмысленно видят, что эта дилемма надуманная. Как верно заметил известный индийский общественный деятель и журналист Беджой Кумар Синха после посещения многих советских национальных республик, «расцвету казахской культуры способствовал ее контакт с русской культурой. Казахам не пришлось поступиться своими национальными традициями... Для жителя азиатской страны, который своими глазами видит социально-политический и экономический прогресс национальных меньшинств Советского Союза, становится совершенно очевидной ложность утверждений о том, будто контакт малых народов с более развитыми в промышленном и культурном отношении народами, обязательно подавляет их жизненные силы... полная и целеустремленная жизнь советских людей служит маяком, призывом к строительству общества свободы, равенства и братства».

Политический смысл фальсификаторских приемов буржуазной историографии — извратить историю в угоду господствующим классам капиталистического мира, очернить советский опыт и ослабить его влияние на умы и сердца людей, свести на нет закономерности, ведущие к новому, справедливому общественному строю.

Таковыми же приемами буржуазная историография пользуется не только при освещении послеоктябрьской эпохи, но и дореволюционного прошлого. Поэтому в современном идеологическом противоборстве социализма и капитализма предметом фальсификации буржуазных историографов являются и события древности, и средневековья, и XVIII—XIX вв. в истории народов СССР, в частности казахского народа.

Советская историография активно и целеустремленно защищает правду истории. Издано немало книги статей, с марксистско-ленинских научных позиций критически оценивших взгляды буржуазных ученых. В самой буржуазной историографии сегодня происходит процесс размежевания, и ищущие, осмысливающие совокупность фактов истории постепенно отходят от буржуазной лженауки, пытаются с новых позиций осветить ход исторического процесса народов СССР, в том числе казахского народа.

Абсолютное большинство историографических трудов советских ученых, посвященных теме борьбы с буржуазной фальсификацией истории, естественно, обращается к истории советской эпохи. Между тем назрела необходимость

критического рассмотрения буржуазной историографии по вопросам дореволюционной истории народов СССР, в частности истории казахов. Именно этот пробел во многом восполняет предлагаемая вниманию читателей монография К. Есмагамбетова «Действительность и фальсификация». Она построена на изучении и анализе значительной литературы и источников, опубликованных в Англии и США за большой отрезок времени, и касается освещения таких важных проблем, как дореволюционный общественный строй казахов, присоединение Казахстана к России, история национально-освободительного движения и других.

В монографии почти не затрагиваются вопросы истории изучения территории Казахстана, истории, жизни и быта казахского народа русскими, а в послеоктябрьское время советскими учеными. Между тем именно им принадлежат приоритет и наибольшие заслуги в изучении Казахстана и его истории. Автор, по вполне понятным причинам, ограничил предмет своего исследования.

Разумеется, монография не исчерпывает темы разоблачения буржуазной фальсификации истории Казахстана дореволюционного периода, но это по сути первая обобщающая работа по данной теме и она, несомненно, послужит стимулом для дальнейшего развития исследований, поможет читателю разобраться в сложной и противоречивой системе взглядов по вопросам истории Казахстана XVIII — начала XX вв. в англо-американской буржуазной историографии.

Г. Ф. ДАХШЛЕЙГЕР.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НАУЧНОЙ КРИТИКИ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Весь ход международных событий нашего времени — неуклонно растущая мощь мировой социалистической системы; подъем международного рабочего движения, исторические победы национально-освободительной борьбы — с новой силой подтверждает правоту и действенность марксистской теории. «После появления марксизма,— писал В. И. Ленин,— каждая из трех великих эпох всемирной истории приносила ему новые подтверждения и новые триумфы. Но еще больший триумф принесет марксизму, как учению пролетариата, грядущая историческая эпоха» **К**

Под знамя марксизма-ленинизма встают новые миллионы людей, которые видят в социализме перспективы исторического прогресса. Происходят важные сдвиги в международной обстановке, все более широкое признание находит ленинский принцип мирного сосуществования стран с различным социальным строем. Однако движение революционных сил по пути прогресса и мира вызывает ожесточенное сопротивление. Потеряв надежду на успех лобовых атак на социализм политическими, дипломатическими и экономическими средствами, империализм концентрирует ныне свои усилия в сфере идеологической борьбы. Он стремится приспособиться к новым международным условиям, ведет активный поиск средств для нейтрализации великих революционных идей марксизма-ленинизма, ищет любые возможности для ослабления позиций стран социалистического содружества, изощренные приемы для подрыва монолитности и идейно-политической сплоченности народов Советского Союза. Это подтверждается настойчивыми попытками определенных кругов империализма использовать поворот

от «холодной войны» к разрядке международной напряженности, происходящий в последнее время, в целях идеологической диверсии в странах социализма. Появился целый «набор» буржуазных политических, экономических и социологических доктрин, в которых в качестве условия сотрудничества в экономической и культурной областях выдвигается требование «идеологического сосуществования».

О целях концепций «идеологического мира», «затухания идеологических конфликтов» или «конца идеологии», которые выдвигают политики и идеологи империалистических держав, достаточно ясно высказался М. Шультман, директор Русского института при Колумбийском университете, в опубликованной им в «Форин афферс» статье под названием «На пути к западной философии сосуществования». М. Шультмана не устраивает «продолжение и интенсификация идеологической борьбы внутри страны и за рубежом». В то же время он уверяет, что буржуазная идеология сможет в условиях разрядки международной напряженности «воздействовать» на социалистический строй, «либерализовать» его, «модернизировать» советское государство². Один из главарей американского «Комитета борьбы за свободу» Д. Сосин заявил, что возлагает надежды именно на «эволюционное», а не «революционное» освобождение народов России от коммунизма. Такая точка зрения отражает взгляды тех, кто стремится организовать «свободное распространение буржуазных идей», точнее — антисоветской пропаганды в Советском Союзе и в других социалистических странах с целью их «модернизации», постепенного размывания основ социалистического строя. Именно этим целям служат теории «деидеологизации», «конвергенции», «индустриального», «постиндустриального» общества, «стадий роста»³. Таким образом, призывы покончить с идеологической войной» оказываются лишь тактическим приемом, направленным на ослабление влияний идей марксизма-ленинизма в

² См.: «Международная жизнь», 1974, № 4, стр. 95.

³ Анализ и критика этих теоретических построений даны в работах: «Современный капитализм и буржуазная историография». М., 1965; В. В. Мшвениерадзе. Антикommунизм — оружие обреченных. М., 1964; «Марксистская и буржуазная социология сегодня». М., 1964; Ю. Н. Семенов. Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии. М., 1965; В. С. Капыри. Процесс общественного развития и «теория стадий» Уолта Ростоу. М., 1967; Г. П. Давидюк. Критика теории «единого индустриального общества». Минск, 1968; Л. Н. Москвичев. Теория «деидеологизации»: иллюзии и действительность (критические очерки). М., 1971 и другие.

капиталистических странах и прикрытие идеологических диверсий против социалистических стран.

Характерными чертами современной буржуазной идеологии являются растущее лицемерие, использование самых утонченных средств обмана масс. В этой связи вспоминаются слова В. И. Ленина: «Когда идейное влияние буржуазии на рабочих падает, подрывается, слабеет, буржуазия *везде и всегда* прибегала и будет прибегать к самой отчаянной лжи и клевете»⁴. Империализм не только не прекращает, а напротив, расширяет масштабы антисоветской и антикоммунистической пропаганды. В идеологическую борьбу буржуазия бросила все ресурсы и рычаги влияния на внутренний мир человека, поставила на ее службу всю силу экономической и политической власти, многовековой опыт духовного порабощения трудящихся.

Жизнь подтверждает правильность вывода, сделанного XXIV съездом КПСС о том, что «мы живем в условиях неутрачивающей идеологической войны, которую ведет против нашей страны, против мира социализма империалистическая пропаганда, используя самые изощренные приемы и мощные технические средства. Все инструменты воздействия на умы, находящиеся в руках буржуазии,— печать, кино, радио — мобилизованы на то, чтобы вводить в заблуждение людей, внушать им представления о чуть ли не райской жизни при капитализме, клеветать на социализм. Эфир буквально насыщен всевозможными измышлениями о жизни нашей страны, братских стран социализма»⁵.

Коммунистическая идеология не нуждается в социальной мимикрии, в искаженном отображении происходящих в мире исторических процессов, не может себя «убаюкивать» иллюзиями относительно «идеологического перемирия». Ей принадлежит будущее, поэтому она открыто и принципиально заявляет о невозможности мирного сосуществования в области идеологии, так как идеология одного класса не может быть «равнодушна» к идеологии класса-антагониста. Идеологическая борьба — важнейшая составная часть классовой борьбы, а ее обострение на современном этапе — объективная закономерность классовой борьбы в эпоху углубления общего кризиса капитализма. «Добиваясь утверждения принципа мирного сосуществования,— подчеркивает Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— мы от-

⁴ В. И. Л е н и н. Поли. собр. соч., т. 26, стр. 352.

⁵ «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 90—91.

даем себе отчет, что успехи в этом важном деле ни в коей мере не означают возможности ослабления идеологической борьбы. Напротив, надо быть готовыми к тому, что эта борьба будет усиливаться, становиться все более острой формой противоборства двух социальных систем»⁶. Апрельский (1973 г.) Пленум ЦК КПСС также обратил внимание «на необходимость постоянной бдительности и готовности давать отпор проискам агрессивных империалистических кругов, последовательной борьбы против реакционной идеологии и пропаганды»⁷.

Следовательно, и в условиях оздоровления международного климата значение идеологической сферы противоборства между социализмом и капитализмом не уменьшается, а возрастает, и принципиальная борьба против буржуазной идеологии сохраняет свою актуальность. Эту мысль вновь подчеркнул, выступая на XI съезде Венгерской социалистической рабочей партии, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев: «Новые задачи возникли за последнее время в сфере идеологической деятельности наших партий. Строительство развитого социализма и коммунизма предполагает повышенное внимание к развитию науки и культуры, к вопросам коммунистического воспитания масс. С другой стороны, в условиях все более полного утверждения принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем особое значение приобретает борьба идей, активизация наших усилий по распространению в мире правды о социализме, борьба против всех видов враждебной социализму идеологии»⁸. В этой сфере классовой борьбы важную социальную функцию несет историческая наука. Призывы к усилению служебно-прикладной роли исторической науки все чаще раздаются на Западе. Ныне, по мнению гарвардского профессора А. Шлезингера-младшего, «знание истории» становится одним из необходимых элементов политического руководства»⁹.

При этом наши идеологические противники особое значение придают изучению истории стран социалистического содружества. «Американцам необходимо точное знание коммунизма, чтобы более эффективно бороться против не-

о Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 4. М., 1974, стр. 15.

⁷ «Правда», 1973, 29 апреля.

⁸ «Правда», 1975, 19 марта.

⁹ A. Schlesinger, Jr. The Historian and History.— (Foreign Affairs*, 1963, April, p. 496—497.

го»¹⁰, — писал автор одного из учебных пособий по антикоммунизму Р. Миллер.

Подобное стремление «изучить» коммунизм, исторический путь, пройденный народами нашей страны, общее и специфическое в их общественном развитии привело к возникновению в англо-американской буржуазной историографии так называемого «советоведения» — относительно новой ветви антикоммунизма, которая стремится затормозить объективный ход истории, используя все средства идеологического воздействия на массы. С этой целью империалистическая пропаганда, в том числе и антикоммунистическая историография, разжигает национализм и антисоветизм, пытается внести разлад в сотрудничество социалистических стран и коммунистических партий, посеять смуту и замешательство в ряды революционных борцов. Поэтому «разоблачение профессиональных антисоветчиков и антикоммунистов, подвигающихся в области «изучения» проблем истории СССР и КПСС, мирового коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения» было и остается «важнейшей обязанностью советских ученых»¹¹. «Долг наших работников пропагандистского, агитационно-массового фронта — давать своевременный, решительный и эффективный отпор этим идеологическим наскокам, нести сотням миллионов людей правду о социалистическом обществе, о советском образе жизни, о строительстве коммунизма в нашей стране»¹².

Партия, как подчеркнуто в постановлении ЦК КПСС «О работе по подбору и воспитанию идеологических кадров в партийной организации Белоруссии», постоянно обращает внимание работников идеологического фронта на то, чтобы борьба против буржуазной идеологии носила боевой, наступательный характер.

Открывая межреспубликанскую научно-теоретическую конференцию, посвященную 50-летию образования СССР, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаев говорил: «Наша партия дает и впредь будет давать самый решительный отпор любым попыткам исказить и оболгать очевидные факты советской действительности, откуда бы эти попытки ни исходили»¹³.

¹⁰ R. Miller. Teaching about Communism. New York, 1966, p. 4.

¹¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 9., М., 1972, стр. 346.

¹² «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 91.

¹³ «Торжество ленинской национальной политики КПСС». Алма-Ата, 1973, стр. 11.

Одним из главных объектов систематических нападок реакционной буржуазной историографии, выступающей с позиций антикоммунизма, является история Страны Советов, которая превратилась в арену ожесточенной идеологической борьбы. Особая значимость данного участка на фронтах идеологического противоборства очевидна, ибо главной базой, питающей революционное движение во всем мире, является Советский Союз. Его успехи, мощь, пример и авторитет, его активность на международной арене, поставленные на службу идеалам мира и социализма, приобретают все большее значение для решения мировых проблем в интересах трудящихся всех стран, что вызывает страх и злобу наших недругов. Основной целью «теоретических» построений, спекулятивных умозаключений, наукообразных аргументов, разнообразных концепций и домыслов многих буржуазных авторов является стремление представить в превратном свете историю нашей страны, опорочить социалистический строй, преуменьшить достижения СССР и тем самым ослабить влияние идей коммунизма, способствовать упрочению позиций империализма, доказать «жизнеспособность», «демократичность», «гуманность» обреченного историей на гибель капиталистического общества, повинного в страданиях сотен миллионов людей на земном шаре.

Особенно безудержной клевете и фальсификации стали подвергаться в последние годы прошлое и настоящее Советских республик Средней Азии и Казахстана, ленинская национальная политика КПСС и Советского правительства, взаимоотношения народов нашей страны на различных этапах их общественного развития. В декабре 1971 г. журнал «Америкэн хисторикэл ревью» — орган Ассоциации американских историков выдвинул в качестве одной из главных задач советоведения «опровержение советских утверждений о том, что ленинская национальная политика создала что-то совсем новое в истории — многонациональное общество, в котором отсутствует рознь, и что национальная политика партии создала дружбу народов»¹⁴. В этих условиях аргументированная критика разнообразных буржуазных наскоков на нашу теорию и практику является боевой, интернациональной задачей советских историков, на что было указано в решениях XXIV съезда КПСС, в постановлениях ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию обществен-

¹⁴ «The American historical review», 1971, vol. 76, N. 5, December, p. 1577.

пых наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве», ноябрьского (1971 г.) и апрельского (1973 г.) Пленумов ЦК КПСС, в последующих документах партии.

Тщательное изучение и научная критика буржуазной историографии необходимы не только в силу политической актуальности данного вопроса. Развенчивание ложных, антинаучных взглядов «советоведов», разоблачение антисоветских, антикоммунистических небылиц и концепций относительно истории народов нашей страны диктуется также интересами развития самой исторической науки, необходимостью утверждения правды истории. Поэтому полем битвы в области историографии является не только настоящее, но и далекое прошлое, ибо историю и современность связывают глубочайшие причинные связи. В частности, обобщающее значение и критическая оценка англо-американской буржуазной историографии дореволюционного Казахстана необходимы для успешной борьбы с фальсификаторами современной истории нашей республики¹⁵. Это тем более важно, что многие аспекты фальсификации истории преемственно связаны с литературой, выходявшей еще до Октября, а приемы и методы искажения исторической правды во многом унаследованы от буржуазной историографии XIX в.

Советские ученые внесли и вносят большой вклад в борьбу с буржуазной идеологией своими исследованиями.

В фундаментальных исторических сборниках, монографических исследованиях, статьях и рецензиях советских общественников подвергнуты аргументированной и всесторонней критике антинаучный характер «советоведческих» трудов, приемы и методы фальсификации истории, несостоятельность теоретико-философских основ буржуазной исторической науки¹⁶.

¹⁵ В развитии критических исследований буржуазной историографии народов Советского Востока значительный шаг вперед сделан среднеазиатскими и казахстанскими учеными. Особо следует отметить труды Х. Ш. Иноятова, А. Рзаева, А. Нусупбекова и Х. Бисенова, К. Н. Новоселова, А. Б. Турсунбаева, Г. А. Хидоятова, Д. Кшибекова, Р. А. Тузмухамедова, В. М. Камалетдиновой, И. С. Зенушкиной, А. М. Аминова, Г. Ф. Дахшленгера и др. Хронологические рамки и содержание исследований этих авторов охватывают главным образом советский период.

¹⁶ См.: «Против фальсификации истории КПСС». М., 1964; «Внешнеполитические проблемы современности. Ответ зарубежным авторам». М., 1964; «Критика новейшей буржуазной историографии». М., 1967; «Против буржуазной фальсификации истории советского общества». Л., 1967; Г. В. Шаронов. Критика антикоммунизма по аграрному вопросу (фальсификация истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР). М., 1966; Э. А. Багратов. Национальный

Методологической основой советской исторической науки являются произведения К- Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, которые не только вооружают исследователя передовым научным мировоззрением и единственной научной методологией познания исторического процесса, но и дают ответы на конкретные вопросы, возникающие в ходе анализа и критики современной буржуазной историографии. Непримиримая борьба против идеологических врагов была и остается живой традицией марксизма-ленинизма.

В своей книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин писал: «Маркс всю цену своей теории полагал в том, что она «по самому существу своему — теория критическая и революционная»¹⁷. Не случайно К. Маркс написал свой «Капитал» как «критику современной буржуазной политической экономии», а Ф. Энгельс ряд важнейших положений марксистской теории изложил в «Анти-Дюринге».

Прямое отношение к нашей теме, в частности к критике англо-американской интерпретации политики царизма, имеет работа Ф. Энгельса по истории Ирландии (оставшаяся незаконченной). Анализ дошедших до нас материалов в виде комментированных выписок и конспектов, а также адресованные К- Марксу письма¹⁸ говорят о том, что одной из своих главных задач он считал разоблачение колонизаторской идеологии господствующих классов Англии. Высказывания Энгельса, содержащиеся в этих материалах, дают возможность исследователю представить ясную картину задуманной им обстоятельной критики шовинистических и расистско-колонизаторских концепций в работах английских буржуазных историков и экономистов об Ирландии. Энгельс показал их методологическую несостоятельность, эклектизм, модернизаторство, убожество социологических представлений, антинаучный, поверхностный подход к социальной истории.

вопрос и буржуазная идеология. М., 1966; В. И. С а л о в. Современная западногерманская буржуазная историография. М., 1968; Б. П. М а р у ш к и н. История и политика. Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969; его же. История в современной идеологической борьбе. М., 1972; «Критика буржуазных концепций истории и политики КПСС». Л., 1974 и ряд других.

¹⁷ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 1, стр. 340. При этом В. И. Ленин замечает, что «Маркс говорит здесь о материалистической критике, которую только и считает научной».

¹⁸ Часть рукописей Ф. Энгельса об Ирландии опубликована в «Архиве Маркса и Энгельса» (т. X. М., 1948, стр. 59—263).

В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс, критикуя шовинистическую историографию, свои удары направлял прежде всего против исходного положения школы «германистов». «Что же это было за таинственное волшебное средство, при помощи которого германцы вдохнули умиравшей Европе новую жизненную силу? — писал Ф. Энгельс.— Была ли это особая, прирожденная германскому племени чудодейственная сила, как сочиняет наша шовинистическая историография? Отнюдь нет... Омолодили Европу не их специфические национальные особенности, а просто их варварство, их родовой строй»¹⁹. А в статье «Коммунисты и Карл Гейнцен» (1847), характеризуя приемы и средства, к которым прибегали противники коммунизма в борьбе с марксистской теорией, Ф. Энгельс писал, что никогда против какой-либо партии не выдвигались более вздорные и более банальные обвинения, чем те, которые бросаются в адрес коммунистов.

К. Маркс и Ф. Энгельс в результате тщательного исследования большого историографического материала вскрыли сущность эволюции и кризиса буржуазной исторической науки, определяющиеся в конечном счете изменением положения буржуазии как класса в системе общественных отношений. Они показали, что буржуазные ученые в области общественных наук вступают на путь открытого разрыва с объективно-истинным познанием, как только такое познание начинает противоречить интересам буржуазии в классовой борьбе с пролетариатом²⁰.

В трудах В. И. Ленина получили дальнейшее развитие узловые методологические проблемы исторической науки: проблемы взаимоотношения между историческим исследованием и современностью, между историей как наукой и политикой, проблемы социальной функции историографии.

Важное место в ленинском идейном наследии занимают вопросы, связанные с основными принципами научной критики буржуазной историографии. Ленинская критика буржуазной идеологии, в том числе и буржуазной историографии, являет собой образец воинствующего материализма, опирается на творческое теоретическое решение важнейших проблем современности. Центральным методологическим стержнем этой критики является принцип коммунистической партийности, который обеспечивает органическое един-

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 154.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 460—462.

ство социально-политического и научно-историографического анализа. Коммунистическая партийность исходит из того, что идейная борьба есть объективное отражение классовых противоречий, и требует от историка сознательного и открытого выражения своего отношения к этой борьбе, последовательной защиты интересов рабочего класса и его союзников.

Буржуазные историки, издавна воюя против этого основополагающего принципа, твердят о существовании «расхождения между доктринальными предсказаниями и действительностью». По их мнению, партийность советской историографии является якобы «доказательством ее ненаучности и необъективности»²¹.

Вопреки измышлениям буржуазных фальсификаторов, коммунистическая партийность отнюдь не противоречит объективному, научному познанию общественных явлений, а напротив, полностью соответствует этому и требует такого познания.

Марксистско-ленинское учение, будучи методологической основой исследований советских историков и требуя от них открытого и сознательного выражения интересов трудящихся, является строго научным мировоззрением, ибо исходит из объективных законов и тенденций общественного развития. Оно является мировоззрением партийным, ибо подлинная объективность отражает коренные интересы и потребности передовой социальной силы современного общества—рабочего класса, а в конечном счете интересы всего прогрессивного человечества.

Ряд современных англо-американских буржуазных «советологов», придерживаясь теории «деидеологизации», пытается встать «выше» борьбы двух идеологий, стремится выдать свои исследования за «надклассовые» и «беспартийные». Беспочвенность подобных попыток очевидна, ибо, как отмечал В. И. Ленин, «... ни один живой человек *не может не становиться на сторону* того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчиться его неудачами, не может не негодовать на тех, кто враждебен этому классу,

²¹ «Marxist ideology in the contemporary world». New York—Washington, 1966, p. XV; E. H. Carr as historian of Soviet Russia.—«Soviet Studies». London, 1955, vol. VI, N. 4, p. 337. Об этом см.: Р. А. Казакевич, Ф. М. Сулова. Мистер Пайпс фальсифицирует историю. О книге Р. Пайпса «Социал-демократия и рабочее движение в Санкт-Петербурге. 1885—1897». Л., 1966, стр. 5.

на тех, кто мешает его развитию распространением отсталых воззрений и т. д. и т. д.». Беспартийность, указывал Ленин, ни в коей мере и ничуть не равняется нейтралитету, равнодушному наблюдению за ходом борьбы буржуазии и пролетариата, так как в классовой борьбе не может быть нейтральных. «Беспартийность в буржуазном обществе есть лишь лицемерное, прикрытое, пассивное выражение принадлежности к партии господствующих, к партии эксплуататоров»²².

Протаскивание идей межнациональной розни, расизма и шовинизма англо-американскими реакционными историками в изучении проблем истории Казахстана под видом «ультраклассового», «надклассового», «надпартийного», «объективного» и т. п. подхода к анализу общественных явлений лишний раз свидетельствует о справедливости этих ленинских высказываний. Все большее усиление прикладного значения англо-американской историографии и открытое, настоятельное требование многих современных историков США и Англии, чтобы историческая наука обслуживала нужды империалистической политики, также показывают, что «... в обществе, раздираемом классовыми 'противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии»²³. В классовом обществе использование социальных последствий той или иной продукции ученого-обществоведа происходит независимо от его воли и субъективного осознания им того, что идеологическая борьба является объективным отражением столкновения классовых интересов. Даже историки-объективисты, вполне искренне считающие себя надпартийными, не могут предотвратить использование их исследований в классовой борьбе, ибо невозможно жить в классовом обществе и оставаться независимым от него.

Марксистский принцип партийности, материалистическое понимание познания социальных явлений в корне отличаются от буржуазного объективизма. В работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» В. И. Ленин, раскрывая конкретное содержание партийности общественных наук, видит коренной порок объективизма буржуазной социологии в отсутствии классового подхода к анализу общественных процессов. «Объекти-

²² В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 2, стр. 547—548; т. 12, стр. 137, 138.

²³ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 6, стр. 39—40.

вист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит «о непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов»²⁴.

Буржуазный объективизм, противопоставляя объективность и классовость общественных наук, оправдывает существование капитализма, ставшего тормозом на пути социального прогресса. А именно это не позволяет объективно раскрыть тенденции исторического развития. Это возможно только на основе марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях, о классах и классовой борьбе.

В. И. Ленин всегда последовательно и решительно отвергал попытки идейных врагов марксизма выхолостить суть теории социально-экономических формаций, рассматривать социальные системы, общественные формации вне связи с классовой структурой данного общества. Это методологическое указание вождя особенно актуально в наши дни, когда буржуазная историография США и Англии всячески старается внедрить в сознание трудящихся убеждение, будто нет больше классов и классового неравенства в капиталистическом обществе, они якобы исчезли в результате научно-технической революции...

Именно в теории классовой борьбы В. И. Ленин видел «руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе...»²⁵.

В статье «О политической линии» В. И. Ленин писал: «Мои идеалы построения новой России будут нехимичны лишь тогда, когда они выражают интересы действительно существующего класса, которого условия жизни, заставляют действовать в определенном направлении. Становясь на эту точку зрения объективизма классовой борьбы, я ни сколько не оправдываю действительности, а напротив, указываю в *самой* этой действительности самые глубокие (хотя

²⁴ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 1, стр. 418.

²⁸ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 26, стр. 58.

бы и невидные с первого взгляда) источники и силы ее преобразования»²⁶.

Следовательно, марксист не ограничивается констатацией необходимости того или иного исторического процесса, а стремится выяснить социально-экономическую основу такой необходимости, раскрыть ее проявления в деятельности определенных классов, показать, *«какой именно класс определяет эту необходимость»*²⁷, а также четко и определенно выражает свое отношение к рассматриваемым фактам и явлениям общественной жизни.

Разобраться в чрезвычайной пестроте буржуазных политических и философских учений можно только в том случае, учил В. И. Ленин, «если твердо держаться, как руководящей основной нити, этого деления общества на классы, изменения форм классового господства и с этой точки зрения разбираться во всех общественных вопросах — экономических, политических, духовных, религиозных и т. д.»²⁸. Ленинский подход к анализу и пониманию взаимоотношений классов помогает ученому сознательно встать на позиции защиты рабочего класса и его союзников в борьбе с враждебными им идеологическими течениями.

В. И. Ленин указывал также, что буржуазный объективизм несовместим с последовательным проведением историзма при рассмотрении явлений общественной жизни. Антиисторизм присущ и методологии современных англо-американских историков, которые под маской буржуазного объективизма протаскивают угодные империалистам идеи, не останавливаясь перед прямым игнорированием объективной истины в исторической науке. Именно поэтому с позиций буржуазного объективизма нельзя познать главные закономерности исторического процесса.

Подлинно научным историзмом является лишь такой подход! к толкованию истории, который органически соединен с коммунистической партийностью, не имеющей, однако, ничего общего с догматизмом и волюнтаризмом, субъективистской реконструкцией фактов в соответствии с заранее принятой схемой, как привычно твердят некоторые историки в Англии и США.

В. И. Ленин писал: «Надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который

В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 22, стр. 101.

В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 1, стр. 418.

В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 39, стр. 72.

можно бы было опираться... Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения». Владимир Ильич указывал, что «марксизм стоит на почве фактов, а не возможностей. Марксист должен в посылки своей политики ставить только точно и бесспорно доказанные факты»²⁹.

Вольное обращение современных англо-американских буржуазных историков с фактами нередко приводит их к грубой фальсификации. В. И. Ленин требовал от марксистов стоять на почве фактов и в области критики буржуазной историографии, выступал за научность, аргументированность и конкретность этой критики. Непременными условиями этого являются, в частности, точное определение объекта критики, правильное освещение взглядов идейного противника, анализ их источников, установление классовой направленности и целей. Ленин считал недопустимым прием «выставить тетю Салли», т. е. приписать идейным и политическим противникам взгляды, которые они не выражали, а потом разбивать эти взгляды. Независимо от субъективного стремления *£*амих авторов неконкретная, неубедительная критика бесполезна и даже вредна, ибо становится уязвимым объектом для последующих буржуазных нападков на марксистскую общественную науку.

Одним из важнейших ленинских принципов научного характера критики является органическое единство исследования гносеологических корней различных течений и школ буржуазной историографии с анализом их социальной сущности и роли, классовых интересов и целей, с раскрытием опасности рассматриваемых взглядов для дела рабочего класса и его политической партии. Труды В. И. Ленина в этом отношении являются непревзойденным образцом.

Методологический порок буржуазной историографии заключается в субъективистском отношении к общественным явлениям. Буржуазные историки не могут дать научного объяснения новых явлений общественного развития, в исследовании прошлого человеческого общества они абсолютизируют одни стороны явления в ущерб другим, подменяют конкретно-исторический подход к явлению действительности абстрактным, отказываясь таким образом от принципов

²⁹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 30, стр. 350—351; т. 49, стр. 319.

историзма. Это происходит потому, что научное познание действительности противоречит классовым интересам и целям буржуазной историографии. Поэтому единственным оружием наших идейных и политических противников выступает то грубая, то утонченная фальсификация действительности в зависимости от той или иной исторической обстановки.

В трудах В. И. Ленина можно найти немало примеров всесторонней и убедительной научной критики разнообразных буржуазных концепций, историографических школ и течений, грубых извращений и подтасовок при рассмотрении буржуазными учеными философских и социально-политических взглядов основоположников марксизма. В. И. Ленин, отстояв основные положения марксизма от замаскированных нападок буржуазных социологов и историков, до конца вскрыл гносеологические корни и несостоятельность представления об историческом материализме как фаталистическом учении, беспочвенность стремления встать выше материализма и идеализма и противопоставил всем этим попыткам материалистическое понимание истории как единственно научное³⁰.

Идеологи класса капиталистов и ныне стремятся «подправить» марксизм, устранить его мнимую «односторонность», «встать выше» главных методологических направлений в понимании исторического процесса. В. И. Ленин не раз разоблачал эту приспособительскую реакцию буржуазных идеологов, которые выдавали себя за «демократов», «социалистов», пытаясь тем самым растворить идеалы социализма в буржуазном либерализме, извратить реальное содержание марксизма. Так, в статье «Народническая буржуазия и растерянное народничество» он подверг резкой критике попытку приравнять буржуазное реформаторство к социализму³¹.

Разнообразные замаскированные концепции отдельных историков и социологов США и Англии о некоем «сближении капиталистического и социалистического обществ» и их предложения о «желательности», «необходимости либерализации» социалистического строя в нашей стране во многом напоминают приемы идеологов российской буржуазии, несостоятельность которых давно доказана самой историей.

³⁰ См.: В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 4, стр. 37; т. 6, стр. 50; т. 19, стр. 176—177 и посл.

³¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 8, стр. 79.

Большой теоретический и практический интерес представляет ленинский метод критики идейно-политических позиций представителей буржуазно-либеральной историографии реформы 1861 г., революции 1905 г. и последующей политической борьбы. В статьях «Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа?», «В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства?», «Буржуазия сытая и буржуазия алчущая», «Откровенные речи либерала», «Последнее слово русского либерализма», «Политические партии за 5 лет третьей Думы», «Либеральное подкрашивание крепостничества», «Возрастающее несоответствие» В. И. Ленин подверг уничтожающей критике взгляды крупного буржуазного историка П. Г. Виноградова и кадета П. Н. Милюкова, глубоко раскрыв гносеологические и идейно-теоретические корни фальсификации ими исторической действительности. Как первый, так и второй, под видом объективного научного анализа выступали в защиту корыстных интересов либеральной буржуазии. Говоря о П. Милюкове, В. И. Ленин констатировал как факт «превращение сведущего историка в дюжинного либерального сикофанта». Что касается П. Виноградова, то о нем Владимир Ильич сказал довольно лаконично: «Какое гнусное предательство революции под соусом якобы ученого и якобы объективного рассмотрения вопроса»³².

При оценке того или иного явления в истории науки, характеристике исторических концепций и взглядов представителей буржуазной историографии В. И. Ленин считал необходимым устанавливать их связь с идейной борьбой своего времени, прослеживать за борьбой идей движения и столкновения классов. Так, например, за разглагольствованиями П. Струве, П. Милюкова, М. Туган-Барановского, А. Кизеветтера, которые всячески искажали цели и характер революции 1905—1907 гг., революционные способы решения социально-политических вопросов и лозунги борьбы, Ленин видел отражение враждебности класса буржуазии к пролетариату в историографии. Подвергая меткой критике лицемерие и несостоятельность буржуазной историографии, В. И. Ленин писал: «Когда народные массы сами, со всей своей девственной примитивностью, простой, грубоватой решительностью начинают творить историю, воплощать в жизнь прямо и немедленно «принципы и теории», — тогда

буржуа чувствует страх и вопит, что «разум отступает на задний план»... Когда непосредственное движение масс при-
давлено расстрелами, экзекуциями, порками, безработицей
и голодовкой, когда вылезают из щелей клопы содержимой
на дубасовские деньги профессорской науки и начинают
вершить дела *за* народ *от имени масс*, продавая и предавая
их интересы горсткам привилегированных,— тогда рыцарям
мещанства кажется, что наступила эпоха успокоенного и
спокойного прогресса, «наступила очередь мысли и ра-
зума»³³.

Изучая буржуазную историческую литературу и публи-
цистику, В. И. Ленин тщательно анализировал источник-
ведческую базу, различные оттенки взглядов и концепций,
выдвигаемых в ней. Однако главное внимание Ленин уде-
лял раскрытию, опять-таки, гносеологических корней и ана-
лизу их социально-классовых истоков. Рассматривая в
статье «В лакейской» периодические издания меньшевиков
и эсеров, В. И. Ленин писал: «Оттенков среди этой публики
очень много, но они никакого серьезного значения, с поли-
тической точки зрения, не имеют, ибо сводятся к тому,
насколько лицемерно или искренне, грубо или тонко, аляпо-
вато или искусно исполняют они свои лакейские обязанно-
сти по отношению к буржуазии». Все они искажали «правду
в угоду реакции и буржуазии»³⁴, их идеи и взгляды до сих
пор отстаются на вооружении англо-американских «совето-
ведов».

В. И. Ленин, разоблачая своих идейных противников,
указывал, что они нередко прибегали к «недозволенным»
приемам: к подмене понятий, приписыванию марксизму
чуждых ему взглядов. Характерно, что эти же приемы ши-
роко применяются в наше время англо-американской бур-
жуазной историографией. Дж. Уил'ер, С. Зеньковский,
Р. Пайпс, Э. Д. Сокол и другие «специалисты» по Средней
Азии и Казахстану нередко выдают труды меньшевиков и
эсеров, белогвардейцев и эмигрантов, шовинистов и нацио-
налистов за труды советских авторов, а ошибки отдельных
наших историков, допущенные ими в первые годы Советской
власти и затем исправленные, переносят на всю советскую
историческую науку.

Разумеется, историки и социологи США и Англии, как
и любой другой страны, вправе ссылаться на отдельные

³³ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 41, стр. 389—390.

³⁴ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 39, стр. 139; т. 45, стр. 33.

ошибочные положения казахстанской историографии, поскольку они имели место в толковании и оценке некоторых сторон общественной жизни казахов в дореволюционный период. Но принципы объективности требуют от исследователя признания того, что эти положения были допущены не в результате следования ленинской методологии, а отхода от нее, что они не есть «господствующая» в советской исторической науке точка зрения, а отвергнутые ею ошибки. В постоянной и непримиримой борьбе против враждебных делу, и идеям социализма идеологических направлений и течений, в том числе и буржуазных историографических концепций, В. И. Ленин создал подлинно научную систему полемики, основанную на непобедимости самого учения марксизма-ленинизма. Ленинский метод полемики отличается убедительностью, логичностью мышления, неопровержимостью. Но не пренебрегал он и эмоциональной стороной <в споре. Как прямое продолжение неопровержимых аргументов звучат меткие и уничтожающие характеристики, которые порою давал В. И. Ленин своим идейным противникам: «ученый лакей российской буржуазии», «муж алтынной науки» (о буржуазных историках П. Г. Виноградове, П. П. Милюкове). В их писаниях он видел «искажение истории и забвение азбучных истин исторической науки». К. Д. Кавелина, идеолога помещичье-буржуазного либерализма, публично одобрявшего арест Чернышевского, В. И. Ленин охарактеризовал как одного из «отвратительнейших типов либерального хамства», а его выступления в 60-х годах рассматривал как «образчик профессорско-лакейского глубокомыслия»³⁵.

Ленин нередко сопоставлял извращенные буржуазными социологами отдельные марксистские положения с действительными взглядами К. Маркса и Ф. Энгельса. Приписывать своим противникам то, что они никогда не говорили,— давний прием несправедливой критики. Как и в прошлом, так и теперь, идеологи буржуазии прибегают к прямой фальсификации взглядов передовых, в частности советских, ученых. В последующих главах не раз придется «ловить за руку» подобных фальсификаторов.

Прием обнаружения и противопоставления противоречий в точках зрения различных антимарксистских историографических школ, концепций и течений применялся В. И. Ле-

³⁵ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. II, стр. 227; т. 20, стр. 331; т. 21, стр. 259; т. 5, стр. 33.

ниным как средство опровержения, доказательства их несостоятельности и субъективности. В целях точной передачи той или иной существенной мысли критикуемого можно подробно цитировать его сочинения. Однако такие цитаты, как объект научной критики, должны отражать определенную систему взглядов, концепцию, течение в буржуазной историографии. Поэтому Ленин резко осуждал непродуманное использование такого приема в науке и определял его как «игра в примеры, фактики и цитаты». Цитирование эффективно в том случае, если за ним следует серьезная научная критика по существу, а не навешивание ярлыков на автора цитируемого произведения.

Советские историки в своих исследованиях руководствуются ленинским указанием о том, что основная направленность буржуазной общественной мысли состоит в борьбе против марксизма во имя спасения устоев капитализма, что буржуазная общественная наука переживает глубокий методологический кризис. Вместе с тем нам нельзя забывать замечания В. И. Ленина о том, что «ученые приказчики класса капиталистов» способны создавать очень ценные работы в специальных областях экономической и исторической наук. Поэтому Ленин считал необходимым для марксистов «...суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков), — и *уметь* отсеять их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов»³⁶.

Таким образом, В. И. Ленин не только вскрыл порочность идейно-методологических концепций и социальную функцию буржуазной историографии, но и установил объективное значение результатов познания буржуазными учеными исторической действительности. Ленин учил различать в трудах буржуазных авторов, с одной стороны, обобщения и выводы, оценку и методологическую основу, а с другой — используемый ими достоверный фактический материал, который может и должен быть принят и соответствующим образом обобщен советскими учеными. Именно так поступал сам В. И. Ленин.

В своих гениальных трудах В. И. Ленин использовал, творчески и критически переработав, все то, что было созда-

но на протяжении веков человеческим разумом. Прежде чем Ленин приступал к созданию очередного научного труда, он тщательно изучал огромное количество книг, журнальных и газетных статей, как марксистских, так и буржуазных авторов — отечественных и зарубежных. В. И. Ленин постоянно следил за буржуазной и примыкавшей к ней литературой различного толка о нашей стране, о международном рабочем движении. Он видел в подобной литературе источник сведений, необходимых для понимания идеологии наших политических противников. Ленин считал необходимым «ясно знать своего врага»³⁷, чтобы тем успешнее бороться с ним.

В октябре 1920 г. заведующий архивно-библиотечным отделом Исполкома Коминтерна А. И. Тенеибаум обратился к В. И. Ленину с письмом, в котором изложил недостатки в организации закупок литературы за границей и обосновал необходимость создания особого органа, «снабжающего главные центры Республики зарубежной литературой и периодическими изданиями по всем отраслям знания». Внимательно ознакомившись с докладной запиской, Владимир Ильич поручил управляющему делами Совета Народных Комиссаров Н. П. Горбунову изучить содержание представленных документов и доложить ему. 21 мая 1921 г. Н. П. Горбунов обратился в Народный Комиссариат просвещения с предложением внести на рассмотрение Совнаркома проект декрета о централизации закупки политической, научной и технической литературы за границей. Предложения В. И. Ленина легли в основу декрета СНК о порядке приобретения и распределения заграничной литературы, подписанного им³⁸. Все это говорит о том, что Ленин придавал большое значение критическому изучению буржуазной литературы.

Необходимо подчеркнуть также то обстоятельство, что Владимир Ильич мною внимания уделял историческим судьбам трудящихся колониальных окраин царской России, о чем косвенно свидетельствуют, в частности, прочитанные или использованные им многочисленные книги различных буржуазных как отечественных так и зарубежных историков, посвященные жизни народов Средней Азии и Казахстана. Так, например, в каталоге «Библиотека В. И. Ленина в Кремле» можно обнаружить с надписями «VI. Oulianoffo,

³⁷ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 43, стр. 139.

³⁸ «История СССР», 1970, № 1, стр. 72, 75—70.

«Ленин», «В. И. Л.» книги Т. Седелышкова «Борьба за землю в Киргизской степи (киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства)», (СПб, 1907), Л. Клейнборта «Русский империализм в Азии» (СПб, 1906); иностранных авторов — П. М. Сайкса «История Персии» (Лондон, 1915), Г. Г. Уэллса «Очерки истории» и другие³⁹.

В «Тетрадах по империализму» В. И. Лениным законспектированы два исследования о Туркестане: П. Е. Кузнецова «Борьба цивилизации и языков в Центральной Азии» и Отто Гетча «Русский Туркестан и тенденции современной русской колониальной политики». Первый из них — Петр Евдокимович Кузнецов учился в Сорбонне, где защитил диссертацию о языках народов Средней Азии. Прочитав его книгу, Владимир Ильич записал: «Книга посвящена только Туркестану,— его истории, колонизации (между прочим, Андижанское восстание 1898 г.; автор предостерегает и впредь)... (с. 295 и др.).

Развитие культуры, хлопка, железных дорог etc, etc. Много указаний литературы... Точка зрения, кажись, казенная»⁴⁰.

К сочинению немецкого буржуазного историка О. Гетча В. И. Ленин обратился во время подготовки «Империализма, как высшей стадии капитализма» и отметил, что «автор знает по-русски, сам был в Туркестане и хорошо изучил литературу». Он сделал из книги несколько дословных выписок, касающихся территории, численности и этнического состава населения, экономики и культуры Туркестана. В частности, В. И. Ленин выписал такие сведения: «В 1880 г. в России насчитывалось 11 млн. мусульман, вся их печатная литература состояла из 7—8 книг; у них была одна типография, 4 вождя и 12 человек с высшим образованием, в том числе 1, который учился в Западной Европе. В 1910 г. их было уже 20 млн.; они имели свыше 1000 печатных книг, 14 типографий и 16 периодических изданий, 200 человек, получивших высшее образование в России, и 20 — в Западной Европе, около 100 литераторов, 6 высших и 5000 низших школ, 37 благотворительных учреждений, 3 небольших банка и 3 сельских банка»⁴¹.

Труд О. Гетча, нам кажется, не случайно привлек внимание В. И. Ленина. О. Гетч был одним из виднейших спе-

³⁹ См.: <Библиотека В. И. Ленина в Кремле>. М., 1961, стр. 214, 222, 674, 682—683, 684.

⁴⁰ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 28, стр. 191.

В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 28, стр. 514.

циалистов по русской истории в Западной Европе, и его книга «Краткий очерк истории России (1842—1946)»⁴² является до сих пор наиболее объективным из всего того, что написано на немецком языке буржуазными авторами о России.

В то же время нужно отметить, что, возражая против нигилистического отношения к работам буржуазных ученых в области общественных наук, В. И. Ленин всегда предостерегал от объективистского подхода к ним: «...Одно дело — не закрывать глаз на буржуазную науку, следя за ней, пользуясь ею, но относясь к ней *критически* и не поступаясь цельностью и определенностью миросозерцания, другое дело — пасовать перед буржуазной наукой и повторять, напр., те словечки о «тенденциозности» Маркса и т. п., которые имеют совершенно определенный смысл и значение»⁴³.

Особенно актуален вывод В. И. Ленина о том, что «в философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины, не падая в объятия буржуазно-реакционной лжи». Ленин указывал на необходимость «ни на минуту не упускать из виду нашей конечной цели, всегда пропагандировать, охранять от искажений и развивать дальше пролетарскую идеологию — учение научного социализма, т. е. марксизм. Мы должны бороться против всякой буржуазной идеологии, в какие бы модные и блестящие мундиры она ни рядилась»⁴⁴.

Вся ленинская методика, все основные ленинские' принципы критики буржуазной историографии подчинены единой главной цели — разоблачению ее классовых и гносеологических корней, доказательству научной несостоятельности, раскрытию объективной направленности и целей, определению ее места в общей системе враждебных общественному прогрессу идейных течений. В основе ленинских приемов критики идейных и политических противников лежит принцип коммунистической партийности, обязывающий «при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»⁴⁵, т. е. на защиту интересов самой передовой силы современности — рабочего класса и его союзников.

⁴² О. Hoetzch. Grundziige einer Geschichte Russlands. Stuttgart, 1949.

⁴³ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 3, стр. 636. Примечание.

⁴⁴ Вч И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 18, стр. 346; т. 6, стр. 269, г. \\. Ленин. Лолн. собр. соч., т. 1, стр. 419,

Принципиальные положения необъятного ленинского методологического наследия получили дальнейшее творческое развитие в Программе КПСС, решениях XXIV съезда партии, в постановлениях Пленумов ЦК КПСС, документах международных Совещаний коммунистических и рабочих партий, а также в трудах и выступлениях видных деятелей Коммунистической партии, мирового коммунистического и рабочего движения.

В данной работе мы не ставили перед собой цели охарактеризовать ленинские воззрения, касающиеся отношения к буржуазной историографии в целом. Это предмет особого исследования. Однако из сказанного видно, -что критическое изучение буржуазной историографии нашей страны (и отдельных ее исторически сложившихся районов) должно занимать достойное место в трудах советских историков. Это диктуется как познавательными целями, так и актуальными задачами идеологической борьбы на современном этапе мирового развития.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА XIX—НАЧАЛА XX вв. В АНГЛИИ И США

СОСТОЯНИЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ КАЗАХСТАНИКИ ДО XIX в.

Казахские земли и населявшие их племена, их быт и образ жизни были известны в Западной Европе еще в древности. Однако потребовались столетия, пока представления европейцев, в частности англичан, о сказочных восточных странах, описанных в трудах греческих, римских и арабских историков и путешественников, пополнились первыми письменными сведениями о Казахском крае и его народе. В XIII в. гениальный английский ученый Роджер Бэкон (ок. 1214—1295 гг.) в своих сочинениях «Opus majus», «Opus minus» и «Tertius» («Большое», «Малое», и «Третье»), в которых использовались труды «второго Аристотеля»—Абунасыра Аль-Фараби, дал историко-географический очерк Азии. В «Большом сочинении», характеризуя «Команию»—половецкую степь, исторические судьбы которой так тесно связаны с казахской землей, Бэкон повествует о татарах, каракитаях и* других народах. «Земля между Танаисом и Этилем,— писал Бэкон,—принадлежала команам, которых называли канглы, но татары их покорили. По ту сторону Этиля находится третье княжество татарское, в котором татары истребили природных жителей, команы же сохранили прежнее имя канглов. Простирается это княжество на восток от реки Этиля на расстояние четырех месяцев пути, если отправиться туда южной дорогой, если же через северные области — то двух месяцев и десяти дней»¹. Указанные здесь земли между Танаисом (Доном) и Этилем (Волгой) назывались Дешт- и -Кыпчак, их обитателями были тюркские племенные группы, в том числе и коман*ы (византийское название; русское — половцы, тюркское—

¹ Цит. по кн.: М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XIII и XVII вв. Изд. 2-е, т. 1. Иркутск, 1932, стр. 25.

кыпчак). Кантлы и кыпчаки — одни из древнейших и важнейших компонентов в этногенезе казахского народа.

Основываясь на данных западноевропейских путешественников, Бэкон далее попытался внести поправку в ошибочные представления Плиния и Исидора Севильского о Каспийском море. Он стал первым, кто поведал своим соотечественникам о казахских землях.

Дальнейшему расширению представлений англичан о Средней Азии и "Казахстане" способствовала европейская торговля, получившая широкий размах к XIV—XV вв. Экспансия европейского торгового капитала, а также прогресс водного транспорта привели в XV в. к возникновению новых путей из Европы в Азию, в том числе пути через русские земли от Белого моря по Северной Двине, Волге и Каспийскому морю; Этот путь осваивался англичанами уже во второй половине XVI в. Возникает специальное «Общество купцов, искателей стран, земель, островов, государств и владений неведомых и доселе морским путем не посещаемых»². Наряду с планами проникновения по волжско-каспийскому пути в Иран, Индию и Китай, английские купцы в неменьшей степени возлагали надежды на выгодную торговлю и со Средней Азией. А это в свою очередь требовало изучения казахских земель, лежащих между Россией и Средней Азией, Индией, Ираном, Китаем.*

Дневники и донесения агентов английской компании, совершивших далекие путешествия, содержат ряд ценных описаний и фактов. Так, «новый тип путешественников в XVI в. — по словам В. В. Бартольда, — получает выдающееся значение в истории ознакомления Европы с Востоком»³.

Первым англичанином, посетившим казахские земли и зафиксировавшим это в письменных источниках, явился Антони Дженкинсон, оставивший описание своего путешествия в Бухару и Хиву⁴.

² «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке». Пер. с англ. Ю. В. Готье. М., 1937, стр. 11.

³ В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, стр. 107.

⁴ Впервые опубликовано в известном собрании Гзклеита: «The principal navigations, voyages, traffiques and discoveries of the English nation», изданном в 1598—1600 гг. Перевод «Путешествия» Дженкинсона на русский язык впервые был осуществлен С. М. Середониным, который, однако, оставил без внимания памятную записку, данную Дженкинсону компанией, важную для понимания цели путешествия. Наиболее полным является перевод Ю. В. Готье.

А. Дженкинсон выехал из Москвы в сопровождении служащих английской компании Ричарда Джонсона, Роберта Джонсона и «татарина-толмача с тюками различных товаров» в апреле 1558 г. Достигнув Астрахани по волжско-каспийскому пути, в дальнейшем «ехали на 1000 верблюдов, купленных у местных жителей», и через Мангышлак и Устюрт с торговым караваном проникли в Хиву и Бухару⁵.

В труде А. Дженкинсона имеется повествование о войне, которая велась, по-видимому, Хакк-Назаром, сыном Касыма, в 50-х годах XVI века: «Уже 3 года до моего приезда сюда (т. е. в Бухару.— Е. К.) длилась большая война, продолжавшаяся и при мне, между большими татарскими странами и городами, расположенными как раз по пути между Бухарой и Китаем, и некоторыми варварскими степными народами, как язычниками, так и магометанами, граничащими с этими городами. Города эти называются Ташкент (Tash Kent) и Кашгар (Cassagar); народ, воюющий с Ташкентом, называется казахами (Cassack), магометовой веры, а те, которые ведут войну с Кашгаром, зовутся книгами (Qinghs), они язычники и идолопоклонники. Оба эти варварских народа могущественны; они живут в степях, не имея ни городов, ни домов, и почти покорили вышеназванные города, так крепко заперев дорогу, что никакому каравану нельзя пройти не ограбленным»⁶. Характерно также замечание Дженкинсона о том, что «киргизский народ живет толпами, т. е. ордами»⁷. Оставив на совести автора утверждения о «варварстве», отметим значимость подтверждаемых многими источниками фактов соотношения ислама и язычества у казахов, их образе жизни.

Ричард Джонсон, спутник Дженкинсона, собрал данные о путях из Москвы в Китай и о разных народах, живущих между этими государствами⁸. В основном это сведения о

⁵ Указ. соч. (в переводе Ю. В. Готье), стр. 175; В. Д. А л е н и ц ы н. Несколько замечаний о путешествии Дженкинсона в Хиву в 1559 году.—«Записки Русского Географического общества по отделению этнографии», т. 6, 1880, отд. 2, стр. 43—56.

⁶ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», стр. 185.

⁷ См. объяснительные надписи на карте А. Дженкинсона. Приложение к указ. сочинению.

⁸ «Early voyages and travels (o Russia and Persia by Ant. Jenkinson and other Englishmen*, ed. by. D. Morgan. London, 1886, pp. 101—104. Путь из Белого моря по Северной Двине и Волге через Каспийское море в Персию и Среднюю Азию подробно описывается и хронике Вильяма Кэмдена — основателя английской и сродной с ней школы ЭЮХ» Возрождения—«Аппалы царствования королевы Елизаветы». (См. «Фео-

трех маршрутах «татарских» торговцев от Астрахани через Бухару. В 1565—1567 гг. он организовал торговую экспедицию в Иран, в которой участвовал агент английской Московской компании Артур Эдварде, посещавший Иран и в последующие годы (1568, 1579, 1580). Исходным пунктом всех экспедиций служила Астрахань.

А. Эдварде оставил описание поездки 1565—1567 гг., опубликованное под названием «Некоторые письма Артура Эдвардса»⁹. Участник торговой экспедиции английских купцов в Иран 1568 г. Лоренц Чэпман также оставил путевые записки¹⁰, содержащие сведения о жителях прикаспийских районов и Мангышлака.

Из англичан, посетивших Россию в XVI в. и описавших соседние с русским государством территории, наиболее образованным человеком был Джильс Флетчер¹¹. Воспитанник школы в Итоне, выпускник Кембриджского университета, доктор права, Флетчер в 1588 г. был отправлен в Россию, где пробыл до июля 1589 г.

Учитывая экономическую выгоду торговли со Средней Азией и Ираном, английская королева просила Москву через Флетчера о дозволении английским торговцам проезжать через его земли в Бухару, Шемаху и Персию¹². Эти переговоры явились свидетельством интереса Англии к среднеазиатским землям и казахской степи. Об этом ясно говорят сочинения Д. Флетчера «О государстве Русском» и исторический трактат о происхождении «татар», в которых приведены разнообразные сведения о пограничных с Россией народах¹³.

дальняя Россия во всемирном историческом процессе». М., 1972, стр. 320). В хронике рассказывается также о первом плавании Дженкинсона по Каспийскому морю и о составлении им карт России.

⁹ ^Certain letters of Arthur Edwards, written out of Russia, Media and Persia to the Company of Moscovie merchants in London*. R. Hakluyt. Collection of the early voyages, travels and discoveries of the English nation. London, 1598—1600, vol. 1.

¹⁰ R. Hakluyt. Collection of the early voyages, travels and discoveries of the English Nation. L., 1598—1600, v. I.

¹¹ «The English works of Giles Fletcher, the elder*. Ed. I. E. Berry. Madison univ. Press, 1964.; С. М. Середонин. Сочинение Джильса Флетчера как исторический источник. СПб, 1891, стр. 40.

¹² А. П. Субботин. Россия и Англия на среднеазиатских рынках. СПб, 1885, стр. 10.

¹³ См.: С. М. Середонин. Указ. соч.; М. А. Алпатов. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973, стр. 289—301; «Библиотека для чтения», 1860, т. 158, № 1—2.

В XVIII в. в Англии стали переводить на английский язык труды русских и западноевропейских авторов по истории, этнографии, экономике узбеков, казахов и других народов. Этот возраставший интерес к казахским землям, в частности, был обусловлен их экономической и стратегической значимостью, ибо, как точно определил Петр I, «киргиз-кайсацкая орда» была «ко всем азиатским странам... ключ и врата»¹⁴.

Англию не устраивало утверждение России на Балтике и Каспийском море, расширение сферы ее влияния в Средней Азии и Казахстане. После восстановления в 1728 г. англо-русских отношений, прерванных во время Северной войны, английские купцы и дипломаты упорно хлопотали о заключении торгового соглашения с Россией и установлении транзитного торгового с Ираном. В Россию устремились английские купцы, военнослужащие, инженеры и картографы¹⁵.

Торговая экспансия частных предпринимателей, шедшая в XVI в. «рука об руку с агрессивными намерениями английского правительства»¹⁶, еще яростнее проявилась в 30—40 годах XVIII в. Уже в мае 1734 г. в составе Оренбургской экспедиции (1734—1736), вскоре переименованной в Оренбургскую комиссию (1737—1742), оказались два англичанина — Джон Эльтон и Джон Кэстль. Первый из них — морской офицер, принял участие в картографических работах экспедиции¹⁷. Значительный интерес представляет мало известный в литературе дневник Джона Кэстля, впервые подвергнутый обстоятельному анализу П. Е. Матвиевским¹⁸.

И «Временник Московского общества истории и древностей российских», Кн. 13, разд. III, М., 1882, стр. 15.

¹⁵ А. Н. Александренко. Реляции кн. А. Д. Кантемира из Лондона (1732—1733 гг.). М., 1892, т. 1, стр. 62—63; П. Е. Матвиевский. О роли Оренбурга в русско-индийской торговле в XVIII в. — «История СССР», 1969, № 3, стр. 99; П. А. Остроухов. Англо-русский торговый договор 1734 г. СПб., 1914, стр. 51—57.

¹⁶ Э. С. Виленская. К истории русско-английских отношений в XVI в. — «Исторические записки», т. 29, 1949, стр. 125.

¹⁷ Н. Попов. Татищев и его время. М., 1861, стр. 190; В. Ф. Гнучева. Материалы для истории экспедиции АН в XVII и XIX вв. Хронологические обзоры и описания архивных материалов. М.—Л., 1910, стр. 71. Копии составленных Д. Эльтоном карт Поволжья, реки Яик от Верхнеяицкой пристани до города Яик и восточного побережья Каспия находятся в библиотеке АН СССР.

¹⁸ «Journal von der Ao. 1736 aus Orenburg zu dem Ahul-Geier Chan der Kirghis-Kaysack Tartarischen Horda aus freiem Willen und bloß zu

Л. Кэстль был принят в 1734 г. на службу в экспедицию в качестве художника. Он объездил Башкирию, значительную часть Казахской степи и Оренбургского края; участвовал в приеме в Оренбурге послов Абулхаира, сносился с султаном Ералы и совершил путешествие к хану Абулхаиру. Его «Дневник» дополняет и расширяет представления об эпохе крутого перелома в исторической судьбе казахского народа, приведшего к его добровольному переходу в российское подданство, содержит некоторые материалы о внутренней жизни Младшего жуза, обычаях казахов.

В 30—40-х годах XVIII в. в казахской степи не раз бывал английский купец Роман (Реональд) Гокк, скупавший ^верблюжью шерсть. По возвращении в Самару он сообщил, что караванная торговля купцов с Хивой может быть безопасна и выгодна при условии «охранения» ее казахскими владельцами; собрал данные о состоянии торговли казахов с хивинцами, каракалпаками, о жизни казахов. В июне 1741 г. Р. Гокк вторично отправился через казахские земли к каракалпакам. Оренбургская комиссия вменила ему в обязанность «подробно описывать горы, реки и речки, озера и озерки... внимательно осмотреть землю у Аральского моря (годна ли она к хлебопашеству) и все места, где предполагается основать пристань». В своем донесении Р. Гокк отмечал, что султан Батыр «больше чести имеет» в Малой орде, нежели хан Абулхаир, и настроен благожелательно к России. В целом, несмотря на пристрастность в оценке «степных народов» и многие ошибки в описании быта, сведения, собранные Р. Гокком и записанные с его слов в канцелярии Оренбургской комиссии, содержат информацию об отношениях казахов с Россией, Хивой, Джунгарией и каракалпаками¹⁹,

dem besten des russischen Reiches untergenommenen hochste notigen und zwar gefarlichen doch glucklich volbrachten Reise, dargestellt durch John Castle einen Engländer und gewesenen Kunstmaler bei der Orenburgischen Expedition. «Materialen zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peters des Großen». Zweiter Teil, 1730—1741, Riga, 1784. Материалы изданы И. Ф. Гарткнохом с предисловием Д. Х. Шмидта. Русский перевод: «Дневник путешествия, предпринятого по доброй воле и только для блага русского государства в 1736 г. из Оренбурга к Абул-Хаир хану киргиз-кайсацкой татарской орды, в высшей степени необходимого и, хотя опасного, однако благополучно оконченного, изложенный Джоном Кэстлем, англичанином и бывшим живописцем при Оренбургской экспедиции». (П. Е. Матвиевский. Дневник Джона Кэстля как источник по истории и этнографии казахов.— «История СССР», 1958, № 4, стр. 133—145.)

¹⁹ «История СССР», 1969, № 3, стр. 103; П. Е. Матвиевский. О роли Оренбурга в русско-индийской торговле в XVIII веке, стр. 102,

В 40-х годах XVIII в. среди казахов торговали и другие английские купцы — Георгий Томпсон, Ионас Ганвей, собиравшие — лично или через посредство русских — различные сведения о Казахстане, в особенности о Младшем жузе.

В это время Абулхаир возбудил ходатайство о постройке ему города в низовьях Сырдарьи. В этой связи были составлены карты от Орской крепости до Ханки. В 1741 г. Оренбургской экспедицией была составлена также карта земель, входивших в состав Оренбургской губернии. Материалы, послужившие для составления этой карты, были переданы в 1743 г. астраханским губернатором Татищевым английскому купцу И. Ганвею, совершившему в том же году путешествие из Петербурга в Иран. Как и другие английские купцы, И. Ганвей, доехав до Астрахани, дальнейший путь продолжал по восточному берегу Каспийского моря.

В 1750 г. он написал книгу «Исторический отчет об английской торговле на Каспийском море»²⁰. Сюда вошли описание его путешествия в Иран, карты Оренбургского края и побережья Каспийского моря, составленные Д. Эльтоном и Т. Вурдрофом. В книге Ганвея частично использованы дневники Т. Вурдрофа, исследовавшего в 1740—1744 гг. вместе с Эльтоном берега Каспийского моря. Здесь приведены интересные сведения о внешнеполитических связях # внутренней жизни казахских жузов.

Английские купцы тщательно разведывали пути развития торговли на территории Казахстана. В этом им всяческую поддержку оказывали не только английская торговая «Российская компания», но и правительство. В 1736 г. премьер-министр Великобритании Р. Уолполь в письме к английскому консулу в России Клавдию Рондо высказал пожелание «получать от него полные и частые донесения обо всем, что происходит при русском дворе, о его международных намерениях и интересах»²¹. В поле зрения английских дипломатов, агентов и купцов находилась и политика

103—104; «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.» Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1961, стр. 206, 214; М. Вяткин. К истории распада Казахского союза. «Материалы по истории Казахской ССР», т. 2, ч. 2 (1741—1751), Алма-Ата, 1948, стр. II.

²⁰ Jonas Hanway. A historical account of the British trade over the Caspian Sea. Vols. I—IV. London, 1753.

²¹ А. А. Рдобацкая. Из истории русско-английских отношений начала 40-х годов XVIII в.—«Ученые записки Саратовского госуниверситета», 1954, т. XXXI, вып. историч., стр. 146.

России в Казахстане. При этом они стремились завоевать доверие ханов, батыров и племенных старшин, чтобы, опираясь на них, оттеснить русскую торговлю. Однако экспансионистские цели английского купечества не остались незамеченными. Со второй половины XVIII в. Россия повела борьбу против действий английской торговой компании на казахстанско-среднеазиатском рынке.

В последней четверти XVIII в. предприняли попытку проникнуть в Сибирь и Казахстан американцы. Первым американцем, посетившим районы, заселенные казахами, был Джон Ледуард. В 1787—1788 гг. он совершил путешествие по России и Сибири и части территории казахского края, однако был заподозрен в шпионаже и выслан из страны. Его записки о путешествии известны лишь немногим исследователям. Ледуард путешествовал по Южному Уралу, через Тобольск и Омск достиг Барнаула, проезжал районы, где находились кочевья казахов (он называл их тергисами: *Tergiss* — искаженное киргиз). Д. Ледуард описал расселение ряда народов, выдвинул предположения о их происхождении. В «Записках» Ледуарда имеются также сведения о «магометанских татарах», их религии, о распространении среди них арабской письменности²².

Таковы основные публикации в англо-американской казахстанике по XVIII в. Как явствует из их краткой характеристики, они были весьма отрывочными и поверхностными.

В России же к тому времени были накоплены самые разнообразные сведения о ближайшем восточном соседе — территории Казахстана и о казахам, с которыми поддерживались политические и торговые связи еще с XVI в. Донесения и отчеты купцов и дипломатов Даниила Губина (1535), Бориса Доможирова (1577), Вельямина Степанова (1595) и многих других дали ценнейшие сведения о территории и населении края, внутренней и внешней политике казахских правителей. Практический интерес России к Казахстану подкреплялся научным осмыслением и обобщением имевшихся материалов, что видно из «Книги большому чертежу», «Сибирских летописей», «Статейных списков», «Описания о сибирских народах и гранях их земель», «Чер-

²² «John Leduard's journey through Russia and Siberia 1787—1788. The journal and selected letters*. Edited with an introduction by Stephen D. Watrous. Madison — Wilwaukee — London, 1966, pp. 154, 173, 176, 206. См. также рецензию в «Slavic Review*. vol. XXVII, N. 2, June, 1968,

тежной кдиги о Сибири». Экспедиции же И. Бухгольца в Зайсан (1715—1716), А. Бековича-Черкасского в Каспий и Хиву (1714—1717), И. Унковского в Джунгарию (1722—1723) положили начало систематическому изучению территории Казахстана.

По мере развития экономических и политических связей между Россией и Казахстаном и, особенно, в ходе присоединения Казахстана к России становилась все более настоятельной необходимостью изучения физической географии края, путей сообщения кочевий, выпасов и водопоев, жизни и быта казахов, взаимоотношений между родами и жузами, их правителями и т. д. Таковы труды И. К. Кириллова, В. Н. Татищева, П. И. Рычкова, Н. И. Неплюева, публикации Российской Академии наук. Заслуги русских ученых-исследователей—их несомненный приоритет в изучении Средней Азии и Казахстана, их весомый вклад в мировое востоковедение достаточно четко показаны в обобщающих /грудах О. В. Масловой, Э. А. Масанова, М. А. Асаинова и многих других²³.

БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ .XIX—НАЧАЛА XX вв.

С начала XIX в. наступил новый этап в изучении казахских земель, постепенно приобретающий все более масштабный характер.

В 1807 г. из Охотска в Санкт-Петербург проезжал американец Джон Д'Уолф²⁴, а в 1819—1825 гг. англичане Вильям Муркрофт и Джордж Требек объездили ряд провинций Индии, Афганистан и Бухару. В Кызылкумах они встретили казахский аул и составили его описание. В. Муркрофт и Д. Требек в своих записках правильно называли жителей аула «казахами»²⁵.

²³ См.: О. В. Маслова. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. ч. I—IV, Ташкент, 1955, 1956, 1962, 1971; Э. А. Масанов. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966; М. А. Асаинов. История изучения Казахстана в первой половине XIX в. Автореферат. Алма-Ата, 1970; М. Асаинов, Г. И. Семенов. XVI—XIX ғасырдың бірінінжі жартысындағы Қазақстанды зерттеу тарихынан. Алматы, 1970.

²⁴ John D'Wolf. A voyage to the North Pacific and a journey through Siberia. Cambridge, 1861.

²⁵ cTravels in the Himalayan provinces of Hindustan and Punjab, in Ladakh and Kashmir, in Peshawar, Kabul, Kundus and Bokhara; by Wil-

Весьма содержательна двухтомная книга английского морского офицера Джона Кохрейна «Пешеходное путешествие через Россию и Сибирь к границам Китая, к Ледовитому океану и Камчатке»—отчет о путешествии, начатом в 1820 г. при поддержке М. Сперанского. Автор описывает казахов, кочевавших между Омском и Барнаулом, рассказывает о их жизни и нравах, одежде и быте. Он описал также Семипалатинск и Усть-Каменогорск²⁶.

Однако англичан и американцев интересовали в первую очередь не жители степи, а ее география, стратегическая ценность. В 1832 г. из Индии через Афганистан отправилось в Бухару английское «дипломатическое» посольство во главе с лейтенантом А. Бернсом (другое написание: Борнс), дробившее в Бухаре около года. Одной из целей посольства было изучение местности на случай военных действий против России. Находившийся в составе посольства лейтенант Джон Вуд проник к верховьям Амударьи и дал описание этого района, использованное английским ориенталистом Г. Юлем, написавшим статью о гидрографии бассейна Амударьи. Англичане уделяли все большее внимание географическому изучению Арало-Каспийской низменности, Аральского моря и его окрестностей, районам Амударьи и Сырдарьи²⁷. Глава упомянутого "выше посольства, член Королевского общества и по «совместительству» политический агент английского правительства в Афганистане Александр Берне оставил описание своего путешествия в Бухару, в котором имеется глава «Река Оке или Аму и несколько замечаний об Аральском море».

Ham Moorcroft and Georgie Trebeck, from 1819 to 1825». In two volumes. London, vol. 2, p. 500.

²⁶ J. D. C o h r a n e. A pedestrian journey through Russia and Siberian Tartary to the frontiers of China, the Frozen Sea and Kamtchatka. In two vol. A new edition. Edinburgh, 1-829.

²⁷ Г. Юль. Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи. Пер. с англ. О. А. Фёдченко, допол. и примеч. А. П. Федченко и Ханыкова. Приложение к 6-му вып. т.- IX «Известий ,РГО». 1873; «Personal narrative of a journey to the sources of the Oxus», by John Wood. London, 1841; Herbert Wood. Lake Aral and the Roof of the World.— «The Georg. Magazine», 1876, July; «Notes on the lower Amu-Daria, Syr-Daria and Lake Aral», The shores of lake Aral. L., 1876; W. R. R i c k m e r. The basins of the Caspian and the Aral.— «The Geogr. Magazine», 1876, April 1; «Туркестанский сборник», т. 149, стр. 367—413. (В 70-х годах XIX в. известный библиограф В. И. Межов занялся сбором зарубежных материалов о Средней Азии и Казахстане. В сборник включались газетные и журнальные публикации, отдельные издания. Всего в дооктябрьское время собрано много материалов, составивших более 500 томов. Хранится в библиотеке им. А. Навои в Ташкенте.)

В нижней части течения Амударьи, замечает автор, «количество отводимой воды для искусственного орошения так велико, а число рукавов его так значительно, что при устье оно образует болотистую дельту, поросшую тростником и другими водяными растениями, недоступную для земледельца и неспособную сделаться полезной для человека по причине своей неизменной сырости». Берне упоминает о предании «об одном из многочисленных островов» Аральского моря, по которому «будто-бы какая-то орда со всем рогатым скотом своим и со всеми овцами однажды перешла на него по льду и с тех пор не имеет возможности перейти обратно»²⁸.

В 1840—1841 гг. по Сибири путешествовал англичанин Чарльз Герберт Котрель. Он посетил Оренбург, Петропавловск, Омск, Усть-Бухтарму и Усть-Каменогорск, составил описание этих городов, а также образа жизни, быта, обычаев, внешнего облика, религиозных верований, одежды, пищи и жилища казахов. Автор книги — ярый расист. Казахов он называет «дикими и нечеловеческими по своему внешнему виду», у русских замечает только «алкоголизм», «подозрительность», «восточный склад характера»²⁹.

В это же время в Восточном Туркестане работали Роберт Шо и Гэуорд, в трудах которых имеются сведения и о казахах³⁰.

Постепенно рос интерес к казахстанско-среднеазиатскому региону со стороны США. В 1830 г. США заняли второе место в мире по хлопчатобумажному производству (после Англии). Они искали сбыта в странах Востока, в частности, на территории Казахстана. Так, Чарльз Массой, выходец из штата Кентукки, занимался в Кабуле разработкой вопросов экономической экспансии США в Казахстан и Среднюю Азию³¹. Почти одновременно с ним (в 20-х годах XIX в.)

²⁸ Александр Берне. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками Великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию. Пер. с англ., ч. 3, М., 1849, стр. 269, 272. (Имеется в виду, очевидно, остров Барса-Кельмес.)

²⁹ Charles Herbert Cottrell. *Recollections of Siberia in the years 1840 and 1841*. London, 1842, pp. 28, 33—37, 54, 156, 409—410.

³⁰ См: «Английские путешественники в Средней Азии». — «Современная летопись», 1870, № 26; «Об английском путешественнике Гэуорде». — «Весть», 1869, № 342; «Mr. Hayward's journey in Central Asia»; «Туркестанский сборник», т. 31, стр. 425.

³¹ Н. Халфин. Американское проникновение в Индию и Афганистан в первой половине XIX в. — «Звезда Востока» (Ташкент), 1952, №11, стр. 84.

интерес к этому району проявил американец Джозия Харлан, рукописи которого опубликованы в Лондоне в 1939 г. под названием «Средняя Азия»³². Под разными предлогами американцы посещали Россию и ее восточные окраины, оставляя описания своих путешествий. Однако, как показывает знакомство с их трудами, они содержали, как правило, очень поверхностные сведения, в частности о казахских землях³³.

Среди трудов, появившихся в Англии и отчасти в США в 30—40-е годы XIX в., по своему уровню выделяется книга английского художника и путешественника Томаса Уитлама Аткинсона³⁴. В 1848 г. он вместе с женой совершил путешествие из Петербурга по Казахстану и Сибири к Алтайским горам, которое длилось 7 лет. По словам самого Т. Аткинсона, мысль о поездке родилась у него вследствие замечания А. Гумбольдта, что внутри Азии предстоит еще решить множество географических, этнографических и других вопросов. Аткинсоны в течение 1849 г. посетили районы Каратау, Заилийского Алатау, Актау и Мустау, добрались до Копала, лежащего у подножья Заилийского Алатау, в то время крайнего русского форпоста на юге³⁵. В книге дано обстоятельное по тому времени описание восточных областей Казахстана, их жителей, характеристика отношений между отдельными родоначальниками, султанами и царскими властями, хозяйства казахов и казачьих станиц. Зарисовки бытовых сцен делают книгу весьма интересной и в этнографическом отношении. После возвращения в Лондон

³² J. Harlan. *Central Asia*. London, 1939.

³³ Anna Babey. *Americans in Russia, 1778—1917. A study of the American travellers in Russia from the American Revolution to the Russian revolution*. New York, 1938, pp. 5—6, 16, 38, etc. •

³⁴ «A narrative of the Russian Military Expedition to Khiva under General Perowski in 1839». Calcutta, 1867; «Memoir geographical, political and commercial on the present state, productive resources and capabilities for commerce of Siberia, Manchuria». By Aaron Palmer. N. Y., 1848; «Memoir on the countries about the Caspian and the Aral Seas, illustrative of the late Russian expedition against Khiva». L., 1840, etc.; Thomas Witlam Atkinson. *Oriental and Western Siberia; a narrative of 7 years explorations and adventures in Siberia, Mongolia, the Kirghis steppes, Chinese Tartary and part of Central Asia*. L., 1858. См. также «Всемирный путешественник», 1871, № 4, стр. 49—62; № 5, стр. 65—78; № 5, стр. 65—78; № 6, стр. 82—93.

³⁵ «Путешествие по Сибири и прилегающим к ней странам Центральной Азии по описаниям Т. У. Аткинсона, А. Т. Фон-Миддендорфа Ф. Радде и др.». Составили А. Фон-Этцель и Г. Вагнер. Пер. с нем Н. Деппиша. СПб, 1865.

отдельной книгой выпустила свои воспоминания жена Аткинсона³⁶.

Покорение Ташкента и Хивинский поход царских войск породили поток литературы, среди которой нужно отметить труды двух американцев — дипломата Евгения Скайлера³⁷ и корреспондента газеты «Нью-Йорк Геральд» Януария Мак-Гахана³⁸. Они выехали из Петербурга в марте 1873 г. в сопровождении старшего сына последнего хана Букеевской орды Чингиса, которого Е. Скайлер характеризует как «культурного джентльмена», глубоко знавшего французскую литературу. Е. Скайлер посетил Ташкент, имея целью «описать политическое и социальное положение как районов, недавно завоеванных Россией... провести сравнение условий их жителей с условиями тех, которые еще продолжали жить под деспотизмом ханов»³⁹. В результате путешествия появились два тома, в которых значительное внимание уделено истории казахов и условиям их жизни, действиям царской администрации в казахской степи.

Несмотря на неверную трактовку проблемы присоединения Казахстана к России и явную тенденциозность, труд Е. Скайлера и поныне привлекает внимание исследователей исторического прошлого народов Средней Азии и Казахстана. Так, в 1967 г. в «Славик Ревью» («Славянском обозрении») была опубликована статья Дэвида Маккензи «Кауфман Туркестанский, оценка его администрации в 1867—1881 гг.»⁴⁰, в которой автор подверг критике некоторые выводы Е. Скайлера относительно колониальной администрации в Средней Азии."

В этой связи в журнале со статьей «Евгений Скайлер, генерал Кауфман и Средняя Азия»⁴¹ выступил другой американский историк Франк Сискоу, обвинивший Д. Маккензи в «подрыве авторитета Е. Скайлера, одного из самых

³⁶ «Recollections of the Tartar Steppes and its inhabitants*. By Mrs. Atkinson. London, 1863.

³⁷ Eugene Schuyler. Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Buchara and Kuldja. 2 vol. L., 1876. О нем см.: «The Encyclopedia Americana», vol. 24, p. 408.

³⁸ Мак-Гахан. Военные действия на Оксусе и падение Хивы. Пер. с англ. М., 1875. Об авторе см. «Вестник Европы», 1878. № 12, стр. 424—427.

³⁹ Eugene Schuyler. Turkistan., vol. 1, p. V.

⁴⁰ David MacKenzie. Kaufman of Turkestan: an assessment of his administration, 1867—1881.—«Slavic Review», June, 1967, pp. 265—285.

⁴¹ Frank G. Siscoe. Eugene Schuyler, General Kaufman and Central Asia.—«Slavic Review», vol. XXVIII, N. 1, March, 1968.

способных американских дипломатов того периода». Ё опровержение доводов Д. Маккензи о кратковременности визита Е. Скайлера в Казахстан и Среднюю Азию, Ф. Сискоу, основываясь на архивных материалах, хранящихся в США, писал, что Е. Скайлер интересовался новоприобретенными землями России с 1868 г. В подтверждение он приводит высказывания официальных американских лиц, мнения западноевропейской прессы и отрывки из переписки Е. Скайлера, хранящейся в библиотеке конгресса США. По мнению Ф. Сискоу, «тенденциозность» статьи Д. Маккензи была обусловлена односторонним использованием источников, в частности материалов «Голоса» и других русских газет, выступавших в свое время с критикой данных Скайлера⁴².

В ответной статье, опубликованной в этом же номере «Славянского обозрения», Д. Маккензи не отрицал, что Е. Скайлер был, «несомненно» способным, добросовестным американским дипломатом и его книга «Туркестан» содержит богатый и ценный материал о крае, его населении и русском влиянии на Среднюю Азию. Однако, замечает Маккензи, Е. Скайлер был введен в заблуждение врагами Кауфмана, которые завидовали его «престижу и независимой власти», большинство материалов почерпнуто Е. Скайлером из сомнительных и недостоверных источников, а также из хроник «злейшего врага Кауфмана» генерала М. Г. Черняева. Ссылаясь на эти и другие сведения, Д. Маккензи пришел к выводу, что описания Е. Скайлера «далеки от полной правды»⁴³.

Отметим, что Д. Маккензи не так далек от истины в своих суждениях. Типизация частных, нехарактерных случаев, утверждения, не подкрепленные проверенными фактами, и явная тенденциозность проявляются также в суждениях Скайлера о «недостатке знаний» у русских о Туркестане, «об отсутствии» якобы у них интереса к истории, археологии, производительным силам края.

Это противоречит фактам, игнорирует многолетние усилия русских ученых по изучению Средней Азии и Казахстана⁴⁴. Однако признание заслуг русских ученых в исследовании казахстанско-среднеазиатского региона отнюдь не означает восхваления деятельности колониального аппарата, в частности Кауфмана, как заявляют об этом многие сов-

⁴² Ibid, pp. 119, 120; «The Times», London, March 17, 1875, vol. 4, p. 6.

⁴³ David MacKenzie. Schuyler: Honourable but misled.— «Slavic Review», March, 1968, pp. 124, 129—130.

⁴⁴ См.: Eugene Schuyler. Turkistan, vol. 1, pp. 84, 293—294.

ременные англо-американские историки⁴⁵. Советская историография солидарна с мнением выдающегося казахского просветителя и ученого Ч. Валиханова о многих офицерах и чиновниках, составлявших колониальный аппарат царизма, которых привлекали в Среднюю Азию и Казахстан только «желание немного разбогатеть на обширных просторах «независимой Татарии», «обирать киргиз и на их деньги шить жене померанцевое платье на цитроновых лентах»⁴⁶.

Американец Я. А. Мак-Гахан, выезжавший из Санкт-Петербурга с Евгением Скайлером для описания военных действий против Хивы проезжал через Уральск, Казалинск и Перовск⁴⁷. В книге, написанной на основе личных наблюдений и посвященной истории военной кампании против хивинцев, автор сообщает некоторые сведения об условиях жизни, занятиях и обычаях казахов⁴⁸.

Отмечая тенденциозность трудов большинства англо-американских авторов XIX в., нельзя забывать о том, что многие «путешествия» финансировались правящими кругами США и Англии, а их результаты использовались в политике. Так, инициаторами поездки Е. Скайлера, Я. Мак-Гахана, Ф. Барнаби были лидер консервативной партии Дизраэли и лорд Солсбери. «Путешественники» должны были доставить информацию, очерняющую политику России в Казахстане и Средней Азии, служащую аргументом в политической борьбе против Гладстона на предстоявших парламентских выборах. Как известно, Гладстон в то время «раскрыл» мнимые «ужасы русской политики» в Средней Азии и доказал, что они инспирированы Дизраэли и лордом Солсбери, многие же факты выдуманы Скайлером уже после возвращения.

Немалый фактический материал по экономике и истории казахов собран в книге английского миссионера, члена Королевского географического общества Генриха Лансделя⁴⁹. В 1879 г. он поехал в Сибирь через «азиатские страны».

⁴⁵ Lowell Tillet. The great friendship. Soviet historians on the non-Russian nationalities. Chapel Hill, 1969, pp. 385, 387, 397.

⁴⁶ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., в 5 томах, т. I. Алма-Ата, 1961, стр. 43.

⁴⁷ Подробно о маршруте Мак-Гахана см.: Колокольцев. Пребывание Туркестанского отряда в Хиве в 1873 году и переезд из Хивы в Казалинск.—«Военный сборник», т. 3, СПб, 1874, № 1, стр. 176—183.

⁴⁸ См.: «Русский мир», 1876, № 288; «Вестник Европы», 1878, № 12.

⁴⁹ Отзывы на сочинения Г. Лансделя: «Восточное обозрение», 1883; Ж* 29: «Иностранная и русская литература о Закаспийском крае».—«Новое время», 1888, N 4553.

В 1882 г. Лансдель совершил путешествие в Кульджу, Бухару и Хиву. Плодом его многолетних путешествий явилась книга «Русская Средняя Азия, с включением Кульджи, Бухары, Хивы и Мерва»⁵⁰ (а тем самым и значительной части территории Казахстана). Сочинение английского миссионера представляло собой заметное явление в европейском востоковедении.

Основным источником для книги явились личные наблюдения автора, беседы с коренными жителями, неопубликованные документы и, наконец, литература по истории Средней Азии и Казахстана. Книга была переведена на многие европейские языки, и в 80-х годах к ней обращались историки, государственные деятели, экономисты, географы, натуралисты, археологи, этнографы⁵¹. Успеху труда во многом способствовали русские источники, которые он использовал в переводе русских ученых, в частности Л. Костенко. Во введении автор подчеркнул, что мысль о поездке в Среднюю Азию пришла ему в 1879 г. в Екатеринбурге, где его «заинтересовали рассказы о казахах, кочующих со своими стадами и табунами по неизмеримым степям»⁵². Миссионерские усилия Лансделя потерпели полный провал, зато данные о жизни казахов, собранные им, и поныне сохранили значение для науки.

Понятно, что Г. Лансдель всецело на стороне царизма и его колониальной политики. Даже английская газета «Экспеди» вынуждена была отметить, что «он на все смотрел сквозь розовые очки русских чиновников»⁵³.

Среди разнообразной англо-американской литературы того времени своей прогрессивной направленностью выделяется книга американского публициста и путешественника Джорджа Кеннана «Сибирь и ссылка», вызвавшая глубокое недовольство правящих кругов России. Джордж Кеннан посетил Сибирь в 1865—1867 гг. и в 1885—1886 гг. для обследования каторжных тюрем и мест ссылки русских революционеров. Объясняя мотивы, побудившие его совершить это далекое путешествие, Дж. Кеннан писал: «Для средне-

⁵⁰ Henry Lansdell. *Russian Central Asia including Kuldja, Bokchara, Chiva and Merv*. 2 vols. Boston, 1885.

⁵¹ См.: «Английский миссионер в русской Азии». — «Новое время», 1885, № 3433, стр. 2.

⁵² Henry Lansdell. *Russian Central Asia*, vol. 1, p. 1; «The Encyclopedia Americana». New York, Chicago, 1-944 edition, vol. 16, p. 354.

⁵³ Цит. по кн.: С. М. Степняк-Кравчинский. В Лондонской эмиграции. М., 1968, стр. 407.

го американца того времени Сибирь была почти такая же Детга *incognita*, как Центральная Африка или Тибет... Происшедшее в 1881 г. убийство Александра II и последовавшая затем ссылка значительного числа русских революционеров в рудники Забайкалья еще более усилили мой интерес к Сибири и мое желание не только изучить на месте условия ссылки, но и ознакомиться также с русским революционным движением в той именно части государства, где такое ознакомление, казалось мне, могло быть наиболее успешным,— именно на месте ссылки революционеров»⁵⁴.

Возвратившись в Америку, Кеннан в упомянутом труде, серии статей, многочисленных лекциях, прочитанных в американских и английских городах, правдиво изобразил невыносимые условия, в которых находились политические ссыльные в Сибири. Даже журнал «Новь» признал, что «относительно умения наблюдать, быстро овладевать самым характерным — нужно отдать ему полную справедливость»⁵⁵. Труд американского журналиста получил резонанс во всем мире⁵⁶. Кеннан питал к русскому народу живейшие симпатии, его глубоко трогала участь «несчастных», которым «до бога высоко, а до царя далеко».

Сведения о жизни казахов в его работах немногочисленны, но объективны. Он посетил Омск, Семипалатинск, Ульяновск и Усть-Каменогорск. В беседе с политическим ссыльным А. Леонтьевым в Семипалатинске Кеннан многое узнал об Абае Кунанбаеве⁵⁷. Он встречался и с другими добрыми друзьями Абая — с Гроссом, П. Лобановским, Н. Коншиным. Поэтому можно полагать, что Кеннан располагал большими сведениями о казахском поэте-просветителе, чем те, которые приведены в его книге.

Ф. Энгельс, в письме к В. И. Засулич от 3 апреля 1890 г. высоко оценил книгу Кеннана⁵⁸. Книга была переведена на ряд европейских языков и оказала определенное влияние на общественное мнение Америки и Европы. Глубокое впечатление книга произвела в России, где стала известна по нелегальным изданиям в 90-е годы. По словам бывшего пос-

⁵⁴ Дж. Кеннан. Сибирь и ссылка, т. 1—2, СПб, 1906, т. 1, стр. 1.

⁵⁵ «Джордж Кеннан и его путешествие» — «Новь», 1888, т. XXIV, стр. 81.

⁵⁶ «Sunday Sun», London, 3. 0J. 1892; «Neue Freie Press», Wien, 23. 10. 1892; «Daily Telegraph», Boston, Mass., July 5, 1890; etc.

⁵⁷ Дж. Кеннан. Указ. соч., т. 1, стр. 140.

⁵⁸ См.: «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М., 1951, стр. 315.

/ia США в СССР, впоследствии одного из ярких фальсификаторов истории нашей страны Дж. Кеннана, написавшего предисловие к книге своего однофамильца, М. И. Калинин .сказал ему, что эта книга была «настоящей Библией» для первых русских революционеров»⁵⁹.

Вокруг «Сибири и ссылки» шли горячие дискуссии и в самой Америке⁶⁰. Позднее Дж. Кеянан горячо приветствовал свержение самодержавия и энергично выступал против всех попыток вооруженной интервенции в Советскую Россию⁶¹. Его сочинение является также одним из примеров действительно научного интереса к изучению социально-экономических и политических условий жизни казахов в зарубежной историографии.

В начале XX в. исследованиями в области истории Казахстана занимался англичанин М. А. Стейн, который в течение многих лет руководил археологическими исследованиями в Средней Азии, Иране, Восточном Туркестане⁶².

В 1903—1904 гг. в Средней Азии побывала экспедиция института Карнеги, возглавлявшаяся Р. Пампелли. Она проводила археологические и физико-географические исследования на территории Туркестана⁶³. Наряду с физико-географическим изучением районов Арало-Каспия, Ферганской долины, Семиречья, Тянь-Шаня, экспедицию особенно интересовали места, богатые нефтью⁶⁴. Хотя Г. Пампелли афишировал исключительно научные цели экспедиции, в действительности же американцы, очевидно, интересовались нефтеносными районами.

⁵⁹ George Kennan. *Siberia and Exile system*. Chicago, 1958, p. 16.

⁶⁰ Автор книги «Азиатская Россия» Дж. Райт специально ездил изучать условия сибирских ссылок, чтобы «опровергнуть» выводы Кеннана. См.: Anna M. Baby. *Americans in Russia, 1776—1917*, p. 38.

⁶¹ См.: Ж.- Жуковский. Памяти Дж. Кеннана.—«Каторга и ссылка». 1924, № 5, стр. 317.

⁶² M. A. Stein. *Explorations in Central Asia, 1906—1908* —«Geogr. Journab, July-September, 1909; «On ancient Central Asian tracks. Brief narration of three expeditians in intermost Asia and Northwestern China*. N. Y., 1964; «Ruins of deserts of Cathay: personal narrative of explorations in Central Asia and westernmost China». Vol. 1—2, L., 1912, etc: Sylvain Levi. *Central Asian Studies*.—«The journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*, 1914, October, p. 953.

⁶³ R. P u m p e 11 y. *Archeological and physico-geographical reconnaissance in Turkestan. Explorations of 1903*. Washington, 1905; «Explorations in Turkestan*. Washington, 1905, pp. 6—19, 159—216. См. также: «История открытия и исследования Советской Азии», М., 1969, стр. 171.

** См.: R- P u m p e 11 y. *Explorations in Turkestan*, pp, 23—117.

Геологические и гидрографические исследования проводились и англичанами, обращавшими особое внимание на территории, соседствующие с Индией. В 1873 г. английский геолог Ф. Столичка в пограничном с Кашгаром районе Джетысу (Чатыр-Куль, Аксай) проводил исследовательские работы совместно с географом Троттером и полковником Гордоном, о чем опубликовал статью⁶⁵. В том же году англичанин Ч. Дильк посетил Кульджу и Семиречье. Ему принадлежит проект спуска вод Иссык-Куля в Чу. Статья Ч. Дилька «О долине Или и водной системе Русского Туркестана»⁶⁶ публиковалась в журнале Королевского географического общества, что свидетельствует о значительном интересе к подобным исследованиям в британских официальных кругах. В 1910 г. в том же журнале была напечатана статья Д. Каррутерса с описанием возвышенностей Арпа и Аксай⁶⁷.

Упомянутые экспедиции англичан и американцев происходили в период, когда капитализм вступал в монополистическую стадию развития, когда «к многочисленным «старым» мотивам колониальной политики,— как писал В. И. Ленин,— финансовый капитал прибавил борьбу за источники сырья, за вывоз капитала, за «сферы влияния»... за хозяйственную территорию вообще»⁶⁸.

Деловые круги Англии и США, многие из которых были инициаторами и шефами таких «научных» экспедиций, открыто заявляли: «Нам нужны мировые рынки, нам нужен эесь мир...»⁶⁹.

Особый интерес англо-американского империализма вызвали территории Сибири и Казахстана, «земли,— по словам М. П. Прайса,— безграничных возможностей». Путешествуя по Сибири, он побывал в Омске и Петропавловске, собрал сведения о хозяйственном освоении района, в частности, о населении восточных и северных областей Казахстана, о транспортных средствах, пригодности почвы для земледелия, о торговле, укрепленных пунктах и др. В книге

⁶⁵ F. Stoliczka. Geological observations made on a visit to the Shader Kul Tian-Shan Range. *Rec. Geol. Survey*, India, 1874.

⁶⁶ Ch. Dilke. On the valley of the Il and the water system of Russian Turkestan.— «Proceedings of the Royal Geogr. Society», 1874, XVIII, N. 8.

⁶⁷ D. Carruthers. Arpa and Aksai plateaus.— «Geogr. Journal», 1910, November.

⁶⁸ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 27, стр. 421—422.

⁶⁹ Цит. по: И. П. Дементьев. Идеиная борьба в США по вопросам экспансий (на рубеже XIX—XX вв.). М., 1973, стр. 41.

М- П. Прайса помещена этнографическая и географическая карта Западной и Центральной Сибири⁷⁰.

К концу XIX — началу XX в. в Великобритании и США накопились разнообразные сведения о народах Средней Азии и Казахстана. Материал требовал обработки и приведения в систему. Однако выполнение этой задачи в рамках буржуазной методологии "часто вело к ошибочным оценкам и выводам. События трактовались субъективно, в зависимости от личных взглядов авторов или политической конъюнктуры. Так, например, А. Краусс в объемистой книге «Россия в Азии»⁷¹, рассматривая сношения России с Азией со второй половины XVI и до конца XIX в., сводит их главным образом к" расширению границ империи. К труду А. Краусса примыкает книга Ф. Х. Скрайна и Е. Д. Росса «Сердце Азии»⁷², посвященная истории Туркестана с древнейших времен до конца XIX в. Авторы книги пытались «доказать» исконную «агрессивность» русских.

Сведения о казахах содержат также разные учебники и учебные пособия по истории Азии и России, их отличительные черты — тенденциозность и поверхностность. К таким относятся книги Джеймса Хаттона, Мишеля Шоумейкера, Б. Р. Морфиля, Р. М. Честера, Л. Е. Уолтера и других⁷³.

Казахстан, как и Средняя Азия, всегда оставался предметом внимания правящих кругов Англии и США. Правда, перед первой мировой войной почти не появлялись публикации, посвященные истории казахов. Это было обусловлено, во-первых, тем, **что** противоречия между Англией и Россией перед лицом «молодого хищника» — германским империализмом — временно отошли на задний план. Во-вторых, к этому времени «благодаря настойчивому применению принципа самой широкой осведомленности» в Англии, как тогда

⁷⁰ M. P. Price. *Siberia*. London, 1910, pp. VIII, 9, 174—184, 214—215, 304 etc.

⁷¹ A. Krausse. *Russia in Asia. A record and a story, 1558—1899*. London, New York, 1899.

⁷² F. H. Skrine and E. D. Ross. *The Heart of Asia. A history of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the earliest times*. L., 1899.

⁷³ James Hutton. *Central Asia: from the Aryan to the Cossack*. L., 1875; Michael M. Schoemaker. *The Heart of the Orient. Sountering through Georgia, Armenia, Persia, Turkomans and Turkestan to the vale of Paradise*. N. Y., L., 1904; W. R. Morfill. *A history of Russia from Peter the Great to the death of Alexander II*. L., 1902; Henrietta M. Chester. *Russia, past and present*. L., 1912; L. E. Walter. *Russia*. L., 1912, etc.

думали, уже имелись достаточные сведения⁷⁴. В целом уровень информации в англо-американской казахстанике был весьма невысок и весьма далек от науки и объективности.

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ КАЗАХСТАНИКА ПОСЛЕ ПОБЕДЫ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Великая Октябрьская социалистическая революция наглядно показала глубокий кризис буржуазной исторической мысли, поколебала самые основы привычных для буржуазных ученых исторических концепций и оценок всемирно-исторического процесса и его перспектив.

Великобритании и США, занятым войной с Германией, а затем и вооруженной интервенцией против Советской России, в первые годы после Октября было не до научного изучения вопросов истории Казахстана. Их «интерес» к региону ограничивался различными проектами отторжения Средней Азии и Казахстана от Советской России. Характерна в этом плане работа «Тюрки Средней Азии в прошлом и в настоящее время»⁷⁵. Ее автор — лектор по этнологии в этнографической школе в Оксфорде М. Э. Чаплика пыталась «научно» обосновать колониалистские претензии Англии в отношении Средней Азии. По мнению М. Э. Чаплики, вследствие «продолжения русского хаоса» (читай: революции.—К. «отсутствия» якобы поддержки Советской власти со стороны коренного населения, бесперспективности пантюркистского движения, слабого развития национального самосознания «среднеазиатских тюрков» приобщение (пользуемся ее словами) казахов к Европе (т. е. к Англии.—К* Е.) «не представляет практических трудностей»⁷⁶. Именно с таких, чисто колониалистских, позиций английского империализма М. Э. Чаплика подвергает критике поддержку Турцией и Германией пантюркистского движения и само движение. Правда, автор пытается, например, учесть состав казахской народности, численность казахов,

⁷⁴ А. Е. Снесарев. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб, 1907, стр. 8.

⁷⁵ М. А. Чаплика. The Turks of Central Asia in history and at the present day. An ethnological inquiry into the Pan-Turanian problem and bibliographical material relating to the early Turks and the present Turks of Central Asia. Oxford, 1918.

⁷⁶ Ibid, pp. 9, 16, 17, 109—110

но это не меняет общей оценки антинаучного, аНтНсOfietСКО-го характера ее публикации.

В таком же ключе выдержана публикация «Народы Азиатской России» В. Джокельсона, «Средняя Азия» А. Пенка, и некоторые другие⁷⁷. В 20—30-е годы мало-мальски серьезных научных публикаций англо-американская казахстаника по дореволюционной истории казахов не знала, а то, что публиковалось, было перепевом прежних, только с особенно ярко и четко выраженной антисоветской направленностью.

Резко возросший интерес к изучению различных сторон жизни казахского народа в США и Англии, после второй мировой войны, был вызван, в первую очередь, бурным подъемом национально-освободительного движения народов Азии и Африки. И не случайно, ибо народы Азии и Африки в социально-культурном прогрессе казахского народа, как и других народов СССР, за годы Советской власти находили ответ на волновавший их жизненно важный вопрос о том, как освободиться от колониализма и в кратчайший срок ликвидировать свое отставание в экономической и культурной областях. Даже К. М. Сталь, известная своими враждебными выпадами против национальной политики КПСС и Советского правительства, отметила начавшийся в послевоенные годы «новый и возрастающий интерес к коммунизму в колониальных странах»⁷⁸.

Одну из причин возрастания интереса к прошлому народов нашей страны известный составитель американских библиографий о России Н. Мартьянов видел в следующем обстоятельстве: «Выдающаяся роль, которую Россия играет в этой (т. е. второй мировой.—/С Е.) войне и которую она, вероятно, будет успешно играть в послевоенном мире, резко усилила интерес американской общественности к политическим и социальным знаниям о России. Все большее число людей ищет в текущей литературе лучшее понимание прошлого и настоящего этой страны»⁷⁹.

⁷⁷ W. Jochelson. Peoples of Asiatic Russia. American Museum of National history, 1928; A. Penck. Central Asia, London, 1930; B. Pares. A history of Russia. N. Y., 1926; O. J. Howarth. Geography of the world. Oxford, 1931; M. Cable and F. French. Through Jade gate and Central Asia. An account of journeys in Kansu, Turkestan and the Gobi desert. L., 1939.

⁷⁸ Kathleen M. Stahl. British and Soviet colonial systems. London, 1951, p. IX.

⁷⁹ N. Martianoff. Books available in English by Russians and on Russia. New York, 1945.

Однако, пожалуй, главным фактором, определившим ли-до послевоенного американского советоведения, стала не-объявленная «холодная война», начатая англо-американ-ским империализмом вскоре после победы над гитлеризмом. 3 этой обстановке фальсификация прошлого и особенно дискредитация настоящего народов Советского Востока, в частности казахов, стремление во что бы то ни стало «до-казать» «случайность» и «аномальность» пройденного ими исторического пути стали одними из важных средств идео-логической борьбы империализма против ленинской теории ,и практики некапиталистического пути развития, против ,молодых государств так называемого «третьего мира».

Американский историк С. Зеньковский писал, что если до послевоенного времени проблемами Казахстана и Сред-ней Азии интересовались, в основном, «туристы» и «полити-ки» (оставим это на его совести.— К. ф.)> то в послевоен-ные, прежде всего 50-е годы сюда обратили свои взоры и • ученые⁸⁰. В январе 1958 г. на конференции, посвященной десятилетию Русского исследовательского центра Гарвард-ского университета, проф. Армстронг признал, что «мусуль-манские» национальности СССР являются для американ-ских историков предметом «тщательного изучения»⁸¹.

Именно в эти годы советоведение оформилось в самос-тоятельную дисциплину, специальную отрасль буржуазной общественной науки. Возникновением советологии и выпол-нением ею идеологического заказа реакции объясняется по-явление в США и Англии многочисленной пропагандистской литературы, трактующей историю народов Советского Сою-за, в том числе дореволюционной эпохи, с явно антисовет-ских, реакционных позиций⁸². Так, в книге адъюнкт-про-фессора Харпурского колледжа университета штата Нью-Йорк С. Харкэйва «История России»⁸³ преднамеренная описательность сочетается с крайней тенденциозностью и в отборе, и в оценке фактов. Тем не менее, а может быть, в силу этого, книга была принята в качестве учебного посо-бия в колледжах.

⁸⁰ S. Z e n k o v s k y . American research on Russia's moslems.— «The Russian Review», 1959, vol. 18, N. 3, p. 201.

⁸¹ «American research on Russia». Ed. H. Fisher. Indiana—Bloomington, 1959, p. 18.

⁸² B. H. S u m m e r . A short history of Russia. N. Y., 1949; B. P a r e s . A history of Russia. L., 1947; O. R. M a r t o v y c h . 800 years of Russia's march to world conquest. Edinburgh, 1953; J. C l a r k s o n . A history of Russia from the 9th century, L., 1960, etc.

" S. H a r c a v e . Russia. A history. Philadelphia, 1956.

Другой американский историк Г. Москоу в книге «Россия под правлением царей»⁸⁴ в своих антинаучных приемах и выдумках далеко превзошел С. Харкэйва. Разве можно квалифицировать иначе, как злобную нелепость его главные рассуждения о скифах, которые, дескать, пили кровь убитых ими противников, «пользуясь черепом своей жертвы, как чашей». А заканчивает свой экскурс в скифоведение этот ученый воитель следующим образом: «По вкусам и обычаям они (скифы.—К. Е.) напоминали своих потомков, теперешних русских»⁸⁵... И Делается все это ради такого, с позволения сказать, вывода: «То, что... пытаются делать ныне коммунисты, пытались делать в России и раньше»⁸⁶. Где только не ищут советологи «корней большевизма», «истoki русского коммунизма»! Убожество их доводов не нуждается в опровержении. Псевдонаучная конструкция Г. Москоу, как и других «советологов», находится в полной противоположности с действительными причинами стремительных и коренных изменений в современном мире и не имеет ничего общего с познанием закономерностей общественного развития.

Большое влияние на англо-американскую историографию оказали эмигранты из бывших кадетов, монархистов, белогвардейцев и других политических банкротов. К ним относится, в частности, М. М. Карпович (1889—1959), в последние годы жизни профессор Гарвардского университета. Приют в США нашли и Джордж Вернадский — ныне отставной профессор русской истории Йельского университета; М. Т. Флоринский — «специалист» по истории России XIX—XX веков и СССР; А. А. Лобанов-Ростовский — профессор Мичиганского университета; Ф. Каземзаде — адъюнкт-профессор Йельского университета по курсу истории русского империализма; С. Г. Пушкарев — бывший преподаватель русской истории в йельском университете; Р. Смоль'-Стоцкий — долгое время вице-редактор журнала «Славик стадиз», автор клеветнического труда «Национальные проблемы Советского Союза»; С. А. Зеньковский — сотрудник Центра по изучению России Гарвардского университета и другие.

Спрос на антисоветскую «научную» продукцию в США был особенно велик в пресловутый период маккартизма.

⁸⁴ Н. Moscow, Russia under the Czars. N. Y., 1962.

⁸⁵ Ibid, p. 12.

⁸⁶ Ibid, p. 149.

Так, М. Т. Флоренский в книге «Россия, история и ее толкование» касается дореволюционной истории казахского народа, только тогда, когда это ему нужно для характеристики якобы «традиционного аннексионизма» России. Советские историки И. Минц, Л. Черепнин и Е. Дружинина справедливо и убедительно охарактеризовали «исследование» Д1, Т. Флоринского, назвав его «лживой интерпретацией истории» и указав, что «эта книга — яркое свидетельство маразма американской официальной исторической науки»⁸⁷.

Однако многие представители буржуазной историографии в последние годы несколько «перестраиваются», в их числе специалисты по вопросам истории Казахстана и Средней Азии Ричард Пайпс, Вальтер Коларц, Эдвард Карр, Олаф Кэроу. Они отказались от полного отрицания успехов экономического и культурного развития советских восточных республик, в частности Казахстана, полагая, что такая ложь никого не убедит. В то же время они продолжают твердить о том, будто в составе СССР Казахстан остается колонией, о «трагедии» казахов, о «втором завоевании» Средней Азии и Казахстана, об «их политической зависимости»⁸⁸ и т. п. Дореволюционная история казахов и Казахстана рассматривается в их трудах постольку, поскольку это выгодно авторам в их тщетных попытках отождествить великодержавную политику царизма с национальной политикой Советского государства. При этом замалчивается факт рождения новых, социалистических наций, создания межнациональных отношений нового, социалистического типа, замалчивается международное значение советского опыта решения национального вопроса.

Некоторый пересмотр прежних форм и приемов трактовки узловых вопросов истории Казахстана в англо-американской буржуазной историографии вызван тенденцией «модификации» и «адаптации» антикоммунизма к изменяющимся международным условиям, когда примитивный антикоммунизм постепенно уступает место антикоммунизму «академическому», стремящемуся придать своим выступлениям

⁸⁷ И. Минц, Л. Черепнин, Е. Дружинина. Лживая интерпретация истории (рецензия).—«Коммунист», 1954, № 11, стр. 121.

⁸⁸ Walter Kolarz. Russia and her colonies. 3 ed. London, 1953, pp. 5—6, 225; Richard Pipes. The formation of the Soviet Union. Communism and nationalism, 1917—1923. Cambridge, Massachusetts, 1957; «Communism and colonialisms Essays by W. Kolarz. Ed by George Cretton, 1964 (Chaptez V); Geoffrey Wheeler. The modern history of Soviet Central Asia. L., 1964; etc.

^видимость объективности, скрыть искажение истории народов СССР за «респектабельным» фасадом наукообразности.

Фальсификаторский характер таких «трудов» с достаточной очевидностью выявляется при критическом анализе ЛХ источниковедческой базы, методики обращения с источниками.

В период второй мировой войны и послевоенные годы в США резко повысилось «прикладное», служебное значение этнографии. Большой отряд этнографов был привлечен в военные, дипломатические и другие учреждения США для участия в разработке неокOLONиалистской политики американского империализма⁸⁹. Видный американский этнограф Д. Мид в 1952 г. на съезде этнографов в Нью-Йорке откровенно признала, что ее «исследования национальных характеров» связаны с военными нуждами США⁹⁰.

Известно и назначение публикации американского этнографа Лоуренса Крадера — автора многочисленных работ по истории и этнографии тюркско-монгольских, в том числе среднеазиатских народов⁹¹. Особое внимание Крадера привлекают патриархальные отношения и родоплеменные институты в дореволюционном Казахстане. При этом он пытается убедить читателя, будто они сохраняют свою силу и в наше время.

Заметим, однако, что искажения действительности в его трудах перемежаются подчас со значительным и многообразным материалом. Так, в книге «Социальная организация ^онголо-тюркских пастушеских кочевников»⁹² автор пытается выделить общность и отличия в структуре их родовых отношений, культурных взаимосвязях и общественной организации. В книге «Народы Средней Азии» Л. Крадер рассмотрел образование казахской народности, дал географическое описание казахских земель; изложил, в целом на основе русских и советских материалов, некоторые вопросы дореволюционного Казахстана. И там, где он следовал фак-

⁸⁹ См.: Ю. Аверкиева. Служебное значение этнографии США.— «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 4.

⁹⁰ *An appraisal of anthropology today*. Chicago, 1953. p. 136.

⁹¹ Lawrence Krader. Principles and structures in the organization of the Asiatic Steppe pastoralists.—«Southwestern Journal of Anthropology». 1955, vol. II. N. 2, pp. 67—92; «Feudalism and Tartar policy of the Middle ages*—<Comparative studies in Society and history*, 1958, N. 1, pp. 76—99 etc.

⁹² Lawrence Krader. Social organization of the Mongol—Turkic pastoral nomads.— ^Indiana Univ. publications* Uralic and Altaic Series, vol. 20, The Hague, 1953.

там, его работы сообщают зарубежному читателю довольно объективную информацию⁹³.

В США и Англии прослеживается и так называемое умеренное, либеральное крыло историков, которое, правда, не определяет лицо современной англо-американской буржуазной историографии, но все же в рамках буржуазной методологии повествует о ряде важных событий истории дореволюционного Казахстана. Среди представителей этого течения можно назвать Марка Раева, для которого характерно добросовестное отношение к источникам. Это, однако, не означает, что М. Раев свободен от глубоко ошибочных концепций, которые будут рассмотрены ниже. Так, его книга «Сибирь и реформа 1822 года»⁹⁴ наряду с тенденциозными выводами о русско-казахских отношениях содержит достоверные сведения о торговле Средней Азии с Россией и соседними странами, о рабстве среди казахов в конце XVIII в., административных мерах царской администрации по управлению казахскими аулами, включенными в состав Сибирского генерал-губернаторства..

Об интересе, проявляемом в Англии и США к изучению истории, экономики и культуры народов Советской страны, в частности казахов, свидетельствует выпуск массы библиографической, биографической и другой справочной литературы, служащей своеобразным барометром, позволяющим судить о направлении и характере англо-американского сознания и его составной части — казахстаники.

Первые попытки учета литературы по истории Казахстана были предприняты в США в 30-х годах XX в. Так, в «Путеводителе по исторической литературе»⁹⁵, представляющем собой выборочную библиографию, есть раздел о «пограничных» с Россией землях. Он содержит литературу по Казахстану. Библиографический справочник «Советская Россия» Хелен Коновер содержит сведения о более чем 800 книжках, брошюрах и журналах, изданных в 1930—1943 гг.⁹⁶ Ряд библиотек и специальных институтов в США занимаются изучением советской литературы и литературы о Советском Союзе. Так, библиотека Конгресса США пери-

⁹³ См.: «Journal of the Royal Central Asian Society», vol. LI, April, 1964, part II, p. 159; vol. LII, January, 1965, part I, p. 58.

⁹⁴ Mark Raeff. *Siberia and the reforms of 1822*. Seattle, 1956.

⁹⁵ «A guide to historical literature». New York, 1931.

⁹⁶ А. А. Веревкина. Библиографические указатели зарубежной исторической литературы о Советском Союзе.—«История СССР», 1959, № 1.

одически издает каталоги новых поступлений⁹⁷. Среди библиографических указателей в США следует отметить работы Чарльза Морли, Джесси Доссик, Уоррена Уолша и П. Хореки⁹⁸.

Наибольший интерес в связи с темой книги представляют, конечно, библиографические указатели литературы, посвященные специально Средней Азии и Казахстану. Один из первых таких указателей был подготовлен Русским исследовательским центром Гарвардского университета в 1948 г.⁹⁹ Указатель Рудольфа Ловенталя «Тюркские языки и литература Средней Азии»¹⁰⁰ представляет собой список трудов, хранящихся в основном в фондах библиотек Гарвардского и Калифорнийского университетов, Конгресса США, Публичной библиотеки Нью-Йорка. В нее, наряду с языковедческими и литературоведческими работами, включены и труды Н. И. Веселовского, Б. Залесского, М. П. Вяткина и других, посвященные истории Казахстана. Любопытна библиография Ричарда Пирса, целиком посвященная до-революционной истории народов Средней Азии и Казахстана¹⁰¹, однако тенденциозность в подборе литературы резко умаляет ее научную ценность.

В последнее время в США предприняты попытки сбора и учета сочинений на языках народов Средней Азии и Казахстана. Так, в 1965 году в Нью-Йорке Эдуардом Олуордом издан перечень трудов узбекских, казахских, киргизских, таджикских и туркменских авторов, которыми располагает Публичная библиотека Нью-Йорка¹⁰², он включает 834 наименования, в том числе 430 на казахском языке.

⁹⁷ «Library of Congress, Catalog of Books; Subjects*, 1950—1954, vol. 1—2. Washington, 1956. Здесь в 3 томе имеется раздел «Россия», pp. 2211—2224.

⁹⁸ Ch. Morley. Guide to research in Russian history. Syracuse—New York, 1951; Jesse Dossick. Doctoral researches on Russia and the Soviet Union. New York, 1960; Warren B. Walsch. Russia under Czars and Commisars: a readers' guide. Syracuse U. R., 1946; «Russia and the Soviet Union*. A bibliographical guide to western language publications*. Ed. by P. Horecky. Chicago, 1965.

⁹⁹ Joseph S. Berliner. Soviet Central Asia. A selected bibliography. Russian research centre. Harvard Univ., 1948.

¹⁰⁰ «The Turkic languages and literatures of Central Asia*. A bibliography. Compiled by R. Lowenthal. Moaton, 1957.

¹⁰¹ Richard A. Pierce. Russian Central Asia, 1867—1917. A Selected bibliography. Univ. of California, 1953.

¹⁰² Edward Allworth. Central Asian publishing: and the rise of nationalism. An essay and a list of publications in the New York library. N. Y., 1965. Приложение к «Bulletin of the New York Library*, Oct., 1965.

В Англии выпуск таких библиографических пособий начался в период второй мировой войны. Одной из первых была работа Ф. Грирсона «Книга о Советском Союзе (1917—<1942). Библиография и путеводитель для чтения»¹⁰³, представляющая собой перечень документов, воспоминаний, исследований, публицистических трудов англо-американских авторов; проблематика весьма разнообразна, литература классифицирована и аннотирована.

В 1947 г. Британский национальный комитет историков опубликовал библиографию английских исторических работ¹⁰⁴, в которой есть раздел «Союз Советских Социалистических Республик», включающий литературу за 1940—1954 гг. Выборочная библиография Давида Шафиро, сотрудника Нафильдского колледжа (Оксфорд), посвящена истории России 1801—1917 гг. В ней имеется и перечень работ по Казахстану¹⁰⁵. Она содержит 1070 названий книг и журнальных статей, опубликованных в США и Англии до конца 1961 г., включая и переводные работы.

Специальная библиография работ советских авторов по истории Средней Азии и Казахстана (а также стран Среднего Востока)¹⁰⁶ издана в 1960 г. Среднеазиатским исследовательским центром. Сведения о литературе по истории Казахстана содержатся также в страноведческих Справочниках. Например, двухтомная библиография Р. Кернера «Северо-Восточная Азия»¹⁰⁷ включает работы, посвященные истории англо-русского соперничества в Средней Азии.

О большом интересе зарубежной общественности к литературе по истории Советского Союза в целом и Казахстана в частности свидетельствуют также списки и обзоры новых книг и статей, систематически печатаемые в журналах «Славоник энд Юрогшен ревью», «Рашн ревью». Английский журнал «Совьет стадиз» выпускает ежегодный аннотированный бюллетень (приложение) о новых работах советских и зарубежных историков¹⁰⁸.

¹⁰³ Rh. Grierson. Books on Soviet Rusia, 1917—1942. A bibliography and a guide to reading. London, 1953.

^m L. B. Frewer. Bibliography of historical writing publications in Great Britain and the Empire, 1940—1945. Oxford, 1947.

¹⁰⁵ D. Shapiro. A selection bibliography of works in English on Russian history. 1801—1917. Oxford, 1962.

¹⁰⁶ «Bibliography of recent Soviet source material on Soviet Central Asia and its borderlands (including the Middle East)*. London. Central Asian Research Centre, 1960, N. 1—2.

¹⁰⁷ B. J. Kerner. Northeastern Asia. A selected bibliography. Vol. 1—2. Berkley, 1939.

¹⁰⁸ «Soviet studies information supplement*. University of Glasgow.

Таким образом, в США и Англии уделено большое внимание составлению библиографических изданий о литературе по истории СССР, в том числе Казахской ССР. Однако суть вопроса состоит в том, кем и как они составлены, помогают ли они углубленному и объективному изучению истории СССР. Знакомство с этими изданиями показывает, что большинство из них не дает объективного представления о советской исторической литературе, а также о зарубежной литературе, посвященной Казахстану. Большинство составителей рекомендуют тенденциозную, откровенно антисоветскую, антикоммунистическую литературу.

Характерно, что в послевоенные годы в США и Англии созданы десятки специальных центров и институтов, программы которых включают изучение Казахстана, его истории. По числу таких учреждений, масштабам работы и объему печатной продукции выделяются США. В 1964 г., по свидетельству Ральфа Фишера, курсы русской и советской истории читались в 400 университетах и колледжах США¹⁰⁹. Наиболее крупным центром по изучению СССР, в особенности национальных отношений, является Гарвардский университет в Кембридже (штат Массачусетс). По свидетельству С. Зеньковского, одного из специалистов по «русским проблемам», Гарвардский университет и его Русский исследовательский центр выросли в начале 50-х годов «в главный центр русско-исламистских исследований в стране»¹¹⁰. В университете имеются отделы и кафедры по изучению истории, литературы, языка, культуры, быта, экономики и социального строя многих народов СССР. Здесь имеется русский отдел, деятельность которого широко привлекаются «граждане русского происхождения», в том числе так называемые «перемещенные лица». Восточный факультет обладает крупнейшей в США востоковедческой библиотекой. В 1948 г. по инициативе корпорации Карнеги при университете был организован Русский исследовательский центр, ставший в свое время «мозговым трестом» всего американского советоведения. Руководящее место в нем занимают представители официозной историографии. Отличительной чертой этого центра является влияние эмигрантов на характер и направления исследований. «Исследовательская программа» Центра предусматривает, в частности, поиски «до-

¹⁰⁹ «The New York Times», April 3, 1964, p. 19.

¹¹⁰ S. Z e n k o v s k y . American research on Russia's Moslems, p. 201.

казательств» «идентичности» политики и идеологии царской России и СССР

. Крупной организацией американских «советологов» является также Русский институт при Колумбийском университете в Нью-Йорке, созданный в 1946 г. при содействии и помощи «Фонда Рокфеллера». Основными целями института, как неоднократно отмечали его сотрудники, является развитие «исследовательской работы в области социальных и гуманитарных наук, относящихся непосредственно к России и Советскому Союзу», подготовка «американских специалистов» для научной или особой деятельности по СССР в области торговли, финансов, журналистики в различных правительственных учреждениях и организациях, а также для ведения академических исследований и преподавания общественных наук и литературы¹¹². Итак, речь идет и о сборе разведывательной информации. Одним из директоров института был Ричард Пайпс, ныне его возглавляет М. Шульман. В проблематике исследований института по дореволюционной истории народов СССР немалое значение придавалось изучению феодально-монархических националистических движений.

В справочнике Колумбийского университета за 1971—1972 гг. указано, что в его программе «Советские национальные проблемы» главное внимание уделено республикам Средней Азии и Казахстану¹¹³. При Русском институте Колумбийского университета получили подготовку примерно $\frac{2}{3}$ «квалифицированных» американских специалистов по СССР. В университете на девяти факультетах читаются курсы по экономике/политике, географии, истории, социологии, философии, литературе и языкам народов СССР. Межфакультетский центр по изучению СССР и Восточной Европы располагает библиотекой в 115 тысяч томов, сюда поступают 400 названий текущих периодических изданий из СССР и социалистических стран¹¹⁴.

¹¹¹ Г. С. Давтян. Об университетском образовании в США. Ереван, 1959, стр. 40-41; Ю. И. Грицкий, Е. Г. Плимак. Питомник клеветников (Русский исследовательский центр в Гарварде).— «История СССР», № 5, 1961; Б. И. Марушкин. История и политика. Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969, стр. 92.

¹¹² См.: Б. И. Марушкин. История и политика, стр. 91.

¹¹³ «Известия», 1972, 7 сентября.

¹¹⁴ «Антикоммунистическая пропаганда империализма». М., 1971, стр. 249.

Следует назвать также Русский исследовательский центр Йельского университета (Нью-Хейвен, Коннектикут), Русский и Восточноевропейский институты при Индианском университете (Блумингтон), Институт СССР и Восточной Европы Ниагарского университета, Центр по «исследованию России» Луизианского университета, Институт по изучению Дальнего Востока и России при Вашингтонском университете, Институт усовершенствования в Принстоне (штат Нью-Джерси), Центр по изучению СССР и стран Восточной Европы при Норт-Деймском университете. Исследования по казахстанско-среднеазиатскому региону ведутся также в Чикагском, Иллинойском, Сиракузском, Канзасском, Миннесотском, Нью-Йоркском, Мичиганском, Пенсильванском, Питтсбургском, Корнельском, Висконсинском и других университетах ¹¹⁵.

На подготовке материалов о Советском Союзе по заданию правительственных организаций специализируется корпорация «РЭНД» (от начальных букв слов Research and Development) — полуофициальная организация, обосновавшаяся в Санта-Монике (Калифорния), а фактически являющаяся филиалом ЦРУ. «РЭНД» в год готовит до 7000 справок, выпускает антисоветскую и антикоммунистическую литературу ¹¹⁶.

Исследованиями по частным проблемам истории, экономики и политики Страны Советов, союзных республик, в том числе Казахстана, занималась Американская ассоциация по изучению Азии, в сферу интересов которой входили Центральная Азия и Сибирь ¹¹⁷. Кроме того, существует немало правительственных организаций, военных академий, школ, занятых той же проблематикой. Среди иностранных языков, изучаемых в США, в последнее время весьма заметное место стал занимать русский язык ¹¹⁸.

Уделяется внимание изучению казахского языка. В США вышел казахско-английский словарь. Некоторые вопросы казахского языкознания обсуждались на XXIII Конгрессе востоковедов в Англии, XI Конгрессе Турецкого лингвистического общества в Анкаре ¹¹⁹. Многие университеты США, в частности Американский университет в Вашингтоне, име-

¹¹⁵ Б. И. Марушкин. Указ. соч., стр. 93.

¹¹⁶ И. М. Краснов. Изучение истории СССР в США.—«История СССР», 1964, № 6, стр. 168; «Известия», 1972, 5 сентября.

¹¹⁷ «Association for Asian studies». Ann. Arbor., 1964, p. L

¹¹⁸ Г. С. Давтян. Указ. соч., стр. 9.

¹¹⁹ «Казахстанская правда», 1967, 14 февраля.

ют **договоры** с госдепартаментом о подготовке специалистов для работы за границей, а также договор с военными властями об исследовании истории, культуры, быта, нравов, экономики, психологии и этнографии различных народов мира, в том числе народов Советского Союза¹²⁰.

На капиталистический рынок пропаганды часто поступают также «труды» сотрудников Института по изучению СССР, созданного в 1950 г. на ассигнования пресловутого Американского комитета освобождения, специализировавшегося на таких антикоммунистических **изданиях, как** «Стадиз он зе Совет Юнион» и «Анализ оф каррент девелопментс ин зе Совет Юнион» (на английском, **немецком**, французском, испанском, арабском и турецком языках) и другие.

В середине 60-х годов в США насчитывалось около 20 учреждений, специально изучавших СССР и страны социалистического лагеря¹²¹. Из них, по крайней мере, восемь ведущих американских университетов непосредственно занимались «исследованием» республик Средней Азии и Казахстана и подготовкой специалистов по региону¹²². С конца 50-х годов проблемы Казахстана заняли в американском советоведении прочное положение. По словам американских историков, Казахстану наряду с Украиной в американской литературе посвящалось наибольшее -число советоведческих трудов¹²³.

Особенностью английского советоведения является выделение изучения Средней Азии и Казахстана в самостоятельную отрасль знания и сосредоточение его в немногих специализированных научных обществах. Это объясняется интересом, проявляемым английской буржуазией к казахстанско-среднеазиатскому региону еще с XIX века. В 1823 г. в целях изучения истории, обычаев, языка и литературы, **социалБ**^ого строя азиатских народов было основано Королевское азиатское общество, которое ныне насчитывает около 800 членов¹²⁴.

В 1846 г. возникло Гэклеитовское общество, занимавшееся в основном публикацией трудов известных путешест-

¹²⁰ Г. С. Давтян. Указ. соч., стр. 9.

¹²¹ Г. С. Давтян. Указ. соч., стр. 169.

¹²² «Литературная газета», 1971, 1 января. По свидетельству Дж. Орнштейна в 1937 г. в США было 7 университетов, занимавшихся непосредственным изучением проблем Средней Азии и Казахстана.

¹²³ S. Z e n k o v s k y. American research on Russia's Moslems, p. 18.

¹²⁴ «The world of learning, 1968—1964», 19 ed. London, 1969, p. 533.

венников, описанием географических открытий¹²⁶. Наиболее заметным, пожалуй, основным центром по изучению Средней Азии и Казахстана до 50-х годов XX века являлось Королевское Среднеазиатское общество, основанное в 1901 г.¹²⁶

Крупной организацией по «изучению» восточных республик Советского Союза стал Среднеазиатский исследовательский центр, созданный в 1951 г. Он функционировал под вывеской обычного научно-исследовательского учреждения и считался филиалом колледжа Святого Антония. До рекламы английской печати, основной задачей центра якобы является «изучение политического и культурного развития некоторых республик Советского Союза (Азербайджана, Туркмении, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Казахстана), имеющих «мусульманское» население, а также советских публикаций, посвященных соседним странам — Ирану, Афганистану и Индии. Центр занимался также составлением грамматик основных тюркских языков¹²⁷. Но вся его «научно-исследовательская» деятельность — не что иное, как служение силам реакции, антикоммунизма. Ведь заказчиками этих «исследовательских» работ с самого начала выступали английская разведка, военные ведомства, Би-Би-Си.

В стенах английских университетов изучение этнографии и истории казахского народа занимало очень малое место. Даже курсы русского языка в Оксфордском и Кембриджском университетах преподавались эпизодически, а история казахов и среднеазиатских народов преподносилась в сжатом очерке в курсах по всеобщей истории. Только в 1915 г. при Лондонском университете была создана Школа славистики и восточноевропейских исследований. Первым директором ее был историк Бернард Пэре¹²⁸. Ныне эта школа имеет значительный штат работников, специализирующихся по истории СССР. Отсюда «специалисты» направляются для работы в редакции британских органов печати, а также в министерства иностранных дел и обороны, в разведку.

¹²⁵ Ibid, p. 522.

¹²⁶ Ibid, p. 533.

¹²⁷ См.: *Central Asian Review**, 1964, vol. XII, N. 2.

¹²⁸ Б. Пэре более 20 раз посещал Россию и Советский Союз. Он — профессор русской истории, языка и литературы, считается одним из «основателей русских исследований в Англии». С 1942 г. жил в США. умер в 1949 г. (H. Seton-Watson. *The decline of Imperial Russia*, L., 1952, p. XI.)

.Представляют интерес отдельные публикации директора школы Г. Болсовера, занимавшегося изучением внешней политики России XIX века, и статьи, публикуемые на страницах ее печатного органа «Обозрение по славистике и изучению Восточной Европы»¹²⁹.

Интерес к различным сторонам жизни народов Советского Союза, в частности казахов, повысился в Англии в годы второй мировой войны. В последние годы в Англии сложился ряд «советоведческих» учреждений. В Глазго при местном университете действует Институт советских и восточноевропейских исследований, особенно широко развернувший свою деятельность в канун 50-летия Октябрьской революции, когда подготовил серию антисоветских статей, публиковавшихся в приложении газеты «Тайме». При Бирмингемском университете создан Институт по изучению СССР и стран Восточной Европы, финансируемый министерством образования и американским фондом Форда¹³⁰. История СССР, в частности Казахстана, изучается также во многих других английских университетах (Эбердинском, Эдинбургском, Манчестерском, Кембриджском, Оксфордском)•.

В период «холодной войны» из года в год росло число советоведов в общем числе специалистов по общественным наукам. В 1950—1959 гг. в США было подготовлено более тысячи «специалистов» по истории, экономике, литературе, праву и этнографии народов Советского Союза¹³¹. Значительно увеличилось количество «специалистов» по советским восточным республикам. Если в первое послевоенное десятилетие «по истории Средней Азии и Казахстана было подготовлено восемь докторов наук, то в 1960—1965 гг., по имеющимся данным, получили степень доктора 12 человек»¹³².

В 1966—1969 гг. в Англии, США и Канаде было защищено 320 диссертаций по России и Советскому Союзу, в том числе работы Чарльза Уильбера и Иры Кляйн — по

¹²⁹ См.: «Изучение истории феодальной России в капиталистических странах в послевоенный период». Под ред. Г. А. Некрасова (на правах рукописи). М., 1962.

¹³⁰ См.: «Антикоммунистическая пропаганда империализма», стр. 294.

¹³¹ «The American Slavic and East European Review», 1959, October, p. 419.

¹³² Jacob Ornstein. Slavic and East European studies: their development and status in the Western Hemisphere. Washington, 1957, p. 27. Jesse J. Dossik. Doctoral dissertations on the Soviet Union and Eastern Europe.— «Slavic Review». December issues for 1964, 1965.

истории Средней Азии и Казахстана¹³³. Докторские диссертации на темы—«Советский федерализм в теории и практике» (1965); «Марксизм, марксисты и национальный вопрос» (1965), «Советская национальная политика и структура Коммунистической партии в Узбекистане» (1961) и многие другие, защищенные в Джорджтаунском университете, в университетах штатов Техас и Колумбия, свидетельствуют о пристальном внимании, проявляемом правящими кругами США в последнее время к советской национальной политике. Работы английских «советоведов» в 1971 г. охватывали более 25 тем, среди них: «Россия и Средняя Азия в XVIII в.» (Э. Боджер), «Кампания России против Хивинского ханства в 1839—1840 гг.» (Д. С. Уильяме)¹³⁴. Однако качество подготовки «советоведов», по свидетельству американских ученых, остается невысоким. Так, профессор Индианского университета Роберт Ф. Бирнс в статье «Размышление о подготовке специалистов по России в Америке» указал, что «у учащихся часто отсутствует чувство профессиональной ответственности» и многие из них «не знают о России ничего, кроме того, что им читали на курсах»¹³⁵.

Отметим еще одно обстоятельство — контроль над «благонадежностью» как преподавателей, так и студентов. Как писал американский социолог М. Коэн, «для того чтобы занять место среди ученых в американских университетах, от соискателя требуется представить подтверждение своего ортодоксального благочестия и социальной благонадежности; сейчас на это нажимают больше, чем на серьезную подготовку по специальности, хотя вряд ли это способствует воспитанию ценных специалистов»¹³⁶.

С другой стороны, в США и Англии стало уделяться больше внимания источникам по изучению истории СССР, в частности Советского Казахстана. Комплектование английских и американских архивов и библиотек документальными материалами осуществляется двумя путями: во-первых, систематически выписываются советские газеты, журналы, справочники, книги; во-вторых, приобретаются или

¹³³ «Slavic Reviews, 1967, vol. XXVI, N. 4. December, pp. 705—709; 1969, vol. XXVIII. № 4., December, pp. 699—705.

¹³⁴ «Research on progress in English and historical studies in the universities of the British Isles. L.-^ Chicago, 1971, pp. 76» 90, 91.

¹³⁵ «Slavic Review», 1962, September, p. 493.

¹³⁶ М. Коэн. Американская мысль. Критический обзор. М., 1958, стр. 28.

микрофильмируются находящиеся в частных руках или за рубежом архивы, мемуары, рукописи.

По косвенным данным, в архивах и библиотеках США и Англии накопилось немало документальных материалов по дореволюционной истории Казахстана. Так, например, в Нью-Йоркской публичной библиотеке хранится коллекция Дж. Кеннана, содержащая более 700 рукописей, 500 фотоснимков, 650 книг и брошюр, а также значительное количество русских периодических изданий, собранных им во время поездки по Сибири и Восточным районам Казахстана в 1885—1886 гг. Здесь имеется также коллекция бывшего секретаря американского посольства в Петербурге Е. Скайлера, автора двухтомной книги по истории Средней Азии и Казахстана¹³⁷. В этнографическом отделе Британского музея хранится коллекция рукописей и зарисовок Э. Нельсона Фелла и его дочерей, которые жили в Казахстане в 1914—1919 гг.¹³⁸

Расширилась также издательская база английского и американского советоведения. Ведущим журналом в американском советоведении, в изучении истории народов СССР является «Славик ревью» («Славянское обозрение»). Журнал этот начал выходить в Англии с 1922 г. под названием «Славоник энд Ист-Юропиен ревью» («Славянское и восточноевропейское обозрение»). А с 1941 г. он издавался в США ассоциацией историков, языковедов, славяноведов и т. д. С окончанием второй мировой войны англичане возобновили у себя издание «Славоник энд Ист-Юропиен ревью», а американцы продолжали издавать свой журнал, переименованный в 1961 г. в «Славик ревью»¹³⁹. Он издается с тех пор Колумбийским университетом ежеквартально. В основе редакционной «политики» лежит принцип «изучения проблем, пересекающих национальные границы внутри района от Эльбы до Амура»¹⁴⁰. Главным редактором журнала был профессор истории Колумбийского университета А. Тредгольд, одновременно сотрудничающий в институте по проблемам коммунизма, возглавляемом небезызвестным антикоммунистом Э. Бжезинским. Страноведческий охват проблема-

¹³⁷ «История СССР», 1959, № 2, стр. 223, 225.

¹³⁸ ^Central Asian Review*, 1962, vol. X, N. 1, pp. 8—11.

¹³⁹ Р. М. Илюхина. Вопросы истории советского общества на страницах американского журнала «The American Slavic and East European Review*» (1941—1961).—«История СССР», 1962, № 3.

¹⁴⁰ «The American Slavic and East European Review*», 1961, February, pp. 2-3.

тики «Славянского обозрения» шире, чем можно было бы судить по его названию; в нем публикуются и материалы по истории неславянских народов нашей страны, в частности казахов. Журнал выражает взгляды официальной буржуазной науки, вполне отвечающие идеологии правых кругов американской буржуазии¹⁴¹.

В США с 1843 г. выпускался «Журнал американского востоковедческого общества»¹⁴², однако истории народов Средней Азии и Казахстана на его страницах уделяется мало места. Изредка помещает на своих страницах материал по Казахстану журнал «Америкэн хисторикэл ревью», издаваемый с 1884 г. Американской исторической ассоциацией. Заслуживают внимания регулярно публикуемые рецензии и аннотации на новые работы¹⁴³.

В 1952 г. появился еще один рупор антикоммунизма — журнал «Проблемз ов комьюнизм» («Проблемы коммунизма»), издаваемый Информационным агентством США. Правительство рассматривает его как «самую эффективную периодическую документацию по вопросам социалистических стран»¹⁴⁴. В том же ключе действуют «Ридерс дайджест» и «Комьюнист афферс». Материалы по истории народов СССР публикуются и в других журналах, например, в «Пасифик эйшатик энд Рашн стадиз» (Стэнфордский университет), «Рашн эриа стадиз» (Университет имени Джорджа Вашингтона), «Рашн стадиз» (Сиракузский университет), «Стадиз он Эйша» (Институт по изучению Дальнего Востока и СССР при университете штата Вашингтон) и другие. И в них нередко можно встретить материалы по истории республик Средней Азии и Казахстана.

В Англии публикации по истории Средней Азии и Казахстана сосредоточены в сравнительно немногочисленных журналах. До недавнего времени одним из ведущих периодических изданий английских «экспертов» по истории Средней Азии и Казахстана являлось «Сентрал Эйшен ревью» («Среднеазиатское обозрение»). Журнал издавался Среднеазиатским исследовательским центром при колледже Святр-

¹⁴¹ Более подробно см.: «Вопросы истории», 1965, № 9.

¹⁴² «Journal of the American Oriental Society», New Haven.

¹⁴³ См.: «Вопросы истории», 1962, № 1, стр. 194—199; Б. И. Марушкин. История и политика, стр. 100.

¹⁴⁴ Цит. по кн.: «Идеологическая деятельность современного империалистического государства». М., 1972, стр. 102.

го Антония в Оксфорде с 1953 г., на его обложке изображены весы, призванные символизировать «беспристрастность» редакции. Извещая о целях издания, редакция провозгласила, что она якобы «стремится дать последовательную и объективную картину» культурного развития пяти «мусульманских» советских республик—Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Казахстана. В «Среднеазиатском обозрении» также рассматривались ранние и современные советские работы по экономике и истории соседних государств — Ирана, Афганистана, Индии, Китая¹⁴⁵. Соредактором журнала многие годы являлся отставной полковник Джеффри Уилер, занимавший в 1953—1968 гг. пост директора Среднеазиатского исследовательского центра¹⁴⁶.

Истинные* цели журнала тщательно маскировались, и тем не менее старание руководителей Центра и издателей журнала прикрыться флагом буржуазного объективизма не дало желаемых результатов. Ввиду «финансовых» затруднений, а может быть в результате разоблачений мировой печати, в частности газеты «Известия», «Среднеазиатское обозрение» с весны 1969 г. прекратило самостоятельное существование и объединилось с журналом «Мизан». Вот как объясняет это редакционная статья «Мизана»: «В начале этого (1969-го.—Я". Е.) года судьба Среднеазиатского исследовательского центра казалась более чем неопределенной. В действительности было ясно, что пока не найдется новый источник поддержки центр должен прекратить свое существование в конце 1969 г. Поэтому с благодарностью и облегчением в июле было услышано Центром и его друзьями о предоставлении фондом Форда субсидии сроком на 4—5 лет в поддержку исследований Центра по Средней Азии и соседним с нею странам. Великодушные субсидии, выражающей признание работ Центра, было высоко оценено»¹⁴⁷.

О причинах «щедрости» Фордовского фонда речь пойдет ниже. Здесь же укажем на действительные причины краха издания. Руководители «Среднеазиатского обозрения», «объективность» и «беспристрастность» понимали весьма своеобразно. Как говорилось в их издании, они стремились «не замалчивать существо колониального характера совет-

¹⁴⁵ ^Central Asian Review*, 1957, vol. 5, N. 1.

¹⁴⁶ Ibid, 1968, vol. 16, N. 2, pp. 93—96.

¹⁴⁷ cMizan*. May—June, 1969, vol. XI, N. 3; «Central Asian Review*, 1969, vol. XVIII. N. 3. p. 137.

ского режима», что, конечно, требовало прямой фальсификации истории и современной действительности. Примеров этому предостаточно. Так, в 1967 г. в журнале была опубликована статья «Чабанская доля» — краткий, но полностью фальсифицированный пересказ содержания произведений Т. Ахтанова «Буран» и киргизского писателя Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары». В ней говорилось о том, что хотя казахские и киргизские животноводы «не ведут более чисто кочевого образа жизни», они якобы еще «не избавлены от трудностей и одиночества»¹⁴⁸. Эти и другие комментарии «экспертов» наглядно иллюстрируют, как тонко пропитываются антисоветским ядом такие невинные с виду «пересказы» Дж. Уилера и его коллег, как искажаются смысл и содержание произведений советских авторов в явно тенденциозных политических целях.

Г. Хидояттов в статье «Крах «Среднеазиатского обозрения» справедливо заметил: «Хотя крах периодических изданий — явление довольно частое в капиталистическом мире, тем не менее закрытие этого в общем-то не очень распространенного журнала вызвало значительный резонанс, потому что он был звеном в системе антикоммунистической пропаганды, внося определенный вклад в так называемую «советологию», принявшую особенно большой размах на Западе в последние годы»¹⁴⁹.

Старейший орган востоковедов Англии — «Журнал Среднеазиатского Королевского общества»¹⁵⁰ известен нарочитым «объективизмом» и «академичностью». На его страницах иногда появляются материалы, не отрицающие достижений Казахстана за годы Советской власти¹⁵¹. Однако не они определяют его облик, куда больше и чаще печатаются материалы, создающие искаженное представление о советской исторической науке. Такова, например, рецензия Губерта Эванса на труды видных казахстанских ученых Т. Тажибаева «Просвещение и школа в Казахстане во второй половине XIX века», А. Турсунбаева «Против буржуазной фальсификации истории Казахстана», А. Сембаева «История развития советской школы в Казахстане», кото-

¹⁴⁸ ^Central Asian Review*, 1967, vol. XV, N. 2, p. 123.

¹⁴⁸ Г. Хидояттов. Крах Среднеазиатского обозрения.—«Коммунист Узбекистана», 1970, №8, стр. 92.

¹⁵⁰ «Journal of the Royal Central Asian Society*.

¹⁵¹ См.: «Journal of the Royal Central Asian Society*, July—October, 1955, vol. XLII, parts III, IV, p. 296; vol —XLVI, April, 1959, part II, p. 136—137.

рая содержит попытки исказить картину развития культуры в республике¹⁵². Эванс ограничился невнятными репликами в нескольких словах об «идейно-политической направленности» этих исследований, не подвергая научному анализу их содержание.

«Мизан» уделяет много места современной жизни Средней Азии и Казахстана, однако время от времени публикует материалы и по дореволюционной истории. Выступления снабжаются научно-справочным аппаратом, призванным придать текстам видимость объективности, что оставляет без изменений их антисоветскую, антикоммунистическую направленность.

Отметим еще «Журнал Азиатского Королевского общества Великобритании и Ирландии» (издается с 1834 г.) и основанное в 1912 г. «Исламское обозрение». В первом печатаются, главным образом, статьи по древней и средневековой истории азиатских стран, лингвистике и литературе, археологии и истории религии, а во втором — работы по современному положению мусульманских стран, а также республик Советского Востока¹⁵³.

Все эти данные свидетельствуют о том, какое большое значение придают в настоящее время изучению различных сторон жизни народов Советского Союза, в том числе казахского народа, правящие круги США и Англии. Социальный заказ правящих кругов этих государств ощущается совершенно определенно. Именно поэтому правительства и крупнейшие монополии выделяют средства на содержание центров, институтов, колледжей и учреждений по исследованию дореволюционной и современной истории, этнографии и экономике народов СССР, на подготовку «советологов», публикации, расширение материальной и источниковедческой базы «советоведения».

По подсчетам самих американских историков, расходы на осуществление программы изучения СССР только в одном университете составляют в среднем 150 тысяч долларов в год¹⁵⁴. Если учесть, что в США по таким программам работают десятки университетов, им это обходится не ме-

¹⁵² 'Hubert Evans. Recent Soviet writings on South and Central Asia.—*Journal of the Royal Central Asian Society**, 1964, January, vol. LX, part I, pp. 53—60.

¹⁵³ См., напр.: «Al-Hwaraum on the peoples of Central Asia*.—*The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland**. 1965, parts I—II, pp. 2—12.

¹⁵⁴ «The Islamic Review*. London.-

нее чем в 6—10,5 миллиона долларов ежегодно¹⁵⁵. В целом, по данным французского журнала «Экспри», на социальные исследования в США ежегодно расходуется 215 миллионов долларов. Из них лишь 3,7% отпускается научными организациями, основная же часть (более 70%)—промышленными и коммерческими компаниями, а также частными учреждениями. Остальные 26 процентов ассигнуются федеральным правительством¹⁵⁶. В особенности зависит от финансовой поддержки монополий работа центров и институтов по изучению СССР. Американские историки С. Блэк и Дж. Томпсон, имея в виду связь советологии с монополиями, писали, что «развитие изучения России было в основном объединенным предприятием, в котором ни один из партнеров не смог бы добиться успеха без руководства и помощи с другой стороны»¹⁵⁷.

Практика ассигнований на нужды научно-исследовательской работы является важным инструментом контроля над исторической наукой как в США, так и в Англии. Положение советологов в этих условиях точно характеризуют слова В. И. Ленина: «...О б щ е с т в е н н о е положение профессоров в буржуазном обществе таково, что пускают на эту должность только тех, кто продает науку на службу интересам капитала, только тех, кто соглашается против социалистов говорить самый невероятный вздор, бессовестнейшие нелепости и чепуху»¹⁵⁸.

Подготовка специалистов и исследовательская работа по Средней Азии и Казахстану финансируются в США в основном правительственным фондом, фондами Рокфеллера, Форда и корпорации Карнеги. На эти средства были открыты факультеты тюркских языков в Русском институте Колумбийского университета, расширен центр «алтаеведения» Индианского университета, организованы центры по изучению Средней Азии в Мичиганском, Гавайском и других университетах¹⁵⁹. Предоставление фондом Рокфеллера Дальневосточному и Русскому институтам университета имени Вашингтона (Сиэтл) долгосрочной ссуды в 250 мил-

¹⁵⁵ «American teaching about Russia*. Bloomington, 1959, p. 98.

¹⁵⁶ А. Купи Н а, Б. М а р у ш к и и, Л. С е л е з к и и. Фальсификация истории по заданию американских монополий—«Коммунист», 1960, № 13, стр. 106.

¹⁵⁷ «Атепсап Teaching about Russia*, p. 55,

¹⁵⁸ В. И. Л е н и н. Поли. собр. соч., т. 24, стр. 364.

¹⁵⁹ См.: Ю. А х т я м о в а. Апологеты империализма под маской науки.—«Общественные науки в Узбекистане», 1972. № 4, стр. 35.

лионов долларов позволило открыть там курсы «Азия и ее влияние на Советский Союз», которые возглавил в 1959 г. «среднеазиист» Айвор Спектор. Фонд корпорации Карнеги с 1947 г. финансирует подготовку специалистов и «исследования» по Средней Азии и Казахстану в Гарвардском университете. В 1960 г. корпорация ассигновала Калифорнийскому университету 47 тысяч долларов на разработку истории «мусульманского» мира, в том числе «истории советских мусульман»¹⁶⁰.

Все названные выше фонды субсидируют советоведческие учреждения как в США, так и в Англии, ибо как американские, так и английские «советологи» ставят перед собой одну цель: способствовать сохранению и укреплению капиталистического строя и буржуазной идеологии, дезинформировать мировое общественное мнение о прошлом и настоящем народов Советского Союза. Между ними установилось тесное сотрудничество — что-то вроде «международной корпорации»¹⁶¹. При этом практикуются международные конференции «специалистов», совместные издания работ, дискуссии, взаимный обмен лекторами.

В США переводятся и издаются на английском языке «исследования» западногерманских, французских, итальянских антикоммунистов. В свою очередь, труды американских «советоведов» широко пропагандируются в странах Западной Европы. Во многих капиталистических странах распространяются антикоммунистические издания «Проблемз оф комьюнизм», «Каррент хистори» (США), «Саржей», «Совьет стадиз» (Англия), «Остойропа» (ФРГ) и другие.

Характерной чертой деятельности английских и американских буржуазных ученых, занимающихся проблемами истории Средней Азии и Казахстана, является их давняя связь с правительственными органами. Таковы, например, Гуверовский институт войны, мира и революции при Стэнфордском университете и Среднеазиатский исследовательский центр. Первый был основан и возглавлялся до 1964 г. Гербертом Гувером, бывшим президентом США¹⁶², во главе второго в 1953—1958 гг. стоял полковник Джеффри Уилср, в

¹⁶⁰ Там же, стр. 37.

¹⁶¹ См.; Е. Черняк. Историография против истории. М., 1962, стр. 8.

¹⁶² «Hoover Institution on war, revolution and peace». Stanford, 1964, p. 18; Б. П. Каневский. К характеристике американского советоведения.—«Вопросы истории». 1966, 5, стр. 185.

течение 30 лет служивший в британской колониальной администрации и в свое время занимавший пост военного атташе в Мешхеде и советника по восточным вопросам британского посольства в Тегеране¹⁶³.

Институты и центры по советоведению часто используются не только дипломатическими органами, министерствами юстиции, но и разведывательными управлениями США и Англии. По данным, опубликованным газетой «Известия», колледж «Святого Антония», официально занимающийся якобы изучением этнографических и экономических проблем социалистических стран, оказался филиалом «Секрет интеллидженс сервис» (английской разведки), военного ведомства и Би-Би-Си¹⁶⁴.

Секретный документ английской разведки за № 190/58 гласит: «1. Среднеазиатский исследовательский центр является учреждением, работающим при поддержке и под контролем английской разведки. Он был создан в 1951 году и функционирует как обычная научно-исследовательская организация, представляющая собой филиал колледжа Святого Антония. Кроме директора этого центра — полковника Дж. Уилера, являющегося офицером СИС, и секретаря (также сотрудника СИС), ни один сотрудник этого учреждения не знает о связи Среднеазиатского исследовательского центра с английской разведкой. "

2. Продукция Среднеазиатского исследовательского центра используется СПА (т. е. отделом специальных политических и идеологических акций английской разведки.— К. Е.) и исследовательским управлением министерства иностранных дел как первичный материал для пропагандистских акций.

3. Директор Среднеазиатского исследовательского центра ответственен перед заместителем начальника СИС, с которым поддерживает связь через СПА. Постоянный контроль за деятельностью Среднеазиатского исследовательского центра осуществляет секция СПА/4 (секция отдела специальных политических и идеологических акций английской разведки, занимающаяся идеологическими диверсиями против СССР и социалистических стран.— К. £.), которая одновременно играет роль посредника между Среднеазиатским исследовательским центром и другими подразделениями центрального аппарата СИС. Через СПА/4 проходит вся'

¹⁶³ «Central Asian Review». 1968, vol. 16¹ N. 2, pp. 93—96.

¹⁶⁴ «Известия», 1970, 30 мая.

корреспонденция Среднеазиатского исследовательского центра.

4. Всем подразделениям центрального аппарата СИС необходимо принять к сведению, что:

а) директор Среднеазиатского исследовательского центра имеет прямую заинтересованность в получении любых сведений, касающихся района Советской Средней Азии;

поэтому, все материалы, в которых речь идет об этом районе, должны направляться через СПА/4 для Среднеазиатского исследовательского центра;

б) Среднеазиатский исследовательский центр располагает большим количеством исследований Средней Азии, которые могут быть использованы в любых целях...»¹⁶⁵.

А факты, как говорят иногда сами англичане,— упрямая вещь, и комментарии здесь, действительно, излишни.

Для американских «советологов» характерно в гораздо большей степени, чем для английских, участие значительного числа эмигрантов из России, бежавших за рубеж после 1917 г. Такими, с позволения сказать, идейными «вождями» были эмигранты М. М. Карпович и Джордж Вернадский, которые, заняв видное положение в Гарвардском и Йельском университетах, воспитали, по признанию >саших американцев, целое поколение советоведов¹⁶⁶.

М. М. Карпович — в прошлом эсер, дипломатический работник царского посольства в Вашингтоне, один из руководителей белоэмигрантов. С 1941 г. и до своей смерти (1959 г.) был редактором белоэмигрантского «Нового журнала», выходившего в Нью-Йорке, членом редакционного совета «Рашн ревью». Ему принадлежит ряд книг и статей по истории и литературе нашей страны, в которых развивались антинаучные, буржуазно-субъективистские взгляды на исторический процесс в СССР¹⁶⁷. Джордж Вернадский, «удостоенный» за «исследовательскую» деятельность специальной премии в 10 тысяч долларов (предоставленных корпорацией Карнеги и фондом Форда), ныне трудится над десяти томной «Историей России». Политические взгляды этих отщепенцев известны. В некрологе М. М. Карповича специально подчеркивалось его постоянное враждебное отношение к Советскому Союзу. Историческая концепция обоих основана не только на их мировоззрении, классово чуж-

¹⁶⁵ «Известия», 1970, 30 мая.

¹⁶⁶ См.: «История СССР», 1961, Кя 5, стр. 200—205.

¹⁶⁷ См. «Зарубежная литература об Октябрьской революции». Под ред. акад. И. И. Минца. М., 1961. стр. 12—129.

Д6М новому общественному строю Страны Советов, но и на том, что они находились на содержании у ее врагов.

, В данной книге не рассматривается специально «советоведческая индустрия» США и Англии. Это тема для специальных работ. Однако отметим здесь происшедшие в последние годы изменения в качественном и количественном составе американских советоведов, которые, хотя и не затронули сущности последнего, но привели к известным сдвигам и изменениям. Во-первых, большинство нынешнего поколения советоведов составляют собственно американцы, хотя удельный вес эмигрантов еще не мал и его влияние нельзя игнорировать. Во-вторых, взгляды современных советоведов формировались позднее, в обстановке некоторого ослабления «холодной войны», при усилении идеологической борьбы империализма против стран социалистического содружества. Поэтому прав польский ученый К- Островский, когда пишет, «что молодые советологи как полемисты стали лучше подготовленным, тонким и более опасным противником»¹⁶⁸.

Таким образом, «советология» в США и Англии еще далеко не отмерла, она остается важным звеном в системе антикоммунистической пропаганды, в которой фальсификация истории, в частности истории Казахстана, занимает отнюдь не последнее место.

¹⁶⁸ 3. К- Островский. Антикоммунизм в системе обучения в высших учебных заведениях США. Доклады польской делегации на научной конференции «Возрастание роли марксизма-ленинизма в современную эпоху и критика антикоммунизма*. Варшава, 1970, стр. X—1, X—II.

ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА XIX—НАЧАЛА XX вв. В ИНТЕРПРЕТАЦИИ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТЕМА АНГЛО-РУССКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА В ПЕРИОД ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАЗАХСТАНА К РОССИИ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Вопросы присоединения Казахстана к России, национально-освободительного движения казахского народа и ряд других проблем истории Казахстана XIX в. не могут быть глубоко освещены без учета тех международных условий, в которых события происходили. При этом необходимо избегать двух крайностей. Нельзя преувеличивать значение международного фактора, усматривая причину присоединения казахских земель к России исключительно в угрозе английской аннексии этой территории. Такой подход невольно привел бы к оправданию колонизаторской политики русского царизма и изображению его в роли спасителя народов Казахстана и Средней Азии. Как правильно полагает Е. Бекмаханов, не следует искать, например, причину принятия казахами Старшего жуза российского подданства только в угрозе английского нападения. Усиление английской экспансии в среднеазиатском районе было весьма важной, но не единственной причиной. Казахский народ был глубоко заинтересован в укреплении исторически сложившихся торгово-экономических и культурных связей с Россией. Немаловажное значение имело наличие экономического и политического кризиса в крае, связанного с феодальной раздробленностью и междоусобицей, губительно отражавшейся на развитии производительных сил края. Но необоснованно и полное игнорирование буржуазными англо-американскими историками агрессивной политики Англии в Средней Азии и Казахстане в XIX в., их стремление изо-

'См.: Е. П. Бекмаханов. Присоединение Казахстана к России. М., 1957, стр. 322.

бразить политику Англии как «оборонительную», направленную якобы против «угрозы» нападения России на Индию.

Вполне понятен интерес, который вызывал и вызывает вопрос об англо-русском соперничестве в Средней Азии в XIX в. как в советской², так и в зарубежной историографии³.

Изучение истории Казахстана в XIX в. англо-американскими исследователями определялось в значительной степени практическими интересами правящих кругов Англии и США к рынкам сбыта и сырьевым ресурсам этой громадной территории. Царизм также стремился к присоединению новых земель. Возникло соперничество между империалистической Англией и царской Россией в борьбе за влияние в этом районе, достигшее кульминации в период завершения присоединения среднеазиатских земель к России.

Сущность и основные вехи англо-русского соперничества, место Средней Азии в истории раздела мира между капиталистическими странами, в их борьбе за источники сырья и рынки сбыта подвергнуты глубокому анализу Ю. И. Лениным в его трудах «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Тетради по империализму» и других. Имея в виду, в частности, англо-русское соглашение от 10 сентября 1885 г., которым завершался острый конфликт, В. И. Ленин записал: «1885. Россия против Англии». В таблице «Главнейшие кризисы в международной политике великих держав после 1870—1871 годов» В. И. Ленин под-

² Е. Л. Штейнберг. История британской агрессии на Среднем Востоке. М., 1951; С. Искенова. Из истории русско-английских отношений в Средней Азии в середине XIX в.—«Ученые записки историко-юридического факультета Киргизского университета». Серия историческая, вып. 8, Фрунзе, 1964; Г. А. Хидоятов. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70 гг.). Ташкент, 1969; З. Кастельская. К истории англо-русского соперничества в Средней Азии (с I пол. XIX в. до 1907 г.)—«На зарубежном Востоке», 1934, № 2; Н. А. Халфин. Политика России в Средней Азии (1857—1868). М., 1960; его же. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX в.). Ташкент, 1957; Е. Б. Бекмаханов. Присоединение Казахстана к России. М., 1967, гл. III.

³ John and Robert Michell. The Russians in Central Asia, L., 1865; Charles Lionel Showers. The Central Asian question. L., 1873; H. Worms. England's policy in the East. L., 1877; F. H. Fisher. Afghanistan and the Central Asian question. L., 1878; J. T. W. Perowne. Russian hosts and English guests in Central Asia. L., 1898; John W. Strong. Russia's plans for an invasion of India in 1801. (Canadian Slavonic papers*. Toronto, vol. 7, 1965, pp. 114—126, etc.

черкнул: «1885: Россия на волосок от войны с Англией. Грабят («делят») Среднюю Азию {Россия и Англия}»⁴.

Это соперничество во многом определило характер англоязычной литературы о Казахстане, нашло отражение в целом ряде статей, публикаций и различных исследований.

Дореволюционная английская литература, посвященная англо-русским противоречиям в Средней Азии, весьма обширна. Первую попытку изложения сути так называемой «русской угрозы» с четко выраженных позиций обеления политики Англии предпринял в 30-х годах XIX в. Д. Уркарт, которого не без основания считают главой политической школы, занимавшейся распространением в Англии антирусских настроений⁵. В своих работах «Англия, Франция, Россия и Турция», «Успехи и современное положение России на Востоке»⁶ Уркарт писал о будто приближающемся русском походе на Индию и требовал от британского правительства «превентивных мер».

Такого же мнения придерживались английские агенты, добывавшие в это время с разными целями в Средней Азии и Казахстане. В частности, английский офицер Артур Конноли, посетивший в 1829—1830 гг. среднеазиатские земли, писал, что «вторжение в Индию не является событием, которого нам нужно бояться... Тем не менее такая опасность, какой бы далекой и неопределенной она ни казалась, может возникнуть, и против нее британское правительство должно предпринять меры»⁷.

С превращением Англии в крупнейшую колониальную державу в английской прессе началась волна антирусских выступлений. Официальные идеологи колониализма в один голос заявляли о необходимости «защиты своих владений от русских» и расширения британской империи на Среднем Востоке. Появившиеся в 70—80-х годах XIX в. труды Л. Роулинсона «Англия и Россия на Востоке», «Русское продвижение в Средней Азии», Г. Кэрзона «Россия в Средней Азии», «Индия между двумя огнями», Ч. Бульджера

* В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 28, стр. 495, 668.

G. H. Gleason. The Genesis of Russophobia in Great Britain. Harvard, 1950, p. 184.

⁴ D. Urquhart. England, France, Russia and Turkey. L., 1834; «Progress and present position of Russia in the East». L., 1838.

⁷ Arthur Conolly. Journey to the North of India, overland from England through Russia, Persia and Afghanistan. In 2 vols. Vol. I, L., 1884, pp. 303—304.

«Англия и Россия в Средней Азии», «Среднеазиатский вопрос. Очерки по Афганистану, Хиве и Средней Азии», «Портрет Средней Азии», Ч. Марвина «Русское продвижение к Индии», «Мерв — царица мира», «Русские на подступах к Герату», Мак-Грегора «Оборона Индии», С. Эдвардса «Среднеазиатский вопрос», «Русские проекты завоевания Индии от царя Петра до генерала Скобелева»⁸ явились в сущности программными заявлениями британского империализма по вопросам политики Англии в Средней Азии и Казахстане.

Среди английских авторов особую известность своим ярко выраженным руссофобством получил Г. Роулинсон. В отмеченной выше книге «Англия и Россия на Востоке» он предлагал остановить движение России по направлению к Индии вооруженной силой. Г. Роулинсон был автором известной записки, представленной английскому правительству. В этой записке Г. Роулинсон совершенно, голословно и необоснованно приписывал России тщательно обдуманый план «завоевания» Индии.

В 70—80-х годах XIX в. в хоре английских историков, дипломатов и публицистов особенно выделялся голос лорда Джорджа Керзона, не жалевшего бранных слов в адрес России⁹, присутствие которой в Средней Азии он считал «дамокловым мечом» для азиатских стран¹⁰. Переиздание в Лондоне в 1967 г. его книги «Россия в Средней Азии»¹¹ достаточно ясно иллюстрирует затруднительное положение

⁸ И. Rawlinson. *England and Russia in the East. A series of papers on the political and geographical condition on Central Asia*. L., 1875; H. Rawlinson. *The Russian advance in Central Asia*.—«The nineteenth century». April, 1885, N. XCVIII, pp. 557—574; a H. Curzon. *Russia in Central Asia in 1899 and the Anglo-Russian question*. L., 1899; D. Ch. Boulger. *England and Russia in Central Asia*. L., 1879; D. Ch. Boulger. *Central Asian questions. Essays on Afghanistan, Chiva and Central Asia*. L., 1885; D. Ch. Boulger. *Central Asian portraits; the celebrities of the khanates and neighbouring states*. L., 1880; Ch. Marvin. *The Russian advance towards India*. L., 1882; Ch. Marvin. *Merv. The Queen of the world and the scourge of the man—stealing Turkomans*. L., 1891; Ch. Marvin. *The Russians on the gates of Herat*. L., 1885; Mac-Gregor. *The defence of India. From the Czar Peter to General Skobeteff*. L., 1885.

⁹ См.: К- Вузынина, К. В. Виноградов. Лорд Керзон.—«Новая и новейшая история», 1973, №5, стр. 104.

¹⁰ F. Maclean. *A person from England and other travellers*. L., 1958, p. 305.

¹¹ См.: «Soviet Studies», October, 1967, vol. XIX, N. 2, p. 297.

современных фальсификаторов истории, которые в поисках аргументов вынуждены и сегодня обращаться к давно отброшенной историей домыслам. Такие же идеи в статье, «Россия и афганская территория» высказал английский генерал Ф. Гольдсмит¹².

Английский же буржуазный историк Д. Бульджер рекомендовал оккупировать афганские территории до Герата, установить контроль над туркменскими племенами и превратить Иран в орудие английской политики в Средней Азии. Ч. Марвин пытался обосновать эти захватнические планы, утверждая, что «эпоха малых государств прошла». Труды ряда других английских авторов также были пронизаны мыслью о «необходимости» захвата тех или иных районов Востока. Так, Маллесон требовал захвата Герата — «ворот Индии», К- Ф. Найт—Хунзы и Нагара¹³.

Более полно и ясно планы английской буржуазии были изложены в работе генерала Мак-Грегора, написанной в 1884 г. Он определял основные направления, формы и методы колониальной политики Англии на Среднем Востоке. «Оборонительные» меры Мак-Грегора предполагали, по существу, развертывание наступательных действий английских империалистов, которые должны были вестись не только в Азии, но и в Европе. Мак-Грегор предлагал следующие меры: дипломатическое «заигрывание» с Россией как отвлекающий маневр; возобновление права на обыск русских торговых судов и запрет русской зарубежной торговли как морской, так и сухопутной; создание антирусской коалиции с Германией, Австрией, Турцией и др.; отправка комиссии для определения северной и северо-западной границ Афганистана; передача Герата под английское управление; заключение наступательного и оборонительного союза с афганскими племенами хезарейцев и чор-аймаков; передача под английское управление провинции Вахан, Читрал и Ясин и организация под командованием английских офицеров племен сиях-пущей; привлечение Ирана на сторону Англии; развитие широкой шпионской сети*в русском

¹² «Russia and the Afghan frontier», by Major-General Frederick Goldsmitd.—«Contemporary Review», 1888, April.

¹³ D. Boulger. Central Asian questions, p. 107; C1). Marvin. Merv. The Queen of the World, p. 381; E. T. Knight. Where three empires meet. A Narrative of recent travel in Kashmir, Western Tibet. L, 1894; Маллесон. Герат—житница и сад Центральной Азии.— «Военный сборник», 1881, М 3; Мак-Грегор. Оборона Индии, ч. 1—2,— «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. 44, СПб, 1891.

Туркестане; отправка эмиссаров для организации восстаний против России в среднеазиатских ханствах и среди туркмен; расчленение Российской империи с помощью коалиции государств ¹⁴.

С целью прикрытия агрессивных намерений своих правительств английские историки приписывали России «агрессивность», обусловленную якобы ее «географическим положением», «расовой аналогией между Россией и странами Востока», «преобладанием азиатской крови в руководящем классе ее населения», «стремлением выйти к теплым морям» ¹⁵ и тому подобными факторами. Излюбленным их приемом было использование фальшивого «завещания Петра Великого» ¹⁶.

В нагнетании антирусской атмосферы по вопросу об англо-русских отношениях в Средней Азии особую роль сыграла английская пресса ¹⁷. Именно со страниц английских газет и журналов раздавались наиболее воинственные голоса, «оправдывавшие» любые методы борьбы против России во имя расширения английских колониальных владений в Азии. Газета «Стандарт» в 70-х годах, возмущаясь так называемой «беспечностью» Англии, писала: «Мы должны действовать так, как если бы Россия была исключительно азиатской державою...». Журнал «Сатэдей ревью» призывал «не пускать русских за Аму». Крайне экспансионистской точки зрения придерживалась также и газета «Морнинг пост». Важным источником по внешнеполитическим проблемам Англии 70—80-х годов XIX в. являлась «Тайме»: В 1868 г., обосновывая «возможность столкновения» Англии с Россией в Средней Азии, она писала, что «обширность современных государств приводит их территории и интере-

¹⁴ Мак-Грегори. Оборона Индии. В двух частях. «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. 44, ч. 1, СПб, 1891, стр. 210.

¹⁵ Alexis Krausse. *Russia in Asia. A record and a story*. 1558—1899. London—New York, 1899; Popowski. *The rival powers in Central Asia*. Westminster, 1893. G. C u r z o n. *Russia in Central Asia*, p. 319.

¹⁶ См.: F. Trench. *The Russo-Indian question*. L., 1869; «Russia in Asia*».—с*The Atlantic Monthly*, April, 1887; «The Russians in the East*».—*Ibid*, July, 1875; «The Central Asian question*»,—«*Frazer's Magazine**. 1875; Н. Ф. Яковлев. О так называемом завещании Петра Великого.—«*Исторический журнал*», 1941, № 12.

¹⁷ «Английская печать о русско-английской распре».—«*Новости*», 1885, №106; «Русские в Центральной Азии» (из «*Сын Отечества*», 1873, №34, «Английские газеты о среднеазиатских делах»,—«*Санкт-Петербургские ведомости*», 1876, № 280.

сы в соприкосновение одновременно на далеко отстоящих друг от друга пунктах»¹⁸.

Строго критического подхода требуют и «Синие книги» — публикации документов по наиболее важным внешнеполитическим вопросам, которые были призваны подтвердить официальную версию британского правительства и осветить его внешнеполитические действия в надлежащем свете. Об одной из таких «Синих книг» по восточному вопросу К- Маркс писал, что «более чудовищного памятника правительственной подлости и слабоумия, пожалуй, никогда не знала история». С целью ввести в заблуждение общественное мнение не только искажались, но и подделывались и пополнялись вставками отдельные документы, как это имело место, в частности, с перепиской Александра Бернса — политического агента Англии в Афганистане¹⁹. Правительством Дизраэли в 1874—1880 гг. было опубликовано около 250 сборников так называемых документов, призванных оправдать колониальную политику Англии на Востоке. В этих и последующих сборниках²⁰ содержатся донесения английских агентов в Средней Азии, меморандумы, представленные в английский парламент, выдержки из газет, выступлений государственных деятелей Англии в палатах парламента относительно Средней Азии и Казахстана.

В конце XIX в. в связи с ростом англо-германских противоречий острота англо-русских отношений па время ослаблялась и соответственно смягчился антирусский тон трудов английских историков и британской прессы. Роберте Кандагарский²¹ призывал к «полюбовному» разделу территории Азии в интересах двух колониальных держав. Для этой группы английских историков было характерно «примирительное» отношение к господству царизма в Казахстане и Средней Азии, попытка выторговать в обмен на такую позицию определенные уступки в отношении дальнейшего распространения английского влияния на азиатские

¹⁸ «Туркестанский сборник», т. 8, стр. 311; т. 1, стр. 254; т. 8, стр. 301—305, 331.

¹⁹ К- Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, стр. 55; т. 11, стр. 548.

²⁰ Н. Temperley, L. Penson. A century of diplomatic blue books, 1814—1914. Cambridge, 1938, p. 293 (VIII и IX тома посвящены Средней Азии); «Parliamentary papers. Further correspondence respecting Central As». L., 1883, etc; Hubert П. И. Lorn gli a ш. Russia's warnings, collected from official papers. L., 1885.

²¹ Роберте Кандагарский. Сорок один год в Индии. Пер. с англ. СПб, 1902.

территории, граничащие с Россией. Так, Джон Эдай, участвовавший в военно-разведывательной экспедиции у границ Афганистана, выступил за примирительную политику в отношении России при условии создания границы между английскими и царскими колониальными владениями по Амударье. Джон Эдай и другие его единомышленники²² выражали таким образом недвусмысленное стремление английского империализма к захвату Афганистана.

Несколько иную позицию в объяснении причин англо-русского соперничества в Средней Азии занимали Биддульф (в книге «Русская Средняя Азия»), герцог Аргаильский («Ответственность Англии в восточном вопросе»), Грант Дафф («Англия и Россия на Востоке»)²³, которые призывали к мирному урегулированию разногласий между Англией и Россией. В целом, они приходили к выводу, что приобретения России в Средней Азии представляют только стратегические выгоды и якобы не имеют серьезного экономического значения. Объясняя мотивы такого поворота в мнениях английских авторов, герцог Аргаильский — член кабинета Гладстона писал: «Нельзя отрицать, последние события внесли изменения в Европе и в настроении ее (Англии.— К. Е.) кабинетов, и теперь становится ясным, что другие державы могут сделаться худшими для нее соперниками, чем была до сих пор Россия. Во всяком случае, нет ни причин, ни смысла обходиться с нею как с незначительной величиной на востоке Европы или на западе Азии. Она туда вступила и будет стоять твердо». Аналогичного мнения придерживались и Фрэнсис Скрайн и Эдуард Денисон Росс — авторы книги «Сердце Азии»²⁴.

Великий Октябрь коренным образом изменил положение: англо-американская буржуазная историография стала целиком на позиции антисоветизма и прямого извращения истории революционной борьбы народов России против

²² Д ж о н Э д а й. Отношения англо-индийских владений к северо-западным соседям. Пер. с англ. СПб, 1874, стр. 70. См. также: «The inheritance of the Great Mogal». — «The Fourthnightly Review», Aug. 1, 1875, pp. 155—177; Evans Bell. The Oxus and the Indus. L., 1869.

²³ См.: С. З. Мартынов. Англо-русские противоречия в Средней Азии в дореволюционной и советской литературе. Чарджоу, 1962; Аргаильский. Ответственность Англии в восточном вопросе. Пер. с англ. СПб, 1908; M. E. Grant Duff. England and Russia in the East. — «The Fourthnightly Review», Nov. 1, 1875. pp. 600—610.

²⁴ Francis Henry Skrine and Edward Denison Ross. The heart of Asia. A history of Russian Turkestan and the Central Asian khanates from the earliest times. L., 1899, p. X.

власти помещиков и капиталистов. Вновь появились затасканные тезисы о «русском колониализме», о «тождестве интересов всех русских» без различия классов и об их «исконной агрессивности», полностью затушевывалась английская интервенция в Средней Азии и т. д.

Смысл такого поворота вполне ясен — великий Октябрь поднял народы Востока на борьбу против империализма.

После второй мировой войны англо-американские историки стали с еще большей настойчивостью оправдывать агрессивный курс английского империализма в историко-политическом плане. При этом тезис о «русской угрозе» Индии возвратился в основу их взглядов. Именно эту цель преследовали, например, работа бывшего служащего отдела внешних сношений британской колониальной администрации в Индии У. К. Фрэйзер-Тайтлера «Афганистан: исследование политического развития в Центральной Азии». В ней он выделяет постоянное «взаимное подозрение», «взаимодействие обоюдных враждебных акций» в основе англо-русских отношений в Средней Азии²⁵.

Опытный колониальный чиновник Фрэйзер-Тайтлер всю «вину» за противоречия на Среднем Востоке в XIX в. сваливает исключительно на Россию ввиду присущих ей якобы «непреодолимых импульсов», которые «двигали Россию к теплым морям», а британскую политику преподносит как вынужденную, оборонительную. В результате, по мнению автора, азиатским странам, в особенности Индии и Пакистану, до сих пор угрожает опасность, которая якобы обусловлена «неизменностью» политики России, «тождественностью» политики царизма и Советского правительства. Эта «опасность», мол, еще более усиливается с развитием социалистических республик Средней Азии. Иными словами, притягательная сила успехов советских восточных республик в экономической и культурной областях вызывает у автора страх и озлобление.

Таким образом, традиционная для английской историографии точка зрения на «русскую угрозу» возрождается и преподносится Фрэйзер-Тайтлером лишь в новой оболочке. Подобная концепция призвана обосновать заявление о «необходимости» и «законности» вмешательства империалистических держав во внутренние дела суверенных азиатских государств. Этого тезиса с различными вариациями при-

²⁵ W. K. Frazer-Tytier. *Afghanistan. A study of political developments in Central Asia*. Oxford, 1950, p. 123.

держиваются О. Торнтон, В. Смит, Дж. Альдер²⁶. Профессор Лондонского университета Р. Л. Гриве в работе «Персия и защита Индии»²⁷, развивая мнение Фрэйзер-Тайтлера, пишет, что английская политика «обороны Индии» представляла собой комплекс различных мероприятий, оказавшихся в высшей степени выгодными для соседних стран, народы которых якобы пожинали плоды этой политики.

Попытка придать английским внешнеполитическим действиям в Средней Азии видимость миролюбия, предпринята и сотрудником Калифорнийского университета Иммануилом Хсю, который придерживается официальной версии английской историографии XIX в. о создании «буферного государства» между русскими владениями в Средней Азии и Индией»²⁸.

Возрождая легенду о «завещании Петра Великого», американский автор А. Лилиенталь заявляет, что со времени Петра I Россия, а затем СССР «неуклонно стремились» к захвату портов Средиземного моря и Персидского залива²⁹. Другой американский историк Д. Ленцовский утверждает: «В противоположность России, продвигавшейся на новые территории, Британия концентрировала свое внимание исключительно на достижении экономических выгод», и с начала XIX века «лишь оборонялась. Главной целью ее политики была защита Индии»³⁰.

Дж. Уилер в своих попытках изобразить политику английского империализма «идиллической, миролюбивой» и одновременно очернить решение национального вопроса в СССР, отождествив его с колониальной политикой царизма, заходит еще дальше. В книге «Народы Средней Азии» он заявляет, будто «британское правительство не вынашивало никакого плана расширения империи за счет Средней

²⁶ A. Thornton. The reopening of the Central Asian question, 1864—1869.— «History», 1956, Feb.—Oct.; N. Smith. The Oxford history of India. Part III. Oxford, 1958; J. Alder. British India's Northern Frontiers. 1865—1895. London, 1963.

²⁷ R. L. Greaves. Persia and the defence of India, 1884—1892. London, 1959.

²⁸ Immanuel C. Y. Hsu. British meditation of China's war with Yakub BCR, 1877. .Central Asiatic Journal*, vol. IX, N. 2, June, 1964, p. 149.

²⁹ A. Lillenthal. There goes the Middle East. New York, 1957, pp. 17, 26.

³⁰ G. Li'iczkowsky. Russia and the West in Iran. 1918—1948. Ithaca, 1949, pp. 2-4.

Азии»³¹. Аналогичные вымыслы характерны и для трудов англичанина Ф. Маклина, американца Г. Эллиса³².

В 1959 г. в журнале «Среднеазиатское обозрение» была опубликована редакционная статья «Великая игра»³³, в которой утверждается, что в первой половине XIX в. Средняя Азия стала театром острого политического соперничества между Россией и Англией, что английские эмиссары были посланы в Среднюю Азию в целях получения разведывательных данных, необходимых для предотвращения продвижения русских войск в Афганистан, Персию и Индию. «В целом,— пишет журнал,— политика России была экспансионистской... Англия же воздержалась от войны против России ради своих интересов в среднеазиатских государствах»³⁴.

Таким образом, суть взглядов англо-американских историков по вопросу о характере англо-русских отношений в Средней Азии осталась прежней. Отдельные вариации не изменили ее основного содержания — попыток обелить британскую колониальную политику. Научная несостоятельность этих мифов, их антисоветская направленность очевидны, ибо Англия не «защищала», а завоевала и грабила Индию, воевала с Афганистаном, проникла в Персию, вела активную политику в среднеазиатских ханствах и среди казахов, стремясь включить их в сферу своего влияния, чтобы грабить и поработать.

Заметим, что многие дореволюционные английские историки, политические деятели и журналисты, например, Джон Лоуренс, Родерик Мурчисон, В. Е. Бакстер, Вильям Стэд и другие³⁵ ставили под сомнение версию официальной английской историографии и призывали к союзу с Россией, заявляя об «абсурдности из-за Средней Азии идти войной на Россию» и бесполезности захвата Афганистана или Ирана. Английский посол в Петербурге А. Лофтус в своих «Дипломатических воспоминаниях» утверждал, что «поход России в Индию не только невозможен, но и никогда не предусматривался русским правительством»³⁶.

³¹ Geoffrey Wheeler. The peoples of Soviet Central Asia. London, 1966, p. 32.

³² C. H. Ellis. The British «Intervention» in Transcaspia, 1918—1919. Berkeley—Los Angeles, 1963, p. 11.

* «The Great Game». — «Central Asian Review», 1959, vol. VII, N. I. Ibid, p. 2.

* «Туркестанский сборник», т. 8, стр. 371, т. 1, стр. 259—264; H. E. Baxter. England and Russia in Asia. L., 1885, pp. 11—14.

* A. Loftus. The diplomatic reminiscence. L., 1894, p. 48.

Этот критический подход к старым штампам прослеживается и в конце 30-х—начале 40-х годов, что было связано с определенными сдвигами во взглядах части правящих кругов Англии, которые стали усматривать главную угрозу империи в захватнических планах Германии. Так, в работах П. Сайкса «История Афганистана» и «История Персии», статьях Г. Чешира «Экспансия Российской империи к границам Индии», Л. Локарта «Политическое завещание Петра Великого» и др. впервые в современной английской литературе была поставлена под сомнение «русская угроза» Индии³⁷. Даже реакционный американский автор У. Б. Уолш отмечает, что конфиденциальные донесения русского генерального штаба не обнаруживают каких-либо русских планов захвата Индии³⁸.

Английский историк К. Ф. Эндрюс писал об «обоюдности опасения» Англии и России и утверждает, что Англия вела агрессивную политику на Среднем Востоке³⁹. Индийская исследовательница П. М. Кемп в книге «Русь. Введение в русско-индийские отношения» писала, что этот домысел не заслуживает того внимания, которое уделяется ему в работах английских и других западных авторов. Она подчеркивает, что несмотря на все попытки англичан представить Россию как страну, агрессивно настроенную в отношении Индии, индийцы этому не верят⁴⁰. Анализ экономического, политического и военного положения Российской империи в течение всего XIX в. также опровергает вымыслы англо-американских реакционных авторов, о которых в свое время писали русские газеты «Голос», «Биржевые ведомости» и др.⁴¹ Следовательно, вовсе не «защита Индии» лежала в основе внешней политики Англии на Среднем Востоке в XIX в. Эта версия служила английским колониальным кругам средством для оправдания и маскировки своей экс-

³⁷ P. Sykes. A history of Afghanistan, vols. I—II. L., 1940; «A history of Persia», vols. I—II. L., 1930; G. Cheshire. The expansion of the Russian Empire to the Indian border.—«The Slavonic Review». 1934, vol. 37; L. Locart. The political testament of the Peter Great. Ibid.

³⁸ W. B. Walsh. Russia and the Soviet Union. A modern history. Ann.-Arbor, 1958.

³⁹ C. F. Andrews. The challenge of the North—West Frontier. London. 1937, p. 43.

⁴⁰ P. Kemp. Bharat—Rus. An introduction to Indo-Russian contacts and travels from Mediaeval to Oct. Revolution. Delhi, 1958.

⁴¹ См.: «Туркестанский сборник», т. 152, стр. 51—61; т. 28, стр. 103. См. также: П. Юдин. На Индию.—«Русская старина», 1894, № 12.

пансии в странах Востока⁴², а также для увеличения налогов на трудящихся в целях финансирования этих захватнических планов.

Инспирированная правящими кругами Англии шумиха о «русской угрозе» была вызвана еще опасением, что приближение России к границам Индии могло способствовать активизации освободительного движения народов Востока, томившихся под жестоким игом западноевропейских колонизаторов. Об этом в свое время писали русские газеты⁴³ и путешественники, посетившие в XIX в. Индию⁴⁴.

Калькуттский корреспондент газеты «Тайме» передавал в Лондон: «Ожидание войны в Европе и особенно виды (России на Дунай и Константинополь возбуждает здесь много толков не только между англичанами, но и туземцами, которые рассуждают о приближении, русских к Бухаре и Кабулу с большим жаром... Мнения недовольных мусульман не могут выражаться публично, но вообще они также рады приближению русских, как и вся масса населения Средней Азии»⁴⁵.

«Долгое время,— отмечал В. И. Ленин,— Англия была сильнейшим врагом разбойничьей политики России, потому что Россия грозила подорвать господство Англии над рядом чужих народов»⁴⁶. Об этом писал и Ф. Энгельс⁴⁷. Что же касается английских правящих кругов, то они пытались отвлечь мировое общественное мнение от своих агрессивных действий в Азии. Этот момент справедливо отмечает советский историк А. Л. Попов⁴⁸. Однако и современные англо-американские историки, например, Дж. Уилер, Ф. Маклини др., идеализируя роль эмиссаров США и Англии, всячески маскируют истинные цели посещения последними Средней Азии и Казахстана. Они утверждают, что Англия стремилась установить с местными правителями только торговые

⁴² Е. Л. Штейнберг. Английская версия о «русской угрозе» Индии в XIX—XX вв.—«Исторические записки», т. 33, 1950; А. Н. Халфин. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX в.). Ташкент, 1957.

⁴³ См.: «Сын отечества», 1870, № 125; «Биржевые ведомости», 1870, № 125; «Голос», 1876. № 215.

⁴⁴ См.: И. П. Минаев. Сборник статей. М., 1957; А. А. Бенедиктов. Индийское крестьянство в 70-х годах XIX в. Сталинабад, 1952.

⁴⁵ «Туркестанский сборник», т. 1, стр. 295.

⁴⁶ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 30, стр. 186.

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 45. Примечание.

⁴⁸ А. Л. Попов. Борьба за среднеазиатский плацдарм.—«Исторические записки», т. 7, 1940, стр. 203.

отношения, что «англичане, как нация, является самой миролюбивой расой в Европе»⁴⁹ и поэтому они были далеки от каких бы то ни было агрессивных акций в Средней Азии и Казахстане. Все это противоречит известным историческим фактам и, вольно или невольно, опровергается трудами самих англо-американских историков, которые в понятие термина «оборона Индии» включили весь Средний Восток»⁵⁰.

Концепция создания «буферных государств» также предполагала подготовку плацдарма для проникновения в Среднюю Азию и Казахстан. Вопрос о важности среднеазиатских территорий и казахских земель в стратегическом отношении не раз поднимался в трудах англо-американских авторов и прессе⁵¹.

Английским путешественникам предписывалось обследовать местности, которые бы могли служить театром войны в будущем, и склонять местных правителей к союзу с Англией. Джон Вуд и Александр Берне, как они сами признают в своих записках, путешествовали с особо секретными поручениями: проследить пригодность Инда для навигации, поскольку использование реки удешевило бы переброску английских войск и товаров в Среднюю Азию. Вот что говорится об этом в письменной инструкции А. Бернса, данной им в 1836 г. лейтенанту В.Буду: «Вы сознаете, что одной из задач этой экспедиции — подняться из устья Инда до Аттока, чтобы получить более совершенное знание о реке как в торговых, так и военных (курсив наш.— К. Е.) целях»⁵².

Экспансионистские стремления англичан в отношении Средней Азии и Казахстана начали проявляться, как уже отмечалось, гораздо раньше. Дух и содержание «дневников» Д. Кэстля, Д. Эльтона, работ англо-американских путешественников начала XIX в. целиком подтверждают это.

В 1812 г. группа специально подготовленных английских агентов из индийских мусульман во главе с Мир Изетуллой

⁴⁹ Geoffrey Wheeler. The Central Asian peoples, p. 32; P. Maclean. Op. cit., pp. 25—29, 42, 111—115, 159, 305—306.

⁵⁰ См.: «British policy in Persia and Central Asia».— «Frazer's Magazine», 1873, N. XLVII, pp. 615—630; «The Central Asian question». Ibid, v. XLV, pp. 353—365.

⁵¹ «Туркестанский сборник», т. 74, стр. 121. M. Cabl, F. Trench. Through jade gate and Central Asia. An account of journeys in Kansu, Turkistan and Gobi desert. U 1939, p. VII.

⁵² < A journey to the source of the river Oxus by captain John Wood». London, 1872. p. VII.

собирала сведения о населении Средней Азии, состоянии ее экономики и торговли, финансовой системе, политическом устройстве и транспортных возможностях, снимала планы населенных пунктов и тщательно записывала данные об укреплениях⁵³. Такую же миссию выполняли и английские разведчики А. Берне, Р. Бэрслем, Конноли, Д. Аббот и другие, в публикациях которых приведены данные, фактически раскрывающие агрессивные намерения и действия английских колонизаторов в отношении среднеазиатских ханств и казахских земель. Англичане старательно разведывали путь в долину Амударьи, Арало-Каспийскую низменность, обследовали железные дороги, районы залегания стратегического сырья, русские форпосты, состояние и вооружение армии, интересовались тем, какое количество воинов могут выставить казахи в случае войны⁵⁴. Цель всех этих рекогносцировок ясно раскрыл глава крупной английской фирмы Джордж Адаме в своем труде о торговле по реке Инд. Он писал: «Уже пришло время, когда небольшие затраты капитала могут вывести наши торговые суда к восхитительным долям действия, более полно открыть Среднюю Азию для английской торговли и тем самым дать возможность нашим фабрикантам и торговцам состязаться на этом широком пути с нашими соперниками — русскими». Во имя этой «великой национальной цели», заключал он, можно идти на все⁵⁵. Иными словами, английские колонизаторы хотели открыть двери среднеазиатских ханств и казахских земель силой оружия. Об этом открыто писали в своих трудах упомянутые Генри Роулинсон и Ролло Берслем⁵⁶.

⁵³ «Travels in Central Asia by Merr Issut Oollah in the years 1812—1813». Translated by captain Henderson*. Calcutta, 1872.

⁵⁴ R. Bur si em. A peep into Turkistan. London, 1846; А л е к с а н д р Берне. Указ. соч., ч. 2, стр. 272; Г. К э р з о н. Памиры и потоки Оксуса. «Сборник геогр., топогр. и статист. материалов по Азии», т. XXII. СПб, 1898; «The sea of Aral and the Russians in Central Asia.— «Colburn's New Monthly Magazine», 1868, N. 1122, pp. 123—144; «The Merv cases. Travels and adventures east of the Caspian during the years 1879—80—81», by Edmond O'Donovan. London, 1882; Ch. Marvin. The region of eternal fire; an account of a journey to the Petroleum region of the Caspian in 1884. L., 1883; William Eleroy Curtis. Turkistan: «The Heart of Asia».

⁵⁶ «Abstract of proceedings relative to the trade of the Indus* by Gorge Adams. In: J. Burns. Narrative of a visit to the Court of Sinde at Hyderabad on the Indus. Edinburgh—London, 1839, pp. 66—69.

⁵⁵ H. Rawlinson. England and Russia in the East, p. 157; R. Bur s l e m. A peep into Turkistan, p. 88.

В рукописях американца Джозии Харлана, путешествовавшего по Индии и Афганистану в 20-е годы XIX в., также рассматривались вопросы военного вторжения в Среднюю Азию⁵⁷. В конце XIX—начале XX в. американец Брукс Адаме пытался обосновать «право» США производить колониальные захваты и вести колониальные войны необходимостью обеспечить контроль над месторождениями угля и железа и рынками Азии⁵⁸.

Наряду с этим труды англо-американских авторов XIX в. содержат сведения о политических диверсиях и пропаганде, проводившихся англичанами в Средней Азии. Так, в книге «Путешествия по Средней Азии» Мир Изетулла излагает свою беседу с правителем Хульма (Южный Туркестан) Клыч Али-беком, во время которой Мир Изетулла всячески рекламировал политику Англии. Он пишет, что "Клыч Али-бек, выслушав рассказ о «блистательном правлении англичан в Индии, высказывал желания вступить в самые дружественные отношения с английским правительством»⁵⁹.

Двухтомный труд Д. Аббота свидетельствует о предпринятых англичанами действиях с целью втянуть Хиву в орбиту английской политики, направить ее против России и казахов, принявших российское подданство. В книге говорится также о том, что по настоянию Д. Аббота хивинский хан предоставил ему информацию относительно пограничных районов⁶⁰.

«Любопытный» англичанин был задержан русскими властями близ Ново-Александровского укрепления на Мангышлакском полуострове и выслан в Лондон за военный шпионаж⁶¹. 4 мая 1840 г. начальник укрепления доносил, что задержанные им люди, «называющие себя англичанами, шатаясь по степи, собирают между туркменами и киргизами скопища, передают свои злые замыслы и побуждают к

⁵⁷ J. H a r l a n. Central Asia. London, 1939.

⁵⁸ B. A d a m s. America's economic supremacy. New York and London, 1947, p. 194.

⁵⁹ M e e r U s s u t O o l l a h. Op. cit., p. 93.

⁶⁰ J a m e s A b b o t t. Narrative of a journey from Herat to Khiva, Moscow and St. Petersburg during the late Russian invasion of Khiva; with some account of the Court of Khiva and the kingdom of Khaurism. L., 1843, vol. 1, p. 100.

⁶¹ См.: М. Галкин. Показания афганцев и туркмен, сопровождавших в 1840 г. английских путешественников Аббота и Шекспира из Герата в Хиву и оттуда на Каспийское море.—«Записки РГО», отд. этнограф., т. 1, 1867, стр. 95—113.

разным неприятностям против России»⁶². Аналогичную деятельность в Хивинском ханстве развивал в 40-х годах XIX в. другой английский эmissар—Ричмонд Шекспир. Обнаруженное советским ученым Н. А. Халфиным дело в Центральном государственном военно-историческом архиве проливает дополнительный свет на английскую экспансию в Средней Азии⁶³. Не научный интерес и не беспокойство за судьбы узбеков, казахов, туркмен, киргизов и таджиков манили английских эmissаров в среднеазиатские ханства и казахские земли, а стремление овладеть этими территориями, превратив их жителей в дешевую рабочую силу, как в азиатских и африканских колониях.

Все эти труды, несмотря на свой тенденциозный характер, порой против воли авторов разоблачают истинные цели английских колонизаторов. Эти данные подтверждаются трудами как дореволюционных, так и советских авторов. В частности, в трудах М. А. Терентьева, Д. Б. Базанова и Н. Г. Казанского⁶⁴ раскрыта диверсионная деятельность английского миссионерского общества, орудовавшего в Оренбурге. М. А. Терентьев отметил, что английская евангелическая миссия засела в пограничном Оренбургском районе «под предлогом проповеди среди киргизов, а на самом деле занимавшаяся шпионством»⁶⁵.

Английские дипломаты придавали также важное значение открытию торгово-политического агентства в Астрахани, рассчитывая, что оно явится «существенным шагом... торговли и политики»⁶⁶ англичан на Востоке, в частности в Казахстане. С. З. Зиманов приводит записку бия Б. Шаймарданова из рода Адай в пограничную комиссию, в которой дается меткая характеристика английским колониальным устремлениям в Средней Азии: «Хивинский Кудайкуль, приезжавший в нынешнем (1852-м.—К. £.) году в наши ау-

⁶² Цит. по кн.: Г. С. Сапаргалиев, В. А. Дьяков. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1971, стр. 50.

⁶³ Н. А. Халфин. Британская экспансия в Средней Азии в 30—40-х годах XIX в. и миссия Ричмонда Шекспира.—«История СССР», 1958, №2, стр. 102—112. Журнал «Среднеазиатское обозрение» пытался опровергнуть указанную статью советского автора, не приводя, однако, сколько-нибудь серьезной аргументации.

⁶⁴ М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии. т. 1, СПб, 1906; А. Б. Базанов, Н. Г. Казанский. Миссионеры и миссионерские школы на севере. Архангельск, 1936, стр. 19.

⁶⁵ М. А. Терентьев. Указ. соч., т. 1, стр. 120.

⁶⁶ Цит. по кн.: Н. А. Халфин. Политика России и Средней Азии. М., 1960, стр. 115.

лы для торговли, рассказал, что осенью прошлого года приехали в Хиву три англичанина из бухарского города Тарвар... Хан хивинский находился в большом страхе от англичан, потому что они подошли к его владениям;- что англичане народ вообще вероломный, потому что большею частью покоряют себе посредством обмана и хитрости, а если таким путем сделать это не удастся, тогда прибегают к оружием; что они только и думают, чтобы покорить государства»⁶⁷.

Английские посланцы широко использовали в Средней Азии методы подкупа и шантажа⁶⁸, давшие им ощутимые результаты в Индии и африканских странах. Следовательно, О «миролюбивом» характере политики Англии в Средней Азии и Казахстане не может быть и речи. Другое дело, что многие свои агрессивные замыслы англичане не смогли претворить в жизнь, о чем с сожалением писал У. Пероун: «Если бы мы действовали смелее и сообразительнее на первой стадии, области Средней Азии, ставшие сейчас покорными подданными царя, находились бы под сенью Юнион Джек (британского флага.— К. £.). Здесь не может быть двух мнений»⁶⁹. Как видно, спекуляция английских историков на том факте, что Англия не завоевала среднеазиатские ханства и казахские земли ввиду ее «миролюбия», не имеет под собой никакого основания. Не в «благородстве» английского империализма, а в сложившемся в XIX в. соотношении сил соперничавших держав коренится объяснение этого факта. Несостоятельно также и мнение, утвердившееся в англо-американской историографии, что это соперничество началось только тогда, когда Англия окончательно покорила Индию⁷⁰. Средняя Азия и казахские земли служили для англичан не только средством проникновения в другие страны, но и непосредственно привлекали алчные взоры английских капиталистов.

⁶⁷ Цит. по кн.: С. З. З и м а н о в. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX в. Алма-Ата, 1960, стр. 225.

⁶⁸ См.: Д. Г о л о с. Поход в Хиву в 1839 г. отряда русских воГкк под начальством адъютанта Перовского.—«Военный сборник». СПб, 1869, т. XXIX, №2, стр. 66—67; М. В е н ю к о в. Поступательное движение России в Средней Азии. В «сборнике государственных знаний». СПб, 1877, стр. 85; А. Д ю р а н д. Создание границы. Пер. с англ. СПб, 1905, стр. 40.

⁶⁹ У. Т. W o o l r y c h P e r o u n e. Russian hosts and English guests in Central Asia, p. 59.

⁷⁰ См.: «Вестник РГО», 1859, ч. 27, № 10, стр. 83.

Подытоживая краткий обзор англо-американской литературы, посвященной англо-русским противоречиям в Средней Азии в XIX в., необходимо отметить полное отсутствие в ней анализа социально-экономических корней этих противоречий⁷¹. Англо-американские буржуазные авторы, рассматривая события в этом районе, искали их причину в таких факторах, как политика, дипломатическая борьба и военная сила. Судьбы угнетенных народов меньше всего их интересовали.

Известно, что внешняя политика является продолжением политики внутренней, отражением классовых отношений. Иными словами, англо-русское соперничество в Средней Азии было обусловлено экономическим, социальным и политическим развитием обоих государств и всей капиталистической системы в изучаемый период.

Политика обеих держав была направлена на закабаление и угнетение среднеазиатских народов. Однако, как показывают исследования советских ученых Е. Л. Штейнберга, С. Искеновой, Г. А. Хидоятова, Э. Кастельской, Н. А. Халфина, Е. Б. Бекмаханова, для трудящихся Средней Азии и Казахстана вопрос о том, быть им в составе Российской или Британской империи, имел существенное значение в связи с перемещением центра мирового революционного движения в Россию, а также благодаря традиционным связям, территориальной близости к России и ряду других факторов.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАЗАХСКИХ ЗЕМЕЛЬ К РОССИИ

Проблемы присоединения казахских земель к России занимали и занимают в англо-американской буржуазной историографии одно из центральных мест. Это обусловлено, разумеется, не столько научной значимостью этого вопроса, сколько политическими соображениями.

В 30—40-х годах XIX в. в Хиве уже непосредственно сталкивались «интересы» Англии и России. Отражение этих событий мы находим, например, в книге англичанина Ч. Котреля о хивинской экспедиции 1839 г., в которой при-

⁷¹ Исключение составляет работа английского историка Дж. Тэйлора «Борьба за господство в Европе», 1848—1919 гг.». (М., 1958), в которой делается попытка объяснить политику царской России в Средней Азии экономическими мотивами.

ведены рассуждения о месте Оренбурга в укреплении позиций России в Средней Азии и Казахстане⁷². Позднее английский полковник Ф. Барнаби детально описал крепости и укрепленные линии в степных областях, историю взятия Ак-Мечети⁷³.

Конкретный ход событий, связанных с присоединением Среднего и Старшего жузов, торгово-экономическую, военную и дипломатическую политику царской России, казахских ханов и султанов в XVIII—XIX вв. попытался охарактеризовать Г. Лансдель. Отдельные сведения о военных действиях царских войск на территории Казахстана, рекогносцировках и военных экспедициях против Хивинского ханства, о русско-казахских и русско-узбекских отношениях в 40—60-х годах прошлого века даются в сочинениях Д. Бульджера, Г. Роулинсона, Е. Скайлера, Э. Дэнмора, Ф. Скрайна, Д. Райта, В. Э. Кэртиса и других⁷⁴.

Военно-дипломатическая история хода присоединения Казахстана и Средней Азии к России наиболее полно представлена в книге Ф. Г. Скрайна и Э. Д. Росса «Сердце Азии. История Русского Туркестана и среднеазиатских ханств с древнейших времен», написанной по английским, отчасти русским, а также персидским и арабским источникам. В первой части бегло прослежена история народов Средней Азии с древнейшего времени до середины XIX в., во второй — детально описана военно-политическая история отношений между Россией, казахскими жузами и среднеазиатскими ханствами. Авторы перечисляют многие события, связанные с принятием российского подданства казахами Младшего жуза, Мангышлака, Среднего жуза⁷⁵.

⁷² Ch. Cottrell. *Recollections of Siberia in the years 1840 and 1841*. London, 1842, pp. 39—51.

⁷³ Fred Burnaby. *A ride to Khiva*, pp. 367—376.

⁷⁴ Henry Lansdell. *Russian Central Asia*, vol. 1, pp. 284—298; D. Boulger. *England and Russia in Central Asia*. London, 1879, vol. 1, pp. 63—65; Henry Rawlinson. *England and Russia in the East*, pp. 149, 155—156; Eugene Schugler. *Turkistan*, vol. 2, p. 120; «The Pamirs; being a narrative of a year's expedition on horseback and on foot through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary and Russian Central Asia. By the Earl of Dunmore. 2nd ed., vol. 2, L., 1893, pp. 316—317; Fr. Skrine. *The expansion of Russia, 1815—1900*. Cambridge, 1904, p. 131; George Frederick Wright. *Asiatic Russia*. 1., 1903, pp. 215—223; W. E. Curtis. *Turkistan*.—«The Heart of Asia», pp. 81—82, 85, 96.

⁷⁵ Francis Henry Skrine and Edward Denison Ross. *The Heart of Asia. A history of Russian Turkistan and the Central Asian khanates from the earliest times*. L., 1899.

Однако и такие работы имели весьма ограниченную и тенденциозную источниковедческую базу. В результате игнорирования русских источников работы английских и редких в то время американских авторов содержат, как правило, массу ошибок и неточностей⁷⁶.

Но больше всего фальсификаций и всякого рода домыслов внесено буржуазными авторами в объяснение условий, предпосылок и причин присоединения Казахстана к России, в оценку характера и следствий этого события.

Дореволюционная официозная англо-американская историография видела основную причину присоединения Казахстана к России в «стремлении России к мировому господству». Так, Ф. Тренч писал, что определяющим фактором внешней политики России была «идея создания огромной восточной империи, занимавшая преобладающее место в различных планах ее правителей...»⁷⁷. И ничего о других объективных факторах, традиционных связях, об угрозе завоевания джунгарскими феодалами и тем более о факте существования «двух России». В том же духе писал Д. Тоул, автор статьи «Русские на Востоке». Вот образчик его рассуждений: «Россия начала свою завоевательную деятельность в конце XVI в. ... Петр... задумал огромный план завоевания, который включал в себя не только азиатскую часть, лежащую между Каспийским морем и Китаем, но и Константинополь и современную Турцию»⁷⁸.

Игнорируя историческую истину, апологеты английского империализма С. С. Хиль, Д. Ч. Бульджер, Х. Х. де Хелл и другие выдумывают «вековые враждебные отношения» между русскими и казахами, приписывают казахам «беспокойный» и «воинственный» характер. В этой группе авторов особой тенденциозностью отличался Д. Ч. Бульджер, который объявил казахов «национальным врагом» русского народа»⁷⁹.

⁷⁶ См., напр.: Alexis Krausse. *Russia in Asia. A record and study, 1558—1899*. London, 1899, p. 61; H. Lansdell. *Russian Central Asia*, vol. 1, pp. 290, 281; George Frederick Wright. *Asiatic Russia*, p. 215, etc.

⁷⁷ «The Russia-Indian question», by Capt. F. Trench. London, 1869, Pt 1.

⁷⁸ George M. Towle. *The Russians in the East*.— «The Atlantic Monthly» (Boston), July, 1875, p. 71.

⁷⁹ S. S. Hill. *Travels in Siberia*. London, 1854, vol. I, p. 195, D. Ch. Boulgér. *Central Asian questions. Essays on Afghanistan, Chiva and Central Asia*. London, 1885, p. 2; Havier Ho in in .lire <le

Между тем исторические факты свидетельствуют о том, что русско-казахские отношения определялись в основном мирными, дипломатическими и торгово-экономическими связями. Давняя дружба русского и казахского народов, совместная борьба трудящихся масс против общего врага — царизма и местных эксплуататоров — ханов, султанов, баев, совместное участие в национально-освободительном и революционном движении — все это абсолютно замалчивается. •

Коренным пороком дореволюционной буржуазной исторической литературы являлся идеалистический подход к истории. Так, в основу книг и статей многих англо-американских авторов в значительной степени легла, например, «концепция», выраженная в «циркулярной ноте» (1864 г.) министра иностранных дел Российской империи А. М. Горчакова о «непреодолимом стремлении правильно организованного государства» распространять свое господство на соседние территории.

Дворянско-буржуазная историография дореволюционной России и такие ее представители, как М. А. Терентьев, М. Н. Катков, М. Соболев и другие, обеляли хищнические действия царизма на Востоке. По сути они смыкались со своими англо-американскими «коллегами» в оценке указанных событий. И они игнорировали традиционные связи между русским и казахским народами⁸⁰. Между тем каждый, кто сколько-нибудь знаком с историей, хорошо знает, что национальная рознь насаждалась колонизаторами, а русский и казахский народы издавна стремились к сближению.

Мнения английских и американских авторов о проблеме присоединения Казахстана к России имеют много оттенков, но в сущности их объединяет субъективно-идеалистическая трактовка. Так, все они игнорируют объективные факторы, подчеркивают «лукавость», «вероломство» и «тщеславие» Абулхаира и других ханов⁸¹.

Hell. Travels in the steppes of the Caspian sea, the Crimea, the Caucasus, etc. London, pp. 327—328; D. Ch. Boulger. Central Asian questions, p. 2.

⁸⁰ См., напр.: «Russia. Her strength and her weakness. A study of the present conditions of the Russian Empire with the analysis of its resources and a forecast of its future». By Wolf von Schierbrand. N. Y.—L., 1904, pp. 13, 20.

⁸¹ См.: М. Венюков. Новые английские сочинения о Средней Азии,—«Русский инвалид», 1876, № 234.

Особое место в освещении проблемы занимает трехтомная публикация англичанина Д. Маккензи Уоллеса «Россия». Автор провел в России почти шесть лет, но книга его носит поверхностный характер и основные вопросы истории России, в том числе русско-казахских отношений, не получили достоверного освещения. Уоллес, как геополитик и сторонник мальтузианских взглядов, пытался «объяснить» колониальную политику царизма географическими условиями, борьбой «между этими (т. е. казахскими.— К. Е.) ордами и земледельческими поселенцами с северо-запада... стремившимися к присваиванию территории своих соседей»⁸². Ссылаясь на «теорию» Мальтуса, он пытается доказать, будто русский народ (а не его правители, не царизм) был заинтересован в захвате казахских земель. Уоллесом, как и другими, так подтасовывалась история, что один народ противопоставлялся другому. Действительные же социальные корни тяжкого положения русского крестьянина-труженика — гнет помещичий и помещичьи латифундии, сдерживавшие и мешавшие развитию сельскохозяйственного производства — замалчиваются⁸³.

В основе воззрений Уоллеса, как видим, лежит географический детерминизм, несостоятельность которого известна. Такая трактовка вполне соответствует империалистическим устремлениям, снабжает «научными» аргументами политиков, оправдывающих войны и колониализм. Вульгарный «географизм», являющийся краеугольным камнем «теоретического» здания геополитики, как и реакционная теория Мальтуса, давно опровергнуты марксистской наукой. Сама история, современность, новые межнациональные отношения в Советской стране воочию доказали, что географическая среда, остающаяся почти неизменной в продолжении десятков тысяч лет, не могла и не может служить объяснением крупнейших исторических событий.

Современные англо-американские историки А. Гудсон, О. Кэроу, Ч. Хостлер, В. Рязановский, Л. Крадер⁸⁴, повторяя взгляды дореволюционных историков, сводят основные

⁸² D. MacKenzie Wallace. Russia. Leipzig, 1878, vol. II, p. 192.

⁸³ Ibid, vol. III, pp. 232, 233.

⁸⁴ Alfred E. Hudson. Kazak social structure. Yale Univ. Press, 1938, p. 17; O. I. Caroe. Soviet Empire. The Turks of Central Asia and Stalinism. L., 1954, p. 171; Charles Warren Hostler. Tundsm and the Soviets. The Turks of the World and their political objectives*. L—N. Y., 1957, p. 60; Valentin A. Riasanovsky. Customary law of the Nomadic tribes of Siberia. Indiana Univ. Publications. Uralic and Altaic series, vol. 48, p. 7; L. Krader. Peoples of Central Asia, p. 98.

причины присоединения Казахстана к России единственно к внешнеполитической ситуации, к различного толка феодальным войнам и тоже полностью целиком подменяют историю народов историей царей и ханов, их борьбой за власть.

Отходя частично от выводов своих предшественников, Е. Бэкон в книге «Средняя Азия под русским, господством» пытается раскрыть причины присоединения Казахстана к России на несколько более широкой основе. Она, например, отметила сокращение пастбищ, доступных кочевникам, и то, что это сжатие росло в XVIII в. с усилением власти Джунгарии на востоке и движением одной ойратской группы (калмыков) на запад через казахские владения к Волге. В первой половине XIX в. было давление также с юга, где казахи были согнаны со всех традиционных зимних пастбищ около Амударьи экспансионистской властью Хивы. Поэтому казахи «часто обращались к России за помощью против своих внешних врагов»⁸⁵.

Конечно, Бэкон далека от полного раскрытия причин присоединения Казахстана к России. Она не сумела разобраться во всем сложном комплексе исторических обстоятельств и причинах, обусловивших вхождение казахских земель в состав России, и тем более в их следствиях. Вот почему в своих выводах она переходит на общие для англо-американской историографии фальсификаторские позиции.

Л. Крадер, О. Кэроу, Ирен Виннер, как и Е. Бэкон, считают, что «казахская степь была завоевана по частям с помощью укрепленных линий и силой оружия»⁸⁶.

Вынужденные мимоходом иногда признать, что присоединение Казахстана к России отвечало коренным интересам казахского народа, они «забывают» о главных социально-экономических и политических его следствиях.

Современные англо-американские историки тоже высказывают соображения о характере российского подданства казахов. Так, адъюнкт-профессор Колумбийского университета Э. Олуорд в книге «Средняя Азия. Век правления России» не смог умолчать об участии казахов в крестьянской войне под предводительством Емельяна Пугачева, о внешнеполитических акциях России в защиту казахов от

⁸⁵ Elizabeth E. Bacon. *Central Asians under Russian rule. A study in culture change*. New York, 1965, p. 93.

⁸⁶ L. Krader. *Reoples of Central Asia*, pp. 105—106; O. Caroe. *Soviet Empire*, p. 74; Irene Winner. *Some problems of Nomadism.*—*Central Asian Review**, 1963, vol. XI, N. 3, p. 247.

джунгарского военно-феодалного государства, об изменениях в управлении казахскими жузами. Однако принятие подданства России частью верхушки Старшего жуза он рассматривает как вынужденный акт, предпринятый «в условиях физического давления», вне оценки политической обстановки на юге и юго-востоке казахских земель. Он утверждает, что «присяга 1731 и 1734 гг., договоры, заключенные предками казахов или их посланниками, не были прочувствованы как обязательные для их преемников или их коллег»⁸⁷.

Буржуазные историки, не считаясь с бесспорными доказательствами, приведенными в исследованиях советских историков⁸⁸, твердят об «аннексии» Казахстана, подменяют понятие присоединения завоеванием. Так, Сетон-Уотсон в своей антисоветской книжонке «Новый империализм» сводит историю России только к истории захватов. В своем злобствовании он тщится поставить знак равенства между славянофилами середины XIX в. и современными советскими историками-марксистами⁸⁹. В сентенциях буржуазного профессора в концентрированном виде нашли отражение принятые в антикоммунистической историографии метода фальсификации исторической действительности; сознательное, заведомое искажение взглядов советских исследователей.

- Как уже говорилось, добровольный характер присоединения Казахстана к России был отмечен, хотя и с оговорками, не только отдельными дореволюционными, но и некоторыми наиболее объективными современными англо-американскими авторами. Но и они не сумели увидеть главные социально-экономические и политические последствия присоединения. Все сводится у них к субъективным свойствам тех или иных деятелей или к религиозным моментам, которые всячески выпячивают.

В общем антисоветском хоре встречаются и нотки идеализации царского колониального режима и колониальной политики в Казахстане. В частности, Ричард Пирс в книге «Русская Средняя Азия в 1867—1917 гг.» утверждает, что представители царского правительства «были инициаторами многих преобразований», которые якобы «обеспечили осно-

⁸⁷ ^Central Asia. A century of Russian rule>. Ed. by Edward Allworth. N. Y. and London, 1967, pp. 11, 50, 52.

⁸⁸ «Central Asian Review». 1959, vol. VII, N. 1, p. 4.

⁸⁹ Hugh Seton-Watson. The New Imperialism. A background book. London, 1961, p. 23.

ву для дальнейшего развития этих окраин России»⁹⁰. Иначе говоря, он пытается не только оправдать колониализм, но и перечеркнуть достижения -народов Средней Азии и Казахстана за годы Советской власти.

Р. Пирс не одинок в своих попытках обеления колониальной политики самодержавия. В запоздалом стремлении «реабилитировать» царскую колониальную политику Дж. Кеннан, например, уверяет, что самодержавие было «вовсе не таким жестоким». Особенно превозносит он «думский период» (1906—1914 гг.), который характеризуется буржуазными историками как «возрождение», «огромный прогресс» и т. п.⁹¹

. Корни таких представлений уходят в кадетскую концепцию, согласно которой после революции 1905 г. Россия и ее колониальные окраины вступили на путь быстрого общественного развития по «западному образцу», что исключало* ,якобы необходимость революционных преобразований.

Чем быстрее развивался мировой революционный процесс после Великого Октября, тем более вправо эволюционировала буржуазная историческая мысль в оценке проблем присоединения Казахстана к России: от критики «отдельных недочетов» и «дурных» сторон колониального правления она одно время даже дошла до открытой идеализации царизма в тщетной попытке перечеркнуть преимущества советского общественного и государственного строя, достижения ленинской национальной политики.

Догматики по мышлению, выполняя социальный заказ господствующих классов, буржуазные историки не могут свести концы с концами, научно объяснить диалектику исторического процесса. В частности, Губерт Эваис в рецензии на работу Т. Тажибаева «Просвещение и школы во второй половине XIX в.» пишет, что «главным направлением этого серьезного, обдуманного, методического исследования» является попытка примирить якобы противоположно

но Richard G. Pierce. *Russian Central Asia*, p. 303; «*Journal of the Royal Central Asian Society*», vol. XLVII, July, October, 1960, parts III and IV, p. 332.

⁹⁰ «*Revolutionary Russia*». Ed. by R. Pipes. Cambridge, Mass., 1968, p. 9; B. Pares. *The Fall of Russian Monarchy*. L., 1939, Ch. 4; «*The Slavonic and East European Review*», 1939, vol. 18, N. 52, p. 74; G. Vernadsky. *The Russian Revolution 1917—1931*. N.—Y., 1932; A. Moorehead. *The Russian revolution*. N. Y., 1958, pp. 63, 64; Y. Taylor. *The fall of the dynasties*. Garden City, 1963, p. 361; «*Slavic Review*», 1965, vol. 24, N. 2, pp. 323—324; D. Treadgold. *Twentieth century Russia*. Chicago, 1962, p. 121.

ные суждения: захват Казахстана и Средней Азии был отрицательным явлением, поскольку речь идет о царизме, и благом, поскольку речь идет о России, о русском и казахском народах⁹². Точно то же пишут анонимный автор рецензии на книгу Е. Б. Бекмаханова «Присоединение Казахстана к России» и Р. Пирс в упомянутой выше книге «Русская Средняя Азия»⁹³. Стоит ли разъяснять этим господам, что в этом факте нет никакого противоречия!

Англо-американские буржуазные историки упорно не хотят объективно представить поступательный процесс движения советской исторической науки, ищут «столкновение взглядов» там, где речь может идти только о поиске, о честном споре, ведущем к установлению истины. И все это преследует одну далекую от подлинной науки цель: отождествить политику царизма с политикой Советского государства. Такие «обвинения» в адрес советских историков представляют собой преднамеренное извращение истории науки и повторение вчерашнего, пройденного уже советской наукой этапа.

Действительно, на начальном "этапе" становления советской исторической науки присоединение Казахстана к России расценивалось неравнозначно. Выход в свет первого издания «Истории Казахской ССР»⁹⁴ явился важным научным событием. В книге была по-марксистски обобщена и изложена история Казахстана. Однако она содержала и ошибки. В частности, здесь получило неверное толкование присоединения Казахстана к России, которое рассматривалось как результат «сговора части казахской знати и царского правительства», т. е. как «абсолютное зло». Второе издание⁹⁵ не полностью освободилось от этой ошибки, хотя в нем уже предпринималась попытка показать историческую обусловленность присоединения и его прогрессивное значение.

Тщательное изучение документальных источников по проблеме, привлечение новых материалов позволили казахстанским ученым подготовить новое двухтомное издание «Истории Казахской ССР»⁹⁶. В нем по-новому разработаны

⁹² «Journal of Royal Central Asian Society», Jan., 1964, vol. LX, p. 53.

⁹³ С. М. <Journal of the Royal Central Asian Society», J., 1959, vol. XLVI, part 1, p. 15; Richard A. Pierce. Russian Central Asia, p. 303.

⁹⁴ «История Казахской ССР. (С древнейших времен до наших дней.)» Алма-Ата, 1943.

⁹⁵ «История Казахской ССР». Алма-Ата, 1949.

⁹⁶ «История Казахской ССР». Алма-Ата, 1957.

многие вопросы периодизации, показаны экономические и политические связи, сыгравшие важную роль в развитии русско-казахских отношений, подчеркнуто объективно прогрессивное значение присоединения Казахстана к России.

Разработка проблемы значительно продвинулось вперед с выходом в свет монографий Е. Б. Бекмаханова, Н. А. Халфина, Н. Г. Аполловой, Б. Сулейменова и других⁹⁷.

Однако что до этого англо-американской буржуазной историографии! Сознательно замалчивая факт существования «двух России» — России царской и России демократической, — они ставят знак равенства между ними, скрывая конкретную историю экономических, политических и культурных связей казахского и русского народов, истоки их дружественных отношений.

Смысл подобных попыток буржуазной историографии особенно четко выражен в следующем заявлении Уилера: «Если бы народы Средней Азии вошли в состав британских владений, они бы теперь — к лучшему или худшему — приобрели независимость»⁹⁸. Вот в чем ключ. Здесь и сожаление о том, что Казахстан, как и Средняя Азия, оказались потерянными для Британской империи; и утверждение, будто Англия «добровольно» предоставляет независимость своим колониям; и нечистоплотный намек на якобы «колонизальный» статус, в котором пребывает Средняя Азия в составе СССР.

Истинной целью и мотивом подобных «научных» утверждений, как прианался Р. Пирс, является стремление предостеречь «народы в других частях мира, которые еще остаются под колониальным господством, или тех, кто недавно стал свободным и выбирает путь, по которому будет идти»⁹⁹.

Отсюда ясно, что буржуазное толкование проблемы присоединения Казахстана к России, вопреки историческим фактам, преследует определенную политическую цель: запугать народы так называемого «третьего мира» мифической «советской угрозой», помешать им встать на некапиталистический путь развития. Современные буржуазные историки, любящие подчеркивать свою «беспристрастность» и «объективность», в угоду своим предвзятым политическим

⁹⁷ Г. Ф. Дахшлейгер. Историография Советского Казахстана. Алма-Ата, 1969, стр. 58—59; его же. В. И. Ленин и проблемы казахстанской историографии. Алма-Ата, 1973, стр. 13—62.

⁹⁸ Geoffrey Wheeler. The Peoples of Soviet Central Asia, p. 34.

⁹⁹ Richard A. Pierce. Russian Central Asia, p. 306.

установкам отказываются от науки, становятся на путь идеологической диверсии.

Вопреки англо-американским историографам, признание прогрессивного характера присоединения казахских земель к России вовсе не означает идеализации колониализма. Подлинно научная, диалектическая позиция советских историков по этим вопросам широко известна и вряд ли есть необходимость пересказывать ее здесь¹⁰⁰. Советская историография ясно подчеркивает, что изменения в общественно-экономической и культурной жизни Казахстана, процесс сближения народов происходили не в результате, а вопреки угнетательской колонизаторской политики царизма, которой дана объективная, бескомпромиссная оценка.

В этом отношении советская наука следует мысли одного из основоположников марксизма — Ф. Энгельса, который, клеймя грязь и мерзость царской администрации, вместе с тем ценил действительно прогрессивную роль России по отношению к Востоку. В письме к К. Марксу 23 мая 1851 г. Ф. Энгельс ясно писал, что «господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»¹⁰¹.

Как известно, прогрессивность присоединения Казахстана к России определялась не только и не столько процессом проникновения и развития в крае капиталистических отношений. Главное и определяющее в оценке присоединения Казахстана к России, с полным основанием утверждает советская историография, это — исторически сложившееся сближение трудящихся русского и казахского народов в совместной борьбе против царизма, против социального и национального гнета осознавших общность своих коренных интересов и судеб. И факт существования «двух России» не вычеркнуть из истории, как не дано забыть крылатые слова А. И. Герцена: «Две России с начала XVIII столетия стали враждебны друг против друга. С одной стороны была Россия правительственная, имперская... с другой — Русь черного народа, бедная, хлебопашенная, обиженная, демократическая...»¹⁰². Сближение именно с «Русью черного на-

¹⁰⁰ См.: Е. Бекмаханов. Присоединение Казахстана к России. М., 1957; Н. А. Халфин. Присоединение Средней Азии к России. М., 1965; Г. С. Сапаргалиев. Карательная политика царизма в Казахстане в 1905—1907 гг. Алма-Ата, 1966, и др.

¹⁰¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 241.

¹⁰² А. И. Герцен. Набранные философские произведения. М., 1948, стр. 61.

рода» — народом Пушкина и Лермонтова, Белинского и Герцена, Чернышевского и Добролюбова — создавало условия для освобождения казахского народа от социального и колониального гнета.

Распространение в Казахстане идей марксизма-ленинизма имело неоценимое значение для трудящихся казахов и представителей других национальностей в их совместной с русскими трудящимися борьбе против самодержавия и местных эксплуататоров, в развитии национально-освободительного движения. «У нас целый ряд угнетенных царизмом народностей... — писал В. И. Ленин в 1905 г., — делают натиск на самодержавие особенно энергичным»¹⁰³. Этот натиск, общая героическая борьба народов многонациональной России при гегемонии русского рабочего класса во главе с партией большевиков росли и крепили и в конечном счете привели к победе Великой Октябрьской социалистической революции, навсегда избавивший все народы Российской империи от социального и национального гнета.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ

- В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

История национально-освободительного движения угнетенных народов колониальных окраин царской России была и остается одной из значительных проблем советской исторической науки. За более чем полувековой период советская историография и ее казахстанский раздел шагнули далеко вперед. Еще в первых работах Т. Рыскулова, А. Ф. Рязанова, С. Брайнина и Ш. Шафиро, А. Якунина, С. Асфендиарова¹⁰⁴ были предприняты попытки выяснить ход отдельных национальных движений, однако в оценке их при-

¹⁰³ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 9, стр. 381.

¹⁰⁴ Т. Рыскулов. Восстание туземцев в Средней Азии, ч. 1—2. Кзыл-Орда, 1927; А. Ф. Рязанов. Восстание Исатая Тамманова. Кзыл-Орда, 1927; С. Брайнин и Ш. Шафиро, О движущих силах восстания 1916 г. в Казахстане.—«Историк-марксист», 1933, №6; А. Якунин. Освободительное движение трудящихся казахов в 1836—1838 гг.—«Большевик Казахстана», 1939, №6; С. Д. Асфендиаров. Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата, 1936; его же. История национально-революционных движений на Востоке. Алма-Ата, 1932.

чин и характера некоторыми из историков допускались неточности, а порою и серьезные ошибки методологического характера. Так, А. Ф. Рязанов любое национальное выступление относил к разряду прогрессивных и даже революционных, недооценивая значение классового фактора. Ошибочные взгляды, выражавшиеся в идеализации некоторых реакционных движений, отрицании классовой дифференциации казахского общества и противопоставлении национально-освободительной борьбы казахского народа революционному движению русского рабочего класса, подверглись справедливой критике научной общественности. Постепенно казахстанская историография освобождалась от* наносных, субъективных взглядов, расширяла и углубляла свою источниковедческую базу, создала ценные монографические исследования. В 40-х годах вышла книга М. П. Вяткина о восстании трудящихся Младшего жуза в 1783—1797 гг. под предводительством Сырма Датова, В. Ф. Шахматова — о восстании в Букеевской орде в 1836—1837 гг. во главе с Исатаем Таймановым и Махамбетом Утемисовым, а также работы и статьи о выступлении сырдарьинских егиншей в 1856—1857 гг., о массовом движении казахов южных районов Казахстана против гнета кокандских феодалов в 1858 г.¹⁰⁵

Стали издаваться сборники документальных материалов, в особенности по истории восстания 1916 г. в Казахстане и Средней Азии. Нельзя не отметить монографию Х. Т. Турсунова «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане» (Ташкент, 1962), где показана общность предпосылок, характера и движущих сил восстания на огромной территории (с выяснением специфики отдельных регионов), раскрыто значение восстания в повышении классового самосознания национального крестьянства, место этого события в назревавшем в России в годы первой мировой войны революционном кризисе; не обойдены стихийность восстания и его внутренние противоречия.

Достижения советской историографии в изучении нацио-

¹⁰⁵ М. П. Вяткин. Батыр Сырым. М., 1947; В. Ф. Шахматов. Внутренняя орда и восстание Исатая Таймапова. Алма-Ата, 1946; его же. Освободительное восстание казахов против кокаидского феодального гнета в 1858 г. — «Вестник АН КазССР», 1949. № 1(1; Т. Ж. Шойнбаев. Восстание сырдарьинских казахов под руководством батыра Джайходжи Нурмухамсдова (1856—1857 гг.). Алма-Ата, 1949 и др.

нально-освободительного движения в Казахстане XVIII — начала XIX вв. несомненны.

Немалый интерес к истории национальных движений на территории Казахстана проявила и англо-американская буржуазная историография. Рассмотрим же ее «труды» по этой проблеме.

Тема национальных движений в Казахстане впервые получила спорадическое отражение в английской и американской буржуазной историографии во второй половине XIX в. Гораздо большее внимание она уделяет этой теме в последнее время.

Так, в конце 50-х годов появились первые публикации об участии казахов в крестьянской войне 1773—1775 гг. В 1960 г. в «Среднеазиатском обозрении» была опубликована статья «Казахи и восстание Пугачева». В ней делается попытка противопоставить устаревшую работу начала 20-х годов А. П. Чулошникова¹⁰⁶ «Истории Казахской ССР» издания 1957 г.

«Обозрение», разумеется, отдает предпочтение А. П. Чулошникову, поскольку (как это типично для буржуазной историографии!) труд его «свободен» от марксистских взглядов¹⁰⁷. С особым усердием оно поддерживает ошибочные тезисы Чулошникова о том, что набеги казахов на крепости «нигде не сопровождались непосредственным выступлением в рядах самих пугачевцев». Новейшая американская историография (М. Раев, Дж. Александер, П. Аврич) объясняет участие казахов в крестьянской войне 1773—1775 гг. прежде всего и главным образом только мотивами национально-религиозного порядка¹⁰⁸. Таким образом, отрицаются какие-либо социально-экономические предпосылки для совместной борьбы казахских и русских трудящихся масс против своих угнетателей, остается стремление, фальсифицируя факты, доказать «полное расхождение в методах и средствах... характере и целях борьбы повстанцев и казахов».

¹⁰⁶ А. П. Чулошников. Казах-киргизские кочевые орды и пугачевщина (1773—1774 гг.)—«Новый Восток», 1929, кн. 25.

¹⁰⁷ «The Kazakhs and Pugachev's revolt.* ^Central Asian Review*, 1960, vol. VIII, N. 3, pp. 256—263.

¹⁰⁸ Подробно об этом см.: Р. В. Овчинников, С. М. Троицкий. Новейшая американская историография крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева.—«История СССР», 1974, №5, стр. 171—190.

Антинаучность таких голбсловных, бпройергаемых совокупностью документальных материалов «концепций» буржуазной историографии очевидна. Документы того времени содержат оценку размаха и характера упомянутых выступлений казахского населения, совершенно противоположную утверждениям современных адгло-американских авторов. Даже Екатерина II не сомневалась в том, что набег казахов на царские крепости и форпосты являлись прямым продолжением пугачевского восстания, выражали общность интересов русского крестьянства и казахских шаруа в борьбе против своих угнетателей. Доказано, что нападениям казахов подвергались преимущественно крепости и отдельные отряды царских войск, в совместной борьбе изживалось недоверие между народностями, усиленно насаждавшееся царским правительством. Имеются также сведения, что даже после снятия осады Оренбурга в десятитысячной армии Дугачева было немало казахов¹⁰⁹.

Эти факты свидетельствуют о начавшемся в процессе крестьянской войны сближении угнетенного казахского народа с русским крестьянством и работным людом, о первых шагах интернационального единства и боевой дружбы между ними, а не о выдуманных религиозных, национальных и тому подобных моментах, якобы всецело определявших причины, цели и характер выступлений казахского населения.

История участия казахов в крестьянской войне под предводительством Е. Пугачева получила полное и глубокое освещение в исследованиях А. Н. Нусупбекова, Е. Б. Бекмаханова, Г. И. Семенюка, Н. Бекмахановой, где на базе источников, с позиций марксистско-ленинской методологии раскрыты внутренние предпосылки и сама история участия казахов в крестьянской войне, отношение к восстанию широких народных масс, общественно-политические последствия этого крупнейшего события для казахского народа, мотивирована связь между участием казахов в крестьянской войне 1773—1775 гг. и движением под предводительством Срыма Датова, начавшемся в 1783 г. и продолжавшемся почти четырнадцать лет¹¹⁰.

«Ученые записки КазГУ им. С. М. Кирова», сер. ист., т. IV, вып. 12, 1963, стр. 71—73.

¹¹⁰ См.: «История Казахской ССР», т. 1, Алма-Ата, 1957, гл. IX; Е. Бекмаханов, Г. Семенюк. Казахи в крестьянской войне 1773—1775 гг.—«Ученые записки КазГУ», серии НСТпр., т. IV, вып. 12, 1963; Г. Семенюк. Казахи в восстании Пугачев». В кн. «Крестьян-

Движение под предводительством Срыма Датова получило отражение в книге Дж. Уилера «Современная история Советской Средней Азии».

Дж. Уилер целиком отказался от анализа социально-экономических и политических причин восстания. Жонглируя выдернутыми из контекста отрывками из книг советских ученых, Уилер делает произвольный вывод, будто восстание Срыма Датова было «антирусским». Между тем история этого восстания хорошо изучена. Факты говорят о том, что оно носило не «антирусский», а ярко выраженный классовый характер. Достаточно вспомнить, что, согласившись вести переговоры с генерал-губернатором Симбирского и Уфимского наместничеств, повстанцы потребовали отстранения хана от власти, а встретив отказ, убили хана Есима, нескольких султанов и биев. Характерно, что, испугавшись своих шаруа, феодалы стали отходить от Срыма Датова. Более того, хан Нуралы и султан Айчувак просили царские уласты в Оренбурге о незамедлительном подавлении восстания, следовательно, они отнюдь не считали его только «антирусским».

Глубоко неверно также суждение Л. Крадера, будто следствием восстания Срыма Датова явились «тесная взаимосвязь казахов, чувство социальной общности и общей судьбы»¹¹¹. Дело обстоит как раз наоборот: восстание было вызвано возросшей социальной неоднородностью, явилось следствием классовой дифференциации, которую отметил, например, Х. Сетон-Уотсон в книге «Российская империя в 1801—1917 гг.»: «...Некоторые родовые вожди пытались превратить общинную землю в личную собственность, а рядовых общинников в арендаторов»¹¹².

Д. Ч. Бульджер в своей книге «Англия и Россия в Средней Азии», характеризуя восстание шектинцев в 1855—1858 гг., главное внимание уделил только его предводителю феодалу Есету Кутебарову. И снова безосновательно выпячивается надуманная «враждебность» всех казахов к России, к русскому народу. Более того, капитуляция Кутебарова перед царской администрацией изображается как приня-

ская война в России. Восстание Пугачева», т. II, Л., 1966, стр. 156—157; Н. Бекмаханова. Легенда о Невидимке (участие казахов в крестьянской войне под руководством Пугачева в 1773—1775 годах). Алма-Ата, 1968.

¹¹¹ Lawrence Krader. Peoples of Central Asia, p. 100.

¹¹² H U K i i Seton-Watson. The Russian Empire, 1801—1917. Oxford, 1967, p. 294.

тие «почетных условий мира, предложенных ему представителями власти»¹¹³. При этом английские и американские историки умалчивают опровергающие их концептуальные положения факты, убеждающие в том, что против повстанцев Е. Кутебарова действовали не только царские отряды, но и правитель западной части Младшего жуза султан Мухамедгали Тяукин, султан Елекей Касымов и султан-правитель Младшего жуза Арслан Джантюрин со своими отрядами. В восстании, при всей стихийности его характера, преобладали антифеодальные черты. Так, повстанцы в стремительном ночном нападении 8 июля 1855 г. убили Арслана Джантюрина, начальника 57-й дистанции султана Игали, начальника 30-й дистанции Нуржана Калабаева, более десяти биев и старшин.

Короткое упоминание о восстаниях Е. Кутебарова и Д. Нурмухамедова содержится в книге «Средняя Азия. Век управления Россией»¹¹⁴ под редакцией адъюнкт-профессора Колумбийского университета Э. Олуорда. По его представлениям, причины восстания* состояли в «постоянных и все возрастающих вторжениях русских (заметьте: всех без различия социальной принадлежности.— К. Е.) в жизнь казахов». Э. Олуорд полностью выхолащивает социальное содержание выступлений казахских трудящихся в 50-х годах XIX в., что ему понадобилось для искажения действительно-характера русско-казахских отношений, освещения их в одностороннем, тенденциозном духе.

Не случайно симпатии англо-американских авторов, например, всецело на стороне Кенесары Касымова, которого они возводят чуть ли не в ранг «национального героя». Провокационное утверждение автора статьи «Россия и казахи в XVIII и XIX веках» о том, что современная советская историография якобы рассматривает все антицаристские движения как реакционные¹¹⁵, преднамеренно вводит зарубежного читателя в заблуждение. Здесь, что ни слово, то фальсификация, клевета на советскую историческую науку.

В конце 60-х—начале 70-х годов XIX в. центр освободи-

¹¹³ D. Ch. Boulger. *England and Russia in Central Asia*. 2 vols. London, 1879, vol. 1, pp. 162—162.

¹¹⁴ «Central Asia. A century of Russian rule». Ed. by Edward Allworth, N. Y. and London, 1967, p. 17.

¹¹⁵ «Russia and the Kazakhs in the XVIII-th and XIX-th centuris».—[^]*Central Asian Review**, 1957, vol. 5, N. 4, p. 358.

тельной борьбы казахов переместился в западные районы Казахстана, где выступления шаруа были вызваны усилением колониального гнета и феодальной эксплуатации, обострением земельного вопроса, произволом царских чиновников в связи с введением административно-судебных реформ 1867—1868 гг.^{1, 6}

Восстание казахских трудящихся в Уральской и Тургайской областях нашло отражение в трудах А. Краусса «Россия в Азии» и уже упоминавшейся книжке Е. Скайлера «Туркестан. Заметки о путешествии по русскому Туркестану, Коканду, Бухаре и Кульдже». Первый совершенно бездоказательно писал, что восстание казахов «было поддержано донскими казаками»¹¹⁷. Скайлер же непосредственные причины недовольства казахов-кочевников увидел не в том, что реформы несли с собой усиление колониального гнета, а в том, что была введена выборность чинов местной администрации. По его словам, «внедрение системы избирательного правления в степи» привело к «большому недовольству, вылившемуся в открытое восстание». В связи с этим Е. Скайлер поет дифирамбы никогда не существовавшей «любви» казахов к «своей аристократии», якобы пострадавшей от введения реформ. «Киргизы питали большое уважение к своей аристократии,—утверждает Е. Скайлер,—и народные массы, или «черная кость», видели своих вождей в «белой кости», или в потомках ханов и правящих фамилий»¹¹⁸. Вот уже, где полное и сознательное искажение классовых отношений в казахском обществе! Что же касается фактов, то Скайлеру до них дела нет.

В 1870 г. произошло восстание на Мангышлаке. За рубежом на него откликнулись английские авторы Г. Аберинг-Маккей в «Заметках по Западному Туркестану» и полковник Ф. Барнаби в книге «Поездка в Хиву. Путешествия и приключения в Средней Азии»¹¹⁹. Они информировали читателя об увеличении налогов среди адаевцев, о военных действиях на Мангышлаке, о численности повстанцев. Ф. Барнаби не забыл сообщить, что «хивинский хан поддерживал восставших, которых он считал своими подданными». И далее: «В ходе столкновения адаи разгромили транспорт-

¹¹⁶ В. Ф. Шахматов. К вопросу о характере восстания 1869 г. в Тургайской и Уральской областях.—«Вестник АН КазССР», 1958, Кг 1.

¹¹⁷ Alexis Krausse. Russia in Asia... p. 72.

¹¹⁸ Eugene Schuyler. Turkistan, vol. 1, pp. 32, 33.

¹¹⁹ G. R. Aberigh-Mackay. Notes on Western Turkistan. Calcutta, London, 1875.

ную колонну с конвоем и * атаковали форт Александра»¹²⁰.

Вполне понятно, что описание Ф. Барнаби и других не дает представления о характере и движущих силах восстания. Снова его антиколониальный характер отождествлен с выдуманной «антирусской направленностью». Между тем причина восстания и на этот раз предельно ясна: оно явилось выражением протеста против удвоения суммы налогов.

Таким образом, англо-американская историография, объявляя все движения «антирусскими», стремится к одной неосуществимой цели: доказать, будто не было среди казахов классовой борьбы, объединявшей трудящиеся массы казахского и русского народов.

С этих же позиций рассматривается англо-американской историографией и народно-освободительное восстание казахов в 1916 г. Все переселенцы (независимо от социального положения) при этом опять-таки противопоставляются якобы единому казахскому населению. В частности, Д. Уилер сводит причины восстания 1916 г. к тому, что «мусульмане были против присутствия русских». Пытаясь критиковать труды советских историков, в частности сборник документов «Восстание в Средней Азии и Казахстане» (под редакцией А. В. Пяковского. Москва, 1960), Дж. Уилер спорит ... с документальными материалами¹²¹.

Классовая тенденциозность современных буржуазных историков выражается также в идеализации роли феодальной верхушки в восстании 1916 г. и предпочтительном описании событий в тех районах, где реакционные феодально-байские элементы пытались разжечь национальную рознь. Так, например, поступает М. А. Чаплика в работе «Тюрки Средней Азии в прошлом и в настоящее время»¹²².

В отличие от него Р. Пирс основным центром восстания в Казахстане называет Тургайскую область, но и он замалчивает внутренние сериальные первопричины восстания. Заимствуя у советских ученых некоторые данные об экономическом положении казахов в годы первой мировой войны, о мобилизации, о налогах и повинностях, о коррупции чиновников, о реквизициях скота, он тут же забывает об элементах объективности, когда переходит к оценке советскими историками характера восстания. Цитируя «Материалы на-

¹²⁰ Fred. Vignaby. A ride to Khiva, pp. 252—25:1.

¹²¹ G. Wheeler. The peoples of Soviet Central Asia, p. 44.

¹²² M. A. Czapliska. The Turks of Central Asia in history, p. 17.

учной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана» (Ташкент, 1965), он сопоставлял их с «исследованиями» пантюркиста Зеки Велиди Тогана, и возвращается к избитому тезису об «антирусском характере» восстания¹²³.

В книге С. Зеньковского «Пантюркизм и ислам в России» описываются боевые действия повстанцев против царских карательных отрядов. Это описание грубо извращает роль казахских буржуазных националистов и баев в восстании, замалчивает их предательскую роль в отношении к своему народу. В конечном счете он приходит к «выводу», что восстание было не чем иным, «как безрассудной резней в степи, вызванной взаимным недоразумением как со стороны тюрков, так и русских»¹²⁴. Вот уж поистине обобщение, достойно расиста!

Зеньковского не интересует, что в основе такого «недоразумения» лежали массовое изъятие земель казахских шаруа, повсеместные реквизиции скота и фуража по принудительным ценам, увеличение налоговых сборов, торговая и ростовщическая эксплуатация, произвол, взяточничество и вымогательство царских чиновников, волостных управителей и аульных старшин, мобилизация на тыловые работы, иными словами — чрезмерное усиление социального и колониального гнета в годы первой мировой войны.

Американец Э. Д. Сокол написал книгу «Восстание 1916 года в русской Средней Азии»¹²⁵. В ней он отмечает, что эта тема «игнорировалась в английской литературе» и «ее затрагивали лишь мимоходом». Он пишет: «...Экономические причины играют преимущественную роль тлри объяснении почти всех восстаний. Однако очень мало есть таких восстаний, в которых экономический фактор сыграл бы столь выдающуюся роль, как в восстании 1916 года». Но далее Э. Д. Сокол слово в слово повторяет выдвинутую его предшественниками и поддержанную современными английскими историками «концепцию», перепевает знакомые слова об «извечной борьбе ислама против неверных».

Правда, Э. Д. Сокол приводит сведения об ухудшении материального положения казахских трудящихся, увеличении налогового обложения и других повинностей, данные о

¹²³ Richard A. Pierce. Russian Central Asia, p. 291.

¹²⁴ Ibid, pp. 268, 279, 281 etc Serge A. Zenkovsky. Pan-Turkism and Islam in Russia, pp. 135—136, 138.

¹ Edward Dennis Sokol. The revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimore, 1954.

количестве местных жителей, «реквизированных» на тыловые работы. Более того, говоря об участии различных социальных групп в восстании в Тургайской, Семипалатинской и Семиреченской областях, Э. Д. Сокол отмечает недовольство казахов действиями как русской администрации, так и «своих» старшин и волостных управителей, что находится в явном противоречии с его же тезисом о направленности восстания якобы «только» против «неверных». Он вынужден признать, что «богатые казахи» обычно не присоединялись к движению», а бедные «повсеместно участвовали в восстании в качестве повстанцев».

Характер работы Э. Д. Сокола определяют, однако, не эти признания. В целом книга полна противоречий и несостоятельных суждений/В конечном счете он отрицает взаимосвязь национально-освободительного и революционного движения русского рабочего класса и трудящегося крестьянства, пытается представить алашордынцев и пантюркистов в качестве «поборников интересов» казахского народа¹²⁶.

Отметим, что той же «концепции» придерживаются американский историк А. Спектор, который в книге «Советский Союз и мусульманский мир» утверждает, что восстание 1916 г. явилось «предвестником басмачества», и Л. Крадер, объявляющий восстание истоком контрреволюционной Алаш-Орды¹²⁷.

Характерно, что все такого рода извращения вступают в непреодолимое противоречие с многочисленными фактами, свидетельствующими о героической борьбе народных масс Казахстана и Средней Азии против басмачей и алашордынцев.

Исследования советских историков¹²⁸ и весь ход развития исторических событий в России и на ее колониальных окраинах свидетельствуют о полном несоответствии суждений буржуазных историографов правде истории, которая состоит в том, что в ходе восстания 1916 г. трудящиеся массы убеждались в необходимости совместной с русским рабочим классом и крестьянством борьбы против социального и ко-

¹²⁶ Ibid, pp. 13, 21, 33, 40—41, 73, 106—146, 181 etc.

¹²⁷ I v a g S p e c t o r. The Soviet Union and the Muslim World, 1917—1958. Seattle, p. 31; J. Krader. Peoples of Central Asia, p. 108.

¹²⁸ Х. Турсун ОВ. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Алма-Ата, 1962; «История Казахской ССР», т. 1. гл. XXIII; Алма-Ата, 1967. А. Б. Турсунбаев, Казахский аул а трех революциях. Алма-Ата, 1967.

лониального гнета. Это наглядно и неопровержимо доказал опыт Великой Октябрьской социалистической революции.

В отдельных трудах англо-американских авторов содержатся сведения, свидетельствующие об их знакомстве с литературой по истории национальных движений в Казахстане. Но случайные, отрывочные факты искажают понимание действительных причин развития национально-освободительного движения казахского народа, его характера и движущих сил, связи с революционным движением в России, в особенности после выхода на историческую арену русского рабочего класса.

Они явно политически тенденциозны, написаны с позиций буржуазной методологии. Политической подоплекой построений буржуазной историографии является попытка противопоставить друг другу общественные силы по национальной, а не классовой линии, стремление провозгласить враждебность всего «мусульманского» всему русскому, попытка «обосновать» отсутствие объективных предпосылок для революционного союза русского рабочего класса и крестьянства с казахскими трудящимися. Политический смысл буржуазной исторической литературы состоит в том, чтобы отрицать саму возможность слияния национально-освободительного движения пролетарским движением русского рабочего класса.

Тщетность таких вождений, направленных на отрицание истоков дружественных отношений между народами нашей страны, их трудовых, экономических и культурных связей в прошлом, их совместной освободительной и революционной борьбы против социального и национального гнета, очевидна. Концепции историков США и Англии, видящих в отношении между советскими народами несуществующие «конфликты и противоборство», «борьбу ислама с христианством», «леса — со степью» и тому подобные мифы, опровергаются самой историей русско-казахских отношений.

Еще в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс заявили: «История всех до сих пор существовавших обществ (имеются в виду классово-антагонистические общества.— К. Е.) была историей борьбы классов»¹²⁹. Не было исключением и казахское общество.

Несмотря на реакционную политику царизма и казахских феодалов, насаждавших и разжигавших национальную рознь, натравливавших русских крестьян на казахов и на-

¹²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 424.

оборот, исторические связи между двумя народами, основанные на общности исторических судеб и совместной борьбе против общего врага, с каждым годом все крепли, так как русские и казахские трудящиеся являлись жертвами одного и того же эксплуататорского строя. Присоединение к России влекло за собой крупные изменения во всей общественно-экономической и культурной жизни Казахстана.

Первая русская буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. наглядно показала созревание социальных сил внутри казахского общества, способных воспринять идеи революционной России. Проникновение марксистских идей в Казахстане, хозяйственное и культурное общение казахских и русских крестьян имели громадное значение для пробуждения классового самосознания трудящихся, вовлечения их в орбиту общероссийского освободительного движения. Трудящиеся Казахстана все теснее сближались с русским рабочим классом, усиливали борьбу против общего врага — российского империализма и местных угнетателей. Проявлением резкого обострения классовых противоречий и назревавшего в России революционного кризиса была национально-освободительная борьба народов Средней Азии и Казахстана в 1916 г., которая сливалась с общей революционной борьбой русского народа против царского Самодержавия, капитализма и империалистической войны.

По мере приближения социалистической революции, в ходе классовой борьбы трудящихся масс против русских и местных эксплуататоров, на почве общности классовых интересов происходило дальнейшее сближение казахских ша*руа и формирующегося молодого отряда рабочих-казахов с русским пролетариатом и трудовым крестьянством, усиливался их отход от «своей» национальной буржуазии, пытавшейся играть роль защитника «общенациональных» интересов. Именно эта непоколебимая убежденность трудящихся-казахов, выработанная на историческом опыте многих национально-освободительных, революционных выступлений, что мир, хлеб, землю и подлинную свободу они могут завоевать только в союзе со своими братьями по классу — русскими рабочими и трудовыми крестьянами, привела казахский народ к самому тесному, совместному выступлению с русским пролетариатом в октябре 1917 г.¹³⁰.

¹³⁰ См.: «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане». Ташкент, 1967, стр. 57—344.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЗАХСТАНА В XIX—НАЧАЛЕ XX ВВ. И ВЗГЛЯДЫ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ БУРЖУАЗНЫХ ИСТОРИКОВ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ТЕРРИТОРИИ, РАССЕЛЕНИИ И ХОЗЯЙСТВЕ КАЗАХОВ

Труды многих дореволюционныхангло-американских авторов содержат лишь косвенные, поверхностные историко-этнографические сведения о казахах. К их числу относятся книги Г. Т. Вигне «Рассказ о путешествии по Газни, Кабулу и Афганистану»), Р. Е. Смита («Статьи и заметки о Средней Азии и России»), Б. Тэйлора («Путешествие по Кашмиру, Малому Тибету и Средней Азии), статьи американских дипломатов, промышленников, миссионеров и других лиц, написанная на основе беглых путевых впечатлений, по Транссибирской железной дороге. Более полное, но тем не менее все же весьма поверхностное описание образа жизни казахов, их одежды и жилища, обычаев и нравов, природно-климатических условий степных областей имеется в трудах В. Е. Кэртиса («Туркестан — сердце Азии»), Т. В. Нок-

¹ G. T. V i g n e. A personal narrative of a visit to Ghuzni, Kabul and Afghanistan, and a residence at the court of Dost Mohamed: with notices of Runjit Sing, Khiva and the Russian expedition. London, 1840; P. W. F. W. S m y t h e. Articles and notes upon Central Asia and Russia.—<A selection from writings of Viscount Strangford on political, geographical and social subjects*, vols. 1—2, vol. 2, London, 1869; «Centra! Asia; travels in Kashmire, Little Thibet and Central Asia. Compiled and arranged by Bayard Taylor. New York, 1893, pp. 7—18; John L. Dearing. Over the Trans-Siberian.—«World Today», 1910, XIX, pp. П99—1206; S. M. William. The California.—«Monthly Magazine*. 1902, XXVI, pp. 753—764; George Frederic Wright. Western Siberia and Turkistan.—«Chautaugau*. 1903. XXXVII, pp. 253—269; «Russia's Civilizing work in Asia*.—«Review of Reviews*, 1904, XXIX, pp. 427—432; J a m e s W. D a v i d s o n. The Great Siberian Railway from recent personal investigation. «Century*. 1903—1904, LXVII, pp. 940—950; Henry C. Rouse. The Trans-Siberian Railway.—«Journal of the Military Service Institution of the United States*, 1904, XXXIV, . pp. 503—508

са («По суше через Азию»), Т. Д. Форсайта, Джорджа Хендерсона, А. И. Хьюма («Из Лахора в Яркенд»), Д. Каррутерса («Неведомая Монголия») и некоторых других².

В целом в англо-американской литературе не было ясно-го представления о расселении и родоплеменном составе казахов и их хозяйстве. Казахи продолжали фигурировать в качестве «тюркских племен», «татар», кочевников, «бесцельно бродящих» по огромной территории и даже «грабящих дараваны и совершающих опустошительные набеги»³.

Так, например, Александр Берне, посетивший казахские земли в 30-х годах XIX в. писал: «Дешт-и-Кипчак... есть плоская однообразная страна, не имеющая оседлых жителей: путешественники перед вступлением на нее запасаются всеми жизненными потребностями, ибо в ней нет ни фуража, ни топлива, ни воды. По ней блуждают киргизы и кайсаки (даже разделил.— К. Е.) со своими стадами и ищут пастбища»⁴. Такого рода с позволения сказать «обобщения» кочевали из книги в книгу.

Многие публикации англо-американских историков и в послеоктябрьский период носили печать не только прямого незнания жизни и быта казахов, но главное — отражали реакционные, порою откровенно расистские взгляды авторов.

В книге М. Э. Чаплика «Тюрки Средней Азии в прошлом и в настоящее время» есть отдельные заслуживающие внимания наблюдения, вместе с тем она содержит много искажений в определении причин образования казахских жузов, коренных вопросов древней и средневековой истории казахов и особенно характера так называемого «пантюркнетского» движения⁵.

В книгах «Народы Средней Азии» и «Социальная организация монголо-тюркских пастушеских кочевников» совре-

² W. E. Curtis. *Turkistan. The Heart of Asia*. London, 1911; Thomas W. Knox. *Overland through Asia* Harford, 1870; «From Lahore to Yarkand. Incidents of the route and natural history of the countries traversed by the Expedition of 1870 under T. D. Forsyth*, by George Henderson and Allon O'hume. London, 1873, pp. 91, 102; Douglas Carruthers. *Unknown Mongolia. A record of travel and expedition in North-West Mongolia and Dzungaria*. Vols. I, II. London, 1913, pp. 351—374.

³ СМ. Shaw Robert. *Visits to high Tartary*, p. 31; «A. Q u a r Forbes. *The Empire and cities of Asia*». London, pp. 287—289; Fr. Skrine. *The Expansion of Russia, 1815—1900*. Cambridge, 1904, p. 120.

* Александр Берне. Укал, соч., ч. 3, стр. 555.

⁵ М. А. Czappicka. *The Turks of Central Asia in history and the present day*, pp. 39—40.

менный американский этнограф и историк Л. Я. Крадер сделал попытку дать характеристику расселения и районов кочевания казахов в XIX—начале XX вв. Он например, сообщает, что «Старшая орда... кочевала в районе Джетысу, в полупустыне и пустыне между озерами Балхаш и Иссык-Куль, фактически находящимися рядом с местом их раннего поселения, Средняя орда кочевала в Центральном Казахстане и севернее озера Балхаш до южных окраин Сибири, лесостепи, Малая орда кочевала к западу от Средней орды, к северу и западу от Аральского моря вплоть до Каспия и Урала»⁶. Л. Крадер информирует читателя и о численности населения в начале XIX в.: Старший жуз— 110 тыс. киби-ток (или 660 тыс. человек), Букеевская орда — 7 тыс. киби-ток (28—30 тыс. человек)⁷. Эти сведения (заимствованные из трудов Н. А. Аристова, Ю. Южакова, А. В. Радлова) весьма приблизительны⁸.

Относительно большее внимание зарубежных авторов привлекли вопросы кочевого скотоводства казахов. Так, английский агент Д. Аббот, побывавший в 40-х годах прошлого столетия среди казахов рода адай на Мангышлаке, в своем «Отчете о путешествии из Герата в Хиву, Москву и Санкт-Петербург в период последнего русского вторжения в Хиву», подробно описал сезонное кочевание адаевцев. При этом Аббот заметил, что это кочевание вызвано необходимостью наиболее рационального использования пастбищ и водных источников: «Летом они кочуют к горным долинам... по приближении зимы они опускаются к защищенным местам, по-прежнему руководствуясь наличием водных источников... Когда наступает зима, они себя не связывают такими соображениями, так как снег обеспечивает достаточной водой. Весной они пасут овец и рогатый скот на соседних холмах»⁹.

Известный интерес представляют наблюдения английского путешественника Т. У. Аткинсона. По его данным в середине XIX в. казахи, жившие в западной части степи, «переселялись летом на открытые пространства, а к зиме перекочевывали к берегам озер и в горные долины; другие

⁶ Lawrence Krader. Peoples of Central Asia, p. 65; Lawrence Krader. Social organizations of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads, p. 200.

^{*} Ibid, pp. 191, 233—234, 237.

⁸ См.: Е. В. БсКМ ах ап ОВ. Присоединение Казахстана к России, стр. 25—26.

⁹ James Abbott. Narrative of a journey from Ilcraul to Khiva, vol. 2, pp. XIV, XV.

же, жившие восточнее, придерживались обратного порядка, выгоняя свои стада на лето в долины... где находили изобилие воды и защиту скота от мошек»¹⁰.

Англичанин Г. Вуд, живший среди приаральских казахов, в записках «Берега Аральского озера» также оставил описание кочевков: «Весной и летом киргизы с восточного побережья Каспия и Арала двигаются на север, к Тургаю и Тоболу. С наступлением зимы возвращаются на юг, где широкие камышовые долины служат прикрытием от суровых зимних ветров»¹¹.

Система сезонного кочевания привлекла также внимание американца Я. А. Мак-Гахана. Он отметил традиционность кочевых маршрутов, кратковременность стоянок (не более трех дней) на одном месте и дальность кочевого пути в Дзыл-Кумах. Однако передвижения казахов-кочевников Я. А. Мак-Гахан объясняет только испокон веков установившимися традициями и обычаями, не прослеживая породивших их причин¹².

Подобные же описания кочевого образа жизни казахов додержатся также в трудах С. Хиля («Путешествие по Сибири»), Е. Кемпа («Облик Маньчжурии», Кореи, русского Туркестана»), В. В. Аллена («Азия»), ограничившихся констатацией отдельных сторон кочевого хозяйства¹³.

В 1880 г. побывал в Семиречье Е. Д. Морган, выяснявший здесь возможности торговли и состояние хозяйства. Он писал, что казахи здесь ведут полукочевой образ жизни, а оседлая часть населения, сосредоточена на юге¹⁴. Но и эта работа ничего нового в науку не внесла.

Одной из первых попыток выявить общие черты, характерные не для отдельных районов, а для всей пастбищно-кочевой системы хозяйства казахов, предпринятых в англо-американской исторической литературе, можно считать

¹⁰ «Путешествие по Сибири и прилегающим к ней странам Центральной Азии по описанию Т. У. Аткинсона, А. И. Фон-Миддендорфа, Ф. Радде и др.» Составители: А. Фон-Этцель и Г. Вагнер. Пер. с нем. Н. Деппиша. СПб, 1865, стр. 296.

¹¹ Herbert Wood. The shores of lake Aral. London, 1876, p. 48.

¹² Я. А. Мак-Гахан. Военные действия на Оксусе и падение Хивы. Пер. с англ. М., 1875, стр. 41—42.

¹³ S. S. Hill. Travels in Siberia. 2 vols. L., 1854, vol. 1, pp. 193—194; E. G. Kemp. The face of Manchuria, Korea, Russian Turkistan. London, 1910, p. 165; Nellie B. Allen. Asia. Boston, 1916, pp. 157, 160, 179—189.

¹⁴ E. Delmar Morgan. A journey through Semiretchia to Kuldia in 1880. «Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly record of geography», vol. III, 1881, pp. 150—151.

книгу сотрудника Иельского университета А. Гудсона «Социальная структура казахов»¹⁵. Ее появлению способствовали материалы, собранные автором в Казахстане; где он находился в июле-октябре 1936 г. Информация о кочевом скотоводстве, имущественном неравенстве у казахов дореволюционного периода была получена, по словам самого автора, в беседах с тогдашним заместителем председателя Казахского филиала Академии наук ССР С. Асфендиаровым, акыном Умирзаком Каргабаевым, студентом Казахского пединститута Н. Тленшиевым. В интерпретации же собранных Гудсоном материалов «ему оказали помощь» уже известные читателям Г. Вернадский, Е. Бэкон и другие идеологические «наставники». Круг вопросов, затронутых в книге, довольно широк: природа казахских родовых групп, сезонные кочевания, право наследования, семья и брак, имущественная дифференциация, административное устройство. Книге предпослан краткий обзор истории казахов.

Гудсон отмечает, в частности, три цикла, связанные с летовкой (джайляу), осенним пастбищем (кузеу) и зимовкой (кстау)¹⁶. При этом упускается из виду перегон скота на близлежащие весенние пастбища (коктеу). Бросается в глаза, что приведенные им же сведения из трудов некоторых исследователей (В. Дингельштедта, В. В. Радлова, С. И. Руденко, Р. Каруца) противоречат авторскому выводу о трехсезонном кочевании казахов¹⁷.

Спустя три десятилетия американские историки пошли несколько дальше. Так, Е. Бэкон писала уже об экономической обусловленности регулярных сезонных кочеваний казахов, зависимости выбора места стоянок от ландшафта, характера растительности, преобладающей на данном массиве пастбищ, метеорологических условий и других факторов. Не раз упоминавшийся нами Р. Пирс отметил, что казахи тщательно выбирали местность для кочевков, особенно зимовок.

¹⁵ Alfred Hudson. Kazakh social structure...

¹⁶ Ibid, p. 25.

¹⁷ См.: V. Dingelstedt. Le Droit coutumier des Kirghiz d'apres le d'ude enterprise sous les auspices du gouvernement russe.— «Revue generate du droit, de la legilation et de la jurisprudence en France et a Гётгангер», vol. 14, 1890, p. 147; V. V. Radlov. Aus Sibirien (2-nd edition), 2 vols. Leipzig, 1893, vol. 1, S. 5, 513; С. И. Руденко. Очерк быта северо-восточных казахов. «Материалы комиссии экспедиционных исследований Академик наук». Л., 1930, стр. 4; R. Karutz. Unter Kirgisen und Turkmenen. Leipzig, 1911, S. 49.

Однако в публикациях Е. Бэкон, Р. Пирса и других авторов нет ясного представления об особенностях естественных пастбищ Казахстана, их пригодности и доступности к использованию большей частью лишь в определенный период. Утверждение о «целесообразности использования» определенных массивов в определенный сезон года, которое мы находим в статье И. Виннер «Некоторые проблемы кочевой и социальной организации недавно осевших казахов»¹⁸, не подкреплено какими-либо фактами, ничего не говорит о значении географических и почвенно-климатических факторов в жизни казахов в прошлом.

В 50—60-х годах под влиянием трудов советских ученых несколько поднялся уровень сведений о казахском хозяйстве и его специфике. Так, в статье «Сезонное кочевание», опубликованной в «Среднеазиатском обозрении» в 1956 г. и написанной на основе трудов М. П. Вяткина и других советских ученых, описаны основные типы кочевков (меридиональное, вертикальное и круговое), районы весенне-осенних, летних и зимних пастбищ, длительность отдельных хозяйственных сезонов, дальность кочевого пути¹⁹.

Труды Т. Аткинсона, Я. А. Мак-Гахана, Е. Бэкон и других содержат также отдельные сведения об экстенсивном характере пастбищно-кочевой системы хозяйства казахов. Е. Бэкон, в частности, пишет о содержании скота в ряде районов круглый год на подножном корму, о последовательности пастьбы разных видов скота во время «тебеневки»²⁰. Р. Пирс заимствовал из советской литературы сведения о выгоде разведения в Казахстане овец²¹. И. Виннер подчеркнула, что в прошлом у казахов «больше всего ценилась лошадь, которая давала молоко, мясо и служила транспортным средством»²².

О месте верблюдоводства в хозяйстве англо-американские источники толкуют различно. Встречаются утверждения о второстепенном его значении. «По причине довольно холодного климата, киргизы держат этих животных (верблюдов) сравнительно в небольшом числе, а в зимнее время,

¹⁸ Irene Winner. Some problems of Nomadism and social organization among recently settled Kazakhs.— «Central Asian Review», vol. XI, N. 3, 1963, p. 247.

¹⁹ «Seasonal nomadism».— «Central Asian Review», vol. IV, N. 3, 1956, pp. 226—230.

²⁰ Elizabeth E. Bacon. Central Asians under Russian rule, p. 31.

²¹ Richard A. Pierce. Russian Central Asia. pp. 157—158.

²² Irene Winner. Some problems of nomadism, p. 247.

для предохранения от слишком сильной стужи или непогоды, устраивают для них особые убежища, прилаживая для этого между юртами нечто вроде палаток, или же просто укутывают их попонами»²³. По сведениям Е. Бэкон, «даже богатые семьи содержали не более 50 верблюдов»²⁴. В других работах, напротив, говорится, что казахи обладали «множеством верблюдов».

Такое противоречие объясняется тем, что данные относились к различным хозяйственно-географическим зонам обширной территории Казахстана. Так, Г. Вуд считал, что казахам нижней Сырдарьи в 70-х годах XIX в. принадлежало около 100 тыс. верблюдов, 200 тыс. лошадей и 3 млн. баранов²⁵. Е. Бэкон же распространила эти данные на всю территорию Казахстана. В то же время в основном верно ее замечание о том, что «крупный рогатый скот до конца XVIII в. был редким, но его численность постоянно увеличивалась в течение всего XIX в. на соседних с русскими поселениями землях»²⁶.

В англо-американской литературе приводятся сведения о джутах (гололедицах), имевших место в течение всего XIX в. и являвшихся страшным бедствием для кочевников-овцеводов. Вот как описывал джут Ф. Барнаби: «Иногда слабые животные погибают тысячами... Это возникает в результате частых снежных буранов, когда термометр падает до 40—50 градусов ниже нуля, но во многих случаях от незначительной оттепели хотя бы в течение нескольких часов. Этого достаточно для разрушения целого аула. Земля покрывается твердым слоем льда, и лошади просто умирают от голода»²⁷.

Английский миссионер Лансдель в книге «Русская Средняя Азия» сообщает, что в результате бурана в январе 1827 г. в Среднем жузе погибло 10 500 верблюдов, 280 000 лошадей, 30 000 голов крупного рогатого скота и 120 тыс. овец²⁸. Т. Аткинсон — свидетель джута зимой 1849 г. — писал, что казахи, жившие в районе озера Балхаш, лишились не менее 70 тыс. овец²⁹. Р. Пирс, следуя официальным источникам, сообщает, что зимой 1879/80 г. почти половина

²³ «Путешествие по Сибири...», стр. 300.

²⁴ Elizabeth E. Bacon. Central Asians under Russian rule, p. 30.

²⁵ Herbert Wood. The shores of lake Aral, p. 71.

²⁶ Elizabeth E. Bacon. Central Asians under Russian rule, p. 31.

²⁷ Fred Burnaby. A ride to Khiva..., pp. 148—149.

²⁸ Henry Lansdell. Russian Central Asia, vol. I, p. 319.

²⁹ «Путешествие по Сибири...», стр. 456.

скота, имевшегося в Тургайской области, погибла в результате джута и буранов. В 1891—1892 гг. в этой же области было потеряно 47% лошадей, 32% крупного рогатого скота, овец и коз, 20% верблюдов³⁰. «Среднеазиатское обозрение» заимствовало из советских изданий данные о том, что зимой 1912/13 г. семиреченские казахи лишились более 100 тыс голов крупного рогатого скота и около миллиона овец и коз³¹. Е. Бэкон сообщает, что в течение XIX в. джуты повторялись на территории Казахстана 20 раз³².

Правильно подмечая экстенсивный характер казахского хозяйства, буржуазные авторы, однако, игнорируют многовековой народный опыт скотоводства. Так, Л. Крадер дошел до утверждения, что «скотоводы и скот являются паразитами трав и вод своих владений, так как предпринимают мало усилий для их улучшения»³³. Такие утверждения, разумеется, не имеют ничего общего с правдой. Многовековой опыт подсказал казахам кочевые сезонные маршруты, обеспечивавшие восстановление экологической среды³⁴. Добавим к этому, что в тех социальных, экономических и политических условиях казахи не могли коренным образом изменить тип своего хозяйства.

Характер кочевого скотоводства казахов привлек внимание и Д. Уилера. Он писал, что «казахское хозяйство явилось исключительно устойчивым», ссылаясь на труды экономистов Казахстана. А видит причину этого, во-первых, в том, что казахи использовали колесную телегу и ограничивали свое стадо лошадьми, верблюдами, овцами и козами, отказавшись от разведения крупного рогатого скота, а также в том, что они обладали огромным кочевым пространством.

³⁰ Richard A. Pierce. Russian Central Asia, pp. 154—155, 158.

³¹ «Central Asian Review», vol. VII, N. 3, 1959, p. 222.

³² Elizabeth E. Bacon. Central Asians' under Russian rule, p. 31.

³³ Lawrence Krader. Social Organization of the Mongol—Turkic pastoral nomads, p. 317.

³⁴ См.: С. Е. Толыбеков. Вопросы экономики и организации кочевого скотоводческого хозяйства казахов в конце XIX в. и начале XX веков.—«Труды Института экономики АН КазССР», т. II. Алма-Ата. 1957, стр. 3—91; Б. Сулейменов. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX—начала XX в. (1867—1907 гг.). Алма-Ата. 1963, стр. 59; Х. Аррымбаев. Казактын мал шаруашылыгы жайында этнографиялык очерк. Алкаш, 1969; Е. Е. Тажибаев. Изменения в хозяйстве казахов в 20—60-х годах XIX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. Алма-Ата, 1969, стр. 10—11.

вом³⁵. О. Кэроу «устойчивость кочевого образа жизни казахов» объясняет только природными условиями, совершенно игнорируя уровень производительных сил общества и характер общественных отношений, сдерживавших социально-экономический прогресс и отмеченных советскими учеными.

Очевидно, Дж. Уилером, как и многими его коллегами, руководили не научные устремления, а политические мотивы. В своей статье «Некоторые проблемы нomaдизма и социальной организации недавно осевших казахов» И. В-иннер делает попытку «доказать» ошибочность политики Советской власти, направленной на перевод казахов на оседлый образ жизни, «неизменность», «устойчивость», «целесообразность» для казахов кочевой жизни и «невозможность» ее изменения. В основе этой антинаучной концепции лежит идеализация прошлого, продиктованная стремлением ума-лить международное значение опыта перехода кочевых на-родов СССР к оседлости в годы Советской власти. Более того, в «трудах» некоторых дореволюционных и преоблада-ющей части современных англо-американских авторов ко-чевники, в том числе и казахи, рассматриваются как «вра-ги» оседлости и земледельческих народов³⁶.

Некоторые англо-американские историки сообщают све-дения о земледелии среди казахов в XIX в. Так, М. Раев в книге «Сибирь и реформы 1822 года» утверждает, что все попытки царского правительства (как будто такие попытки имели место.— К. Е.) заставить казахов заняться земледе-лием и перейти на оседлый образ жизни в конце XVIII— начале XIX в. потерпели полный провал. Несмотря на эти стимулы (несуществовавшие на деле.— К. Е.) —писал М. Раев,— казахи «находили более полезным продолжение скотоводческой экономики, продукция которой пользова-лась большим спросом как в Средней Азии, так и в Запад-ной Сибири»³⁷. Иностранцы путешественники, посещавшие Казахстан в 30-х годах прошлого столетия, уже вынуждены были отметить повышение роли земледелия в экономике. Так, А. Берне указал, что «берега Аральского моря

³⁵ Geoffrey Wheeler. The Modern History of Soviet Central Asia, p. 36.

³⁶ См.: И. Я-Златкин, А. Тойнби. Об историческом прошлом и современном положении кочевых народов.—«Вопросы истории», 1971, №2, стр. 88—102.

³⁷ Mark Raeff. Siberia and the reforms of 1822. Seattle, 1956, pp. 27, 67, 106.

заселены кочующими племенами, возделывающими в большом количестве пшеницу и другой хлеб, который вместе с рыбою, ловимою в большом обилии, составляет их главную пищу»³⁸. Т. Виннер также упоминает о полуоседлых казаках, занимавшихся земледелием, В летнее время, утверждает он, «они отдавали пасти свой скот соплеменникам, а за это с ними делились урожаем»³⁹.

Е. Бэкон пишет, что группа семейств нередко оставляла одну или две обедневшие семьи присматривать за посевами, а сама откочевывала на летние пастбища. Однако автор не сообщает, — кто откочевывал и как происходило распределение дохода при подобной «кооперации».

В книге Г. Лансделя «Русская Средняя Азия» содержатся отдельные данные о степени распространенности земледелия и его продуктивности у оседлого и кочевого населения Э Семипалатинской и Семиреченской областях в последней трети XIX в. Так, по его данным, в 1881 году в Семипалатинской области было посеяно и собрано урожая (в четвертях. Четверть — 12,7 кг):

Такие же сведения приведены и по Семиреченской области⁴⁰.

ПОСЕВ

Население	Рожь	Пшеница	Овес	Ячмень	Гречиха	Др. зерновых (в основном просо)	Картофель
Оседлое	816	6796	3397	359	4	432	3259
Кочевое	—	4945	2021	799	—	902	—

СОБРАН УРОЖАЙ

Население	Рожь	Пшеница	Овес	Ячмень	Гречиха	Др. зерновых (в основном просо)	Картофель
Оседлое	2754	13121	12269	1927	2	1455	21844
Кочевое	—	17055	10245	3777	—	8997	—

³⁸ А. Бернс. Указ. соч., ч. 3, стр. 272.

³⁹ Thomas Winner. The Oral art., p. 5.

⁴⁰ Henry Lansdell. Russian Central Asia, vol. 1, pp. 99, 165.

К данным Лансделя нужно отнестись строго критически, так как источники сообщают другие цифры. И предложенная им классификация населения по характеру хозяйственной деятельности неприемлема, ибо полуоседлая группа ртнесена в разряд кочевников. Явно не прав автор и в своем утверждении, что животноводство составляло «главное средство существования не только кочевников... но и определенной части оседлого населения Семипалатинской и Семиреченской областей». Данные о численности скота, принадлежавшего оседлой и кочевой группам населения указанных областей, приведенные Г. Лансделе-м, опровергают это утверждение⁴¹.

Земледелие, как известно, было более развито в южных районах Казахстана. Это нашло отражение в книге корреспондента английской газеты «Тайме» С. Грэхэма, посетившего Семиречье летом 1914 г., «По русской Средней Азии». Здесь указывается, что в Семиречье выращивали пшеницу, овес, просо, горох, картофель, мак, подсолнечник, кукурузу, горчицу, коноплю, гречиху, и сообщаются цены на эти культуры. Грэхэм явно идеализирует состояние хозяйства в дореволюционном Семиречье. Это видно из его вывода: «Ныне Туркестан и Русская Средняя Азия являются исключительно лояльными, миролюбивыми, и счастливыми русскими колониями»⁴².

Оседание части казахов и- переход их к земледелию освещались и другими английскими и американскими историками. Для них характерен односторонний подход, сведения всех причин роста посевов исключительно к колониальной политике царизма. Т. Виннер пишет, что «в результате земельной политики и осуществления программы колонизации к 1895 г. в Семипалатинском уезде вели чисто кочевой образ жизни только 37,7% всех хозяйств, а к 1908 г. в Чимкентском—16,6% всего населения». А далее утверждается, что казахи «рассматривали земледельческое занятие как неизбежное зло и стремились покинуть его сразу же после приобретения скота, достаточного для поддержания существования». О том же говорит и И. Виннер: «Хотя росла роль земледелия после русского завоевания, оно оставалось занятием без престижа и уделом обедневших кочевников»⁴³.

« Ibid, vol. 1, pp. 52, 101, 106. »

⁴² Stephen Graham. Through Russian Central Asia. L., 1916, pp. 66. 149.

⁴³ Thomas Winner. The Oral art., p. 19; Irene Winner. Some problems of nomadism, p. 247.

Все это, с одной стороны, свидетельствует о незнании авторами действительного положения вещей, а с другой стороны, говорит о желании авторов сознательно исказить историю народа, изобразить его как «вечного номада», находящегося вне истории. Консервативная роль патриархально-феодальных и родовых институтов такими авторами игнорируется.

Т. Виннер и И. Виннер не учитывали специфики кочевого скотоводства, долгое время являвшегося основной отраслью хозяйства казахов, соотношения у них кочевого и оседлого хозяйства⁴⁴. А без учета этих факторов нельзя правильно объяснить отношение казахов к оседлости и земледелию.

В 1969 г. в «Среднеазиатском обозрении» была помещена статья «Оседание кочевников». Единственными факторами, предопределявшими переход части казахов к оседлому образу жизни, ее автор считает близость казахских земель к России и сокращения пастбищных угодий, в результате чего в 1909—1910 гг. оседание кочевников достигло в некоторых уездах 70% всех хозяйств, а в целом, по мнению автора, к 1917 г. 75,5% казахского населения все еще вело кочевую жизнь. И в этой статье подмечено изменение состава скота у оседлого населения, в частности рост поголовья крупного рогатого скота⁴⁵.

Е. Бэкон, отмечая факт оседания, сообщает о сокращении числа лошадей у оседлых жителей казахских степей, изменениях в экономической жизни казахов под влиянием не только русских переселенцев, но и уйгуров, дунган и земледельческих народов Средней Азии. Однако эти и другие сообщения Е. Бэкон (освоение казахами сенокосения, строительство жилищ, укрытий для скота) не подкреплены конкретными данными.

Нескотоводческие отрасли хозяйства казахов в публикациях английских и американских авторов нашли весьма слабое отражение. Так, Э. Н. Фелл в книге «Рассказы о русских и кочевниках киргизских степей», говорит вскользь

⁴⁴ См.: Н. Я. Коншин. К вопросу о переводе киргиз Семипалатинской области в оседлое состояние. «Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 г.». Семипалатинск, 1898, стр. 16; И. Завалишин. Сибирско-киргизская степь. Описание Западной Сибири, т. III. М., 1867, стр. 106; Г. И. Семенов. Земледелие казахов в XVIII—начале XIX вв.—«История», вып. 8. Алма-Ата, 1968, стр. 98—112.

⁴⁵ ^Stabilization of the nomads. The period of transition*.—«Central Asian Review», vol. VII, N. 3, 1959, pp. 221—222.

о звероловстве у казахов, Т. Аткинсон и Х. Сетон-Уотсон привели некоторые сведения о рыболовстве. Е. Бэкон информирует читателя о ремеслах у казахов: кожевенном производстве, изготовлении пороха, красок, о резьбе по дереву и кости, обработке металла и шерсти, ювелирном деле. «Среднеазиатское обозрение» отмечает особую искусность казахов в изготовлении войлока, но относит развитие ремесла только к началу XIX в.⁴⁶.

Особый интерес иностранцев вызывали торговые пути, внутренняя и внешняя торговля. Уже известный нам А. Берне писал: «Торговля из России в Бухару совершается четырьмя великими путями. Первый идет из Астрахани и переходит за Каспийское море, где товары выгружают в Мангышлаке; потом он следует на Хиву, а оттуда в Бухару... Второй путь начинается в Оренбурге, проходит между Каспийским и Аральским морями в Хиву и Бухару... Третий, начинаясь в Троицке, идет через Дешт-и-Кипчак, или Кипчакскую степь по восточной стороне Аральского моря, через Сырдарью недалеко от ее устья и достигает Бухары... Четвертый путь начинается в Каззаль-Джаре (Кызыл-Жар.—К. Е.) или Петропавловске...»⁴⁷.

Англичанин Г. Т. Вигне уделил внимание караванной торговле и степени распространения товарно-денежных отношений у казахов. Он писал, что в первой четверти XIX в. важным источником денежного дохода казахов служили сдача верблюдов в наем и сопровождение караванов⁴⁸.

Ч. Котрель, посетивший северные и восточные районы Казахстана в 40-х годах XIX в., в книге «Впечатления о Сибири» отметил значительный объем торговли России с Монголией, Тибетом и Китаем через казахские степи. Описывая Омск как центр торговли с казахами, Котрель отметил стремление царизма с помощью торговли окончательно подчинить их себе⁴⁹. В середине XIX в., утверждает Аткинсон, каждый султан или старшина имел своего «купца» (приказчика) для ведения торговых операций.

⁴⁶ Elizabeth E. Bacon. *Central Asians under Russian rule*, pp. 95, 97; Edward Nelson Fell. *Russia and Nomad. Tales of the Kirghiz steppes*. New York, 1916, p. 196; H. Seton-Watson. *The Russian Empire*, p. 655; «Central Asian Review», 1957, vol. V. N. 1, pp. 12—13.

⁴⁷ А. Берне. Указ. соч., т. 4, стр. 554—555.

⁴⁸ G. T. Vigne. *A personal narrative of a visit to Ghuzni*, p. 443.

⁴⁹ Ch. Cottrell. *Recollections of Siberia in the years 1840 and 1841*, pp. 158, 164.

Во второй половине XIX в. за рубежом появилось несколько «докладов» о состоянии торговли в Средней Азии, подготовленных английскими колониальными чиновниками. Не случайно, член английского парламента В. Эварт в своем выступлении в палате общин 23 марта 1858 г., призывая к расширению торговли со всеми азиатскими странами, напоминал о том, что англичане «завоевали Индию... не только с помощью оружия и искусства, войны и дипломатии...».

Данные о торговле казахов, о главных ее пунктах и направлениях в 60—80 гг. XIX в. приведены в книгах Е. Скайлера, Г. Лансделя. Первый из них, ссылаясь на статистические данные царских колониальных властей, сообщил, что в 1869 г. на меновых дворах в Оренбурге и Троицке было продано скота разных видов на 1,5 млн. рублей. В Петропавловске объем торговли скотом за 1856—1865 гг. превысило 2,5 млн. рублей в год, торговли кожами и шкурами—400 тыс. руб. Автор сообщает, что в 1869 г. из казахской степи через Аулие-Ату (Джамбул) было отправлено в Наманган более 300 тыс. овец. По его сведениям, на ярмарках Акмолинской и Семипалатинской областей казахи продавали скот и продукцию скотоводства (кожи, шкуры, шерсть и т. д.), европейские купцы—халаты, стеганые одеяла, шелковые и хлопчатобумажные изделия, шорные изделия, сушеные фрукты. Торговый оборот Константиновской, Тайнинской и Петровской ярмарок в Акмолинской области в 1879 г. составил 357 139 долларов, а 10 главных ярмарок Семипалатинской области (в 1880 г.)—245 082 доллара (по тогдашнему курсу)⁵⁰. Е. Д. Морган в статье «Путешествие через Семиречье в Кульджу», М. Прайс в книге «Сибирь» описали торговые центры в степи. М. Прайс побывал в Петропавловске, откуда, по его словам, ежегодно в Европейскую Россию отправлялось около 30 тыс. тонн мяса⁵¹.

Книга американского публициста Джорджа Кеннана «Сибирь и ссылка» содержит сведения о малоизвестной статье торговли жителей восточных районов Казахстана. В Катон-Карагае Кеннан увидел у местных крестьян мара-

⁵⁰ R. H. Davies. Report on the trade of Central Asia. London, 1864; Anonymous. Report on the trade and resources of the countries on the N. W. Boundary of British India. Lahore, 1862; ^Settlement in India and trade with Central Asia*. Speech of W. Ewart. Esq., M. P. in the house of commons. March 23. 1858. London, 1858, p. 17; Eugene Schuyler. Turkistan, vol. I, p. Henry Lansdell. Russian Central Asia, vol. 1, pp. 54, 105, 106.

⁵¹ M. P. Price. Siberia, London, 1910, p. 241.

лов, разведение которых они сочетали с земледелием. «Рога марала,— пишет автор,—...ценятся очень высоко... иной раз больше-четыре-х долларов за фунт»⁵².

О торговле в Казахстане рассказывает О. Ф. Ванс-Агню, жившая некоторое время в районе Спасских рудников. В ее статье «Английская семья в казахской степи» говорится, что на ярмарку в Коянды приезжали торговцы из самых разных уголков Средней Азии и России⁵³. Отдельные данные о вывозе лошадей и животноводческого сырья из казахских степей в Россию приведены в книге Р. Пирса «Русская Средняя Азия»⁵⁴.

Таким образом, английскими и американскими авторами собраны значительные сведения о развитии торговли в казахской степи в XIX — начале XX в. Видимо, авторов интересовали основные центры и направления торговли, главные статьи импорта и экспорта, которые нужны были для определения емкости казахской степи как рынка сбыта/что обуславливалось колониальными устремлениями Англии и США. Не случайно другие важные вопросы истории Казахстана остались вне поля зрения этих «историков».

Деятельность российского капитала в Казахстане, как известно, ограничивалась большей частью сферой торгового обращения. Колоссальные прибыли, которые приносила неэквивалентная торговля, не обращались на развитие экономики края, а вывозились в Центральную Россию. Как показали исследования советских историков, в результате колониального положения Казахстана развитие его экономики шло очень медленно, размеры промышленного производства в крае оставались незначительными.

Сведения, которые приводят зарубежные авторы, лишний раз подтверждают правильность выводов советских исследователей. Так, по сообщению английско-го путешественника Ч. Котреля в казахской степи в 30-х годах XIX в. были открыты богатые золотоносные месторождения. По данным Т. Аткинсона, в 1852 г. в отрогах Чингизтау, к западу от Аркатских гор, были обнаружены богатые залежи серебра и свинца. Аткинсон писал, что «к счастью для русских, киргизы, которым принадлежала эта область, хотя и знали про существование там руды, но принимали ее за ничего не стоящую каменную породу». С помощью русской админи-

⁵² Дж. Кеннан. Указ. соч., т. 1, стр. 154.

⁵³ O l i y i a F e l l V a n s - A g n e w . A. British family in the Kazakh Steppe.—«Central Asian Review», vol. X. N. 1, 1962, p. 8.

⁵⁴ Richard A. Pierce. Russian Central Asia, pp. 158—159.

,страции в Аягузе была достигнута договоренность о переговорах между управляющим шахтами, «султаном и его оаями, которым принадлежала вся земля». Далее излагается история продажи участка казахским султаном Суюком за 250 руб. и награждение его золотой медалью, а также шитым золотом мундиром со шпагой, еще 150 рублей было выделено для мулл и баев. Аткинсон посетил также Убинский завод, Сокольниковский рудник и Риддер, описал расположение плавильных заводов, средства транспортировки руд⁵⁵.

Некоторые сведения о горнодобывающей и легкой промышленности в Акмолинской и Семипалатинской областях приведены в книге Г. Лансделя. В 1880 г., по его данным, *р Акмолинской области было добыто 19 772 тонны угля и 2740 тонн меди, имелось 33 предприятия горнодобывающей и 106 пищевой промышленности, на которых работало 1308 рабочих; в 1881 г. в Семипалатинской области действовало 67 предприятий легкой и пищевой промышленности, на которых было занято 400 рабочих. Лансдель сообщает также о золотодобывающей промышленности в Калбинских горах, не умолчал и о том, что эти месторождения приносили большие доходы хозяевам, так как рабочая сила (казахская беднота) обходилась очень дешево⁵⁶.

В конце, XIX в. к горнодобывающей промышленности в казахской степи стали проявлять интерес американцы. •В 1893 г. в Петербурге была опубликована книга генерального консула США в России Дж. Крэвфорда «Промышленность России, Сибири и Великая Сибирская железная дорога», в которой приведены сведения «о состоянии промышленности в Степном крае»⁵⁷.

Обзор горнодобывающей промышленности в дореволюционном Казахстане дан в XII главе книги Р. Пирса «Промышленность и торговля». Автор рассказывает об истории разработки Риддерского полиметаллического и Рязановского месторождений, о том, как были построены сибирским **Купцом** С. И. Поповым несколько плавильных заводов, об открытии Джезказганского и Успенского месторождений меди, Карагандинского и Экибастузского месторождений

⁵⁵ «Путешествие по Сибири...», стр. 252, 283—285.

⁵⁶ Henry Lansdell. Russian Central Asia, vol. 1, pp. 51, 54, 104.

⁵⁷ J. M. Crawford. The industries of Russia, Siberia and the Great Siberian Railway, etc. St. Petersburg, 1893.

каменного угля. Р. Пирс явно идеализирует деятельность иностранных предпринимателей в Казахстане в конце XIX—начале XX в., когда пишет, что «развитие горнодобывающей промышленности ускорилось благодаря внедрению иностранного капитала», рассказывает о «переходе» в руки англо-американских и французских капиталистов богатейших месторождение и предприятий: Спасско-Успенских, Атбасарских и Риддерских рудников, Карагандинских и Экибастузских каменноугольных копей, нефтяных источников на Эмбе и т. п.⁵⁸, но старательно умалчивает о хищническом хозяйничаньи иностранного капитала на казахской земле, о невыносимых условиях труда и тяжелом положении рабочих на предприятиях английских и иных капиталистов.

Некоторые фактические данные по истории возникновения и деятельности обществ, эксплуатировавших Спасские и Атбасарские копи, а также «Сибирского синдиката» содержит упоминавшиеся публикации Э. Фелла («Рассказы о русских и кочевниках киргизских степей»), его дочери Оливии Фелл Ванс-Агнью («Британская семья в казахской степи»), а также книга Джона Уильфорда Уордела «В киргизских степях»⁵⁹.

Э. Н. Фелл в качестве одного из «шефов» Спасского общества был направлен в Казахстан группой английских капиталистов для осмотра и оценки месторождений, принадлежавших тогда купцам Рязановым. В книге содержатся сведения не только об иностранном капитале в Казахстане (за 1903—1908 гг.), но и о жизни казахов, об их обычаях. Книга Фелла и статья его дочери направлены на оправдание и приукрашивание деятельности иностранного, в частности английского, капитала в Казахстане.

Инженер Д. У. Уордел в 1914—1919 гг. работал на английских концессионных предприятиях в Центральном Казахстане. По его данным, англичанам принадлежали Успенский медный рудник, Сасыгк-Карасуйское месторождение железа, Карагандинские каменноугольные копи, Спасский медеплавильный завод.

Уордел приводит сведения о Спасском комплексе, о залегании и запасах руд, их химическом составе. По его данным, в 1909—1914 гг. англичане получили 21 815 тонн

⁵⁸ Richard A. Pierce. Russian Central Asia, pp. 190—192..

⁵⁹ F. Nelson Fell. Russian and nomad; Olivia Fell Vans-Agnew. A British family in the Kazakh steppe...

меди на Успенском руднике, ежегодно добывали до 80 тыс. тонн угля в Караганде⁶⁰. Сведения явно преувеличены. Вместе с тем известно, что английские предприниматели хищнически выбирали самые богатые руды, что создало серьезные трудности в добыче руд уже в годы Советской власти. Что же касается второй части книги, посвященной в основном условиям труда и положению рабочих на предприятиях и рудниках, то можно сказать определенно: здесь явно проглядывает тенденция и приукрашивание роли английского колониализма.

Подобные попытки предприняты Уорделом и в статье «Описание событий на Спасском заводе в Казахстане в 1914—1919 гг.»⁶¹. Как статья, так и предисловие, предпосланное ей «советологами», имели целью опровергнуть подлинные факты методах хозяйничания английских промышленников на Спасском заводе, изложенные в статье А. Дубовицкого «Делегат к Ленину»⁶². Шокированная картиной эксплуатации и произвола со стороны англичан, ярко нарисованной А. Дубовицким, редакция журнала представила слово Д. Уорделу, который начинает с заявления: «Я-ЖИЛ два года на Спасском заводе, три в Сары-Су и три месяца в Петропавловске. Я не являюсь коммунистом, но верю, что условия работы теперь намного лучше, чем в период царской власти». Но далее автор сбрасывает маску объективности и переходит к описанию «идеальных» условий жизни рабочих на Спасском заводе. «Опровергая» данные А. Дубовицкого, Уордел заявляет, что работа якобы велась в три смены по 8 часов, что почти «отсутствовали несчастные случаи», а жилищные условия «рабочих и служащих компании были одинаковыми». По поводу унижений, которым подвергались рабочие-казахи, Уордел заявляет: «Разумеется, работа на рудниках, плавильных и обоганительных заводах является трудной, но честная работа — никогда не унижительна»⁶³. Незначительное повышение заработной платы рабочим, в частности казахам, Уордел объявляет результатом «заботы» английских концессионеров об интере-

⁶⁰ John Wilford Wordell. In the Kirghiz steppes, pp. 73—77. Сравните: Ц. Л. Фридман. Указ. соч., стр. 16, 58.

⁶¹ J. W. Wordell. An Account of the happening at Spasskiy in Kazakhstan between 1914—1919.—*Central Asian Review**, vol. XII, N. 2, 1964.

⁶² А. Дубовицкий. Делегат к Ленину.— «Партийная жизнь Казахстана», 1963, М 9, стр. 77—80.

⁶³ J. W. Wordell. An account of the happening at Spasskiy..., p. 110.

сах рабочих, между тем он сам признает, что оно было вызвано классовой борьбой рабочих. Заметим, что эти «уступки» были сделаны в 1918 г., когда власть английских капиталистов над предприятиями в Казахстане пришла к донцу.

А. Дубовицкий писал о невыносимых условиях жизни рабочих-казахов, у них не было даже одежды. И летом, и зимой укрывались они бараньими шкурами. Уордел же объясняет это тем, что казахи... предпочитали их другой одежде, так как бараньи шкуры «защищают от холода и от жары». Труды казахстанских историков подтвердили, что факты, приведенные в воспоминаниях А. Дубовицкого, соответствуют действительности, и целиком опровергают расистские домыслы Уордела⁶⁴.

Итак, английской и американской историографией XIX в. и особенно после Октября был накоплен некоторый фактический материал о добывающей промышленности в дореволюционном Казахстане. Эти сведения, однако, ни в коей мере не свидетельствуют о планомерном и систематическом изучении истории возникновения и развития промышленных предприятий в Казахстане, о раскрытии их социально-экономического значения; речь может идти лишь об экономическом шпионаже. Англо-американским «историкам»-нет дела до того, что промышленность дореволюционного Казахстана выросла на русском и иностранном капитале и не была связана органически с казахским хозяйством, что царизм и русская буржуазия, отводили Казахстану роль сырьевого придатка метрополии. Зато они всячески идеализируют роль иностранного капитала, искажают истину о положении рабочего класса⁶⁵,

⁶⁴ См.: В. И. Рушанов. Положение рабочего класса и революционное движение в горно-заводской промышленности Казахстана в период империализма.—«Известия АН КазССР», сер. эконом., 1949, вып. 1(65); Ц. Л. Фридман. Указ. соч., стр. 32—126.

⁶⁵ См.: А. Н. Нусупбеков. К вопросу о формировании буржуазной нации. «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1966; его же. Формирование и развитие советского рабочего класса в Казахстане (1917—1940). Алма-Ата, 1966; Г. Ч. Чуланов. Промышленность дореволюционного Казахстана (историко-экономический очерк). Алма-Ата. 1960 и др.

Первые сведения о казахстанских городах в Англии сообщены зарубежному читателю Д. Кохрейном в книге - «Пешеходное путешествие по России и Сибирской Татари», опубликованной в 1829 г. Кохрейн посетил в 20-х годах прошлого столетия Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Омск и оставил их общее описание. Ч. Г. Котрель в книге «Впечатление о Сибири» сообщил о населении Омска, Оренбурга, Усть-Каменогорска, Петропавловска и его занятиях. Преимущественное же внимание автор обращает на укрепления, крепости, численность и вооружение войск⁶⁶.

На военной значимости городов-крепостей сосредоточивает свое внимание и Д. Аббот. -Посетив в 1832 г. Ново-Александровск, он записал: «Ново-Александровск является маленьким русским фортом... Форт квадратной формы, с бастионами и завесой; но вокруг нет ни траншеи, ни гласиса. Может быть, твердая почва не позволила рыть канавы. Расположен на берегу высокого крутого обрыва, однако... вполне доступен... Остальные стороны форта, граничащие со степью, разумеется, являются менее грозными. Каменная стена 8,5 фута высоты, хорошо защищенная легкой полевой артиллерией и приблизительно 300 стрелками, является большим препятствием, однако всегда может быть преодолена при некоторых жертвах... Форт не имеет воды и в связи с этим зависит от родника, находящегося внизу обрыва...» Поэтому открыто, чуть ли в виде совета, автор утверждает: «Нет ни малейшей трудности отрезать водоснабжение и принудить (гарнизон) к сдаче без большого кровопролития в течение недели». Под этим углом зрения он характеризовал также «маленький рыбацкий городок» Гурьев, Уральск и Оренбург, которые его интересуют как укрепленные пункты, описывает коммуникации, состав казачьих отрядов⁶⁷.

Отдельные сведения об истории основания Семипалатинска, Копала и Верного, численности населения и войск в них приведены в книге Т. У. Аткинсона. Так, в 1848 г., по его данным, в Аягузе имелось 90 конных казаков и немного пехоты, одна батарея полевых орудий⁶⁸.

⁶⁶ J. D. C o h r a n e. A pedestrian journey through Russia and Siberian Tartary. Edinburgh, 1829, vol. 1, pp. 120, 125, 129; Ch. Cottrell. Recollections of Siberia, pp. 156, 160—161, 164—165, 181, 186.

⁶⁷ James Abbott. Narrative of a journey from Hermit to Khiva, vol. 2, pp. 67—68, 74, 80, 81, 83.

⁶⁸ «Путешествие по Сибири...», стр. 410, 422, 450- -451, 518.

Подробно описал Казалинск 70-х годов XIX в. Мак-Гахан. Разумеется, и его интересовали прежде всего стратегическое положение Казалинска, его гарнизон, состояние Аральской флотилии⁶⁹. По сведениям Ф. Барнаби, Казалинск насчитывал 5 тыс. жителей, главным образом «кочевых киргизов, которые разбивают свои юрты на окраинах города, и здесь проводят зиму, откочевывая ранней весной; русских и татарских купцов, живущих в одноэтажных кирпичных или построенных из цемента домах; встречаются на улицах евреи, греки, хивинцы, ташкентцы, бухарцы и представители почти всех азиатских стран». Он выделил торговое значение Казалинска, обусловленное его выгодным географическим положением. Ф. Барнаби посетил также Уральск, где собирал сведения о волнениях среди казаков, вызванных изменениями в законе о воинской повинности. «До этого нового положения,— пишет Барнаби,— состоятельные слои не посылали своих сыновей на службу... недовольство овладело умами уральских казаков... 2500 недовольных было сослано в Среднюю Азию, и, как говорят, из Оренбурга еще 2000 последуют за ними»⁷⁰.

Е. Скайлер описал Аулие-Ату, Верный, Капал, Семипалатинск и Аягуз. Он попытался объяснить происхождение названий некоторых из них и записал казахские легенды, связанные с этим. Верный, по его свидетельству, в 70-х годах XIX в. состоял из двух казачьих станиц, старого и нового города, татарской окраины. В городе было несколько пилорам, кирпичных заводов, две русские школы и одна для «мусульманских детей», торговая и садоводческая школы⁷¹.

Спустя несколько лет Верный посетил Г. Лансдель. Его книга содержит весьма путаные сведения о составе населения Верного, смешаны национальный и социальный признаки. Особое внимание автор уделит военному значению города. Сообщая о численности населения Акмолинска, Петропавловска, Омска, он обособил вопрос о мечетях и церквях и их роли в общественной жизни городов⁷².

В отличие от других англичан и американцев, прогрессивный американский публицист Дж. Кеннан интересовался

⁶⁹ Я. А. Мак-Гахан. Военные действия на Оксусе, стр. 14—15.

⁷⁰ Fred Burnaby. A ride to Khiva, pp. 94, 158—159, 171—179, 221—223.

⁷¹ Eufjene Schuyler. Turkistan, vol. 2. pp. 145, 146.

⁷² Henry Lansdell. Russian Central Asia, vol. 1, pp. 60—61, 272, 274.

не дворцами губернаторов и военными крепостями с их гарнизонами, не мечетями и церквями, а положением трудящихся. Он писал о политических ссыльных в Семипалатинске и отзывался о них как о «веселых, интеллигентных, образованных людях, отзывчивых, чутких, способных на горячее чувство и великодушный порыв, с возвышенными понятиями о долге и чести». Дж. Кеннан верно подметил торговое значение Семипалатинска, то, что из города ежегодно отправлялось «40 или 50 караванов... в различные пункты Монголии и Средней Азии, унося с собою русских товаров на 300—400 тысяч рублей»⁷³.

О Петропавловске, Верном, Троицке, Аягузе, Каркаралинске, Акмолинске, населении этих городов и его занятиях отрывочные сведения собраны в книге Уордела «В киргизских степях» и статье Е. Д. Моргана «Путешествие через Семиречье в Кульджу»⁷⁴. С. Грэхэм, приведя данные о численности населения Черняево (Чимкента) в начале XX в., Аулие-Аты, Верного и других городов, считает единственным условием их роста стремление царского правительства укрепить южные и восточные границы⁷⁵.

В целом все английские и американские авторы отмечали рост городов в Казахстане после присоединения его к России, но их не интересовали экономические и политические предпосылки этого процесса и, конечно, они не могли объяснить роль городов в экономической, политической и культурной жизни края.

Недалеко ушли от дореволюционных путешественников современные английские и американские авторы. Так, Р. Пирс считает, что рост городов в дореволюционном Казахстане обуславливался только переселенческой политикой царизма и строительством железных дорог. Именно так он объясняет рост населения Омска, Семипалатинска, Петропавловска, Кустаная⁷⁶.

Внутренние социально-экономические факторы, проникновение капиталистических отношений, взаимосвязь социально-экономического развития России и Казахстана, входившего в состав империи, полностью обойдены. Я. М. Матли, адъюнкт-профессор Мичиганского университета, также сообщает сведения о численности и составе населения ка-

⁷³ Дж. Кеннан. Сибирь и ссылка..., т. I, стр. 122, 142.

⁷⁴ E. Delmar Morgan. A journey through Scmirclchia, pp. 153. 159.

⁷⁸ Stephen Graham. Through Russian Central Asia, p. 104.

^{7e} Richard Pierce. Russian Central Asia. p. 104.

захстанских городов в 1911 г., нуждающиеся в существенной корректировке⁷⁷.

Этапы и предпосылки возникновения и развития казахстанских городов в дооктябрьский период рассмотрены в статье «Русские военные и гражданские поселения в 1824—1917 гг.», опубликованной в 1958 г. в «Среднеазиатском обозрении»⁷⁸. Но это не самостоятельная работа, а пересказ статьи Г. Н. Чаброва «Русские поселения между Оренбургом и Ташкентом в XIX—начале XX вв. (1824—1917)»⁷⁹.

Таким образом, важнейшая тема социально-экономической, политической и культурной роли казахстанских городов по существу не рассмотрена в англо-американской историографии, а в ряде вопросов искажена.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА XIX—НАЧАЛА XX вв.

Первоначально английские и американские путешественники, посещавшие Казахстан, редко затрагивали вопросы социальной структуры и общественных отношений у казахов. Как правило, они ограничивались делением казахского общества на два сословия: «ак-суйек» («белая кость») и «кара-суйек» («черная кость») *^o.

Г. Гэуорд в своей книге «История монголов IX—XIX вв.» приводит сведения о «белой кости» — казахских ханах и султанах и их генеалогии⁸¹. Работа Ч. Котреля и Т. Аткинсона отразила отдельные факты концентрации в руках ханов и султанов огромного количества скота. Ссылаясь на султана Батыра, кочевавшего в степях между Семипалатинском и Аягузом, Т. Аткинсон сообщает, что тот выделил старшему сыну 1000 лошадей, 1000 верблюдов, 2000 голов крупного рогатого скота и 5000 овец. У султана Сабека (район озера Балхаш), по Аткинсону, имелось до 8 тысяч

⁷⁷ Ian Margray Matley. People, languages and migrations. In: E. Allworth (ed.). Central Asia. A century of Russian rule, pp. 99, 104, 107.

⁷⁸ «Russian military and civilization settlements, 1824—1917». — «Central Asian Review», vol. VI, N. 2, 1958, pp. 143—151.

⁷⁹ См.: «Труды Среднеазиатского государственного университета». Новая серия, вып. XC, истор. науки, кн. 14. Ташкент, 1957, стр. 153—192.

⁸⁰ M. A. Czalka. The Turks of Central Asia, p. 40.

⁸¹ H. H. Howorth. A History of the Mongols from 9th to the 19th century. Part II. The so-called Tartars of Russia and Central Asia. Division II. London, 1880, pp. 626—686, 1068—1087.

лошадей, 6 тыс. верблюдов и большое число овец и коз⁸². Тот же Т. Аткинсон приводит сведения об имущественных, семейных и личных правах султанов. Он, например, пишет: «Подобно тому, как у нас бедный ремесленник не осмелится предложить руку какой-нибудь княжне, точно так же и у киргизов, бедняк не дерзнет свататься за султанскую дочь⁸³; пишет о размере калыма, зависевшего от имущественного положения невесты. Отмечен им также факт существования куна, дифференцированного по отношению к султанской верхушке и простому народу⁸⁴. Однако ни в одной из работ английских и американских историков не прослежена эволюция феодальных институтов, не объяснены причины, обусловившие экономические и политические позиции султанов, а затем процесс их ослабления, борьба трудящихся масс против феодального гнета.

Е. Скайлер видит причину ликвидации ханской власти царизмом в том, что ханы «не обладали ни тенью влияния или авторитета среди своего народа». Но тут же утверждал, что «киргизы питали уважение к своей аристократии» и народные массы, или «черная кость» видели своих вождей 2 «белой кости», в потомках ханов и правящих фамилий⁸⁵. Прямая идеализация института ханской власти характерна для взглядов О. Кэроу, утверждавшего, что казахи «испытывали к своим ханам подлинное благоговение»⁸⁶. Он целиком замалчивает факты их выступлений -против ханского гнета.

А. Гудсон к «белой кости» относит также мусульманскую знать — ходжей и мулл⁸⁷, однако уходит от оценки общественного положения мусульманского духовенства. Е. Бэкон и Т. Виннер указывают, что влияние ислама в Казахстане не было таким сильным, как, например, в среднеазиатских ханствах, в быту казахов сохранилось немало пережитков языческих верований. Они также уклоняются от оценки роли мусульманского духовенства в жизни казахского общества⁸⁸.

⁸² «Путешествие по Сибири...», стр. 289, 3\$4.

⁸³ Там же, стр. 495.

⁸⁴ Thomas G. Winner. The Oral art, p. 17.

⁸⁵ Eugene Schuyler. Turkistan, vol. 1, p. 32.

⁸⁶ Цит. по кн.: Г. Дахшлейгер, А. Турсунибаев, Ш. Шафиро. Правда об освоении целины и вымыслы буржуазных фальсификаторов.—«Партийная жизнь Казахстана», 1959, № 12, стр. 22.

⁸⁷ Alfred Hudson. Kazak social structure, p. 57.

⁸⁸ E. Bacon. Central Asians under Russian Rule. pp. 41—47; Thomas G. Winner. The Oral art, pp. 9—12.

В работе Е. Бэкон отмечается факт существования феодально-родовой знати, выросшей из кочевой общины. По определению Дж. Фокс-Холмса, «бии и аксакалы являлись родовыми вождями, избранными самим народом и находившимися с ним в тесном контакте. Ввиду этого ханы и султаны старались умиловать их: дарили им титулы и награды, делились своими доходами и советовались по вопросам внешней и внутренней политики. Старшины, в свою очередь, были надежными сторонниками султанов»⁸⁹.

Как видно, автор, во-первых, не разграничивает термины «бии», «аксакалы» и «старшины» и не указывает, к какому времени относится это положение. Между тем, согласно «Уставу о сибирских киргизах» 1822 г., должности биев подлежали утверждению царской администрации. Во-вторых, слово «старшина» применялось в источниках первоначально в смысле «аксакал» по отношению к старшему в составе пастбищно-кочевой общины, к человеку, пользовавшемуся известной властью в этом коллективе. Позднее же это понятие относилось к должностным лицам, назначенным ханом или царской администрацией. Как известно, многие старшины в XIX в. получали содержание от государства, назначались и смещались царскими властями⁹⁰.

Но главное не в этом. Е. Бэкон и Д. Фокс-Холмс даже не попытались установить классовое положение этих социальных групп, отметить эксплуатацию ими рядовых общинников, источники их обогащения, «Ханлык», «зьякет» и другие налоговые тяготы только упоминаются. Более того, Фокс-Холмс толкует о том, что бии и старшины были «надежными сторонниками султанов» и в то же время «защитниками народных интересов»... В этом выводе явно не сходятся концы с концами. Сообщая о роли батыров в общественной жизни казахов, о двойном понимании термина «батыр», о присвоении ханами и султанами звания батыров, что, по его утверждению, «усиливало их влияние и власть», он однако уходит от объяснения социальной принадлежности батыров⁹¹.

Р. Пирс, Дж. Уордел, Т. Виннер и другие зачастую говорят о баях как о «значительном сословии» казахского

⁸⁹ Е. Bacon. Central Asians under Russian rule, p. 96.

⁹⁰ См.: С. 3. З и м а н о в. Общественный строй казахов первой половины XIX века..., стр. 197—206—207 и др.

⁹¹ См.: Е. Бекмаханов. К вопросу о социальной природе батыров (XIX в.) — «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1947, № 8, стр. 62—64.

общества, в руках которого сосредоточивалось тысячи голов скота. Однако понятие «бай» они отождествляют с понятием «богач». При этом баи выступают как «родовые благодетели». Их эксплуататорская социальная природа замалчивается⁹².

При этом полностью игнорируются результаты исследования социальной природы байства в динамике, широко представленные в советской исторической литературе⁹³.

Е. Бэкон, ссылаясь на Аткинсона, мимоходом замечает, что в середине XIX в. феодально-родовая знать занималась торговыми операциями, а «некоторые казахи превращались в кредиторов, получая стопроцентную надбавку за займы», что «богатые лица» (баи) иногда владели двумя-тремя юртами и нанимали пастухов⁹⁴. И снова фактор эксплуатации массы рядовых общинников исчезает.

Игнорируя роль народных масс в истории, английская и американская историческая литература, естественно, не вникла в положение массы трудящихся аула. Даже в книге, специально посвященной социальной структуре казахов, А. Гудсон не выделяет такую значительную группу казахского крестьянства, как ж а й - ш а р у а , не видит различия между жай-шаруа и к о н е ы⁹⁵.

Попытался выделить отдельные социальные категории уже упоминавшийся Дж. Фокс-Холмс. Он писал: «Основная масса казахского народа была известна как «караша» (подданные) и включала в себя тюленгутов и кулов (рабов). Большинство «караша» составляли свободные лица, которые экономически и политически зависели от богатых членов аула. Лица, потерявшие личную свободу и ставшие неоплачиваемыми ра*ботниками для зажиточных семейств,

⁹² George Fox-Holmes. The social structure and customs of the Kazakhs, pp. 9—10.

⁹³ См.: М. П. Вяткин. Очерки по истории Казахской ССР. М., 1941, стр. 297—299; В. Ф. Шахматов. Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова, стр. 88; С. Е. Толыбеков. О некоторых вопросах экономики дореволюционного кочевого аула казахов.—«Вестник АН КазССР», 1951, № 8(77), стр. 4; его же. Кочевое общество казахов в XVII—начале XX века, стр. 505—510; С. Зиманов. Общественный строй казахов..., стр. 213—218; Е. Б. Бекмаханов. Присоединение Казахстана к России, стр. 44; его же. Байское хозяйство в Казахстане и его особенности во второй половине XIX—начале XX вв. В кн.: «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России». М., 1961; С. А. Сундстон. О генезисе капитализма в сельском хозяйстве Казахстана. Алма-Ата, 1970, стр. 57.

* E. Bacon. Central Asians under Russian rule, pp. 35, Mi.

⁹⁵ Alfred E. Hudson. Kazak social structure, pp. 28, 37—38.

известны как «консы». Это высказывание Дж. Фокс-Холмса верно, но требует существенных дополнений. Ведь автор не устанавливает, что же привело «свободных лиц» в зависимость «от богатых членов аула», каковы характер и формы такой зависимости. Бели же он понимает под «свободными лицами» жай-шаруа, то нужно вести речь об их личной зависимости, связанной с тем, что основные средства и условия производства находились в руках господствующего класса. При всей специфике общественных отношений в казахском ауле они имели, несомненно, общие черты, характерные для феодальной общественно-экономической формации. Дж. Фокс-Холмс и другие также не учитывают, что в составе кочевников-скотоводов существовала категория к е д е е в - ш а р у а⁹⁶.

Группе консы А. Гудсон посвятил специальный раздел. («Должник и кредитор»). На основе свидетельств Уйфальви де Мезо-Ковезд и В. Дингельштедта, бесед с Н. Тленшиевым, он описал картину отработок, выполнявшихся консы⁹⁷. Приведя разные мнения о том, что в основе отношений между консы и феодалом лежала «родовая солидарность», или что здесь проявлялась «настоящая феодальная эксплуатация», автор вместе с тем старается не высказать свою точку зрения, неправильно объясняет причины дачи скота во временное пользование за определенные услуги и отработки (саун) всецело влиянием товарно-денежных отношений⁹⁸, хотя в действительности саунные отношения были типичны для патриархально-феодальных отношений. Чисто случайный характер носят упоминания о д ж а т а - к а х , б а й г у ш и , е г и н ш и в трудах английских и американских авторов, поэтому нет возможности рассмотреть их по существу.

М. Раев, А. Гудсон, Дж. Фокс-Холмс затронули вопросы, связанные с общественным положением работ и тюленгутов. Опираясь на труды С. С. Шашкова и Н. М. Ядринцева", М. Раев сообщает, что одним из источников рабства «была торговля детьми калмыков и казахов

⁹⁶ George Fox-Holmes. The social structure and customs of Kazakhs, p. 11.

⁹⁷ Alfred E. Hudson. Kazak social structure, pp. 37—38.

⁹⁸ Ibid., pp. 37, 38. Сравните: В. Ф. Шахматов. О формах феодальной эксплуатации в Казахстане в XIX веке.— «Вестник АН КазССР», 1951, № 11, стр. 93—108.

⁹⁹ См.: С. С. Шашков. Рабство в Сибири. «Исторические этюды». СПб, 1872; Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония, СПб, 1882-

на основе Указа от 16 ноября 1737 г.», сохранившаяся до первых десятилетий XIX в. «как прибыльное и важное занятие на юго-западной линии Сибири»¹⁰⁰.

Более полную характеристику института рабства в Казахстане дали А. Гудсон и Дж. Фокс-Холмс, хотя последний неправильно определяет смысл термина кул, толкуя его как «рабы или зависимые». Между тем эти понятия не адекватны. Как Гудсон, так и Фокс-Холмс указывают на патриархальный характер рабства в Казахстане и называют время его ликвидации. Но причину ликвидации рабства А. Гудсон видит только в «заботах» Оренбургской пограничной комиссии. Между тем запрет этого института был предопределен самим ходом развития казахского общества¹⁰¹.

А. Гудсон пытается также описать и тюленгутов, ссылаясь на труды А. Левшина, В. Радлова и других. Однако он пришел к ошибочному выводу, будто тюленгуты были «свободными воинами, обычно из состоятельных семей, добровольно поступившими на службу к ханам... в качестве компаньонов, оруженосцев и телохранителей»¹⁰². Такое толкование не только не дает представления о происхождении института тюленгутов, но и вводит читателя в заблуждение относительно его социальной природы.

Дж. Фокс-Холмс отмечает, что «со временем основными обязанностями их (тюленгутов.— К. Е.) стали защита хозяина, сбор налогов и охрана стад от набегов. Их положение в многих случаях было подобно рабскому. Тюленгуту могла быть предоставлена определенная свобода, он, в частности, мог кочевать со своей семьей и скотом... но все равно оставался в распоряжении своего хозяина... Власть султана определялась не только численностью его подданных, но и числом тюленгутов»¹⁰³.

Ссылаясь на М. П. Вяткина и* Е. Бекмаханова, Фокс-Холмс склоняется к мнению, что вассальная зависимость тюленгутов, характерная для XVIII в., начала перерастать

¹⁰⁰ Mark Raeff. *Siberia and the reforms of 1822*, pp. 13—14.

¹⁰¹ В. Шахматов. К вопросу о сложении и специфике патриархально-феодальных отношений в Казахстане.— «Вестник АН КазССР», № 7, 1951, стр. 20; Г. И. Семенов. Рабство в Казахстане в XV—XIX веках.— «Труды института истории, археологии и этнографии АН КазССР», 1959, т. 6, стр. 164-215.

¹⁰² Alfred E. Hudson. *Kazak social structure*, p. 60.

¹⁰³ G. Fox-Holmes. *The social structure and customs of Kazakhs*, p. 11.

в XIX в. в зависимость крепостную¹⁰⁴. Но если советские исследователи связывали зарождение, развитие и отмирание института тюленгутов с развитием феодальных отношений, то упомянутые буржуазные авторы ищут причины исторической эволюции тюленгутов в «милосердии» ханов и султанов. Конечно, такие поиски бесплодны. ••

Некоторое отражение в англо-американской казахстанике нашел вопрос о начале появления казахских рабочих. Так, Х. Сетон-Уотсон мимоходом сообщает, что в XIX в. в граничащих с казахской степью районах России до половины рыбаков составляли сезонные рабочие из казахов и калмыков¹⁰⁵. Данные же об отходе бедняков из казахского аула на заработки отсутствуют.

Относительно больше сведений собрано английскими и американскими историками о рабочих-казахах в обрабатывающей и горнодобывающей промышленности. Книга Г. Лансделя содержит цифры, заимствованные из статистически отчетов: в 1881 г. на 31 прииске Семипалатинской области работал 2091 человек, из них 1692 казах. В целом же среди ремесленников в городах области из 3255 казахов 681 являлись кузнецами и слесарями, 243 — портными, 1319 — сапожниками, 605 — специалистами по изготовлению седел, 298 — серебряных и медных дел мастерами, 1009 — стол- • ларами-краснодеревщиками и токарями¹¹⁶.

По сведениям Д. У. Уордела, на предприятиях английских концессионеров в Центральном Казахстане в начале XX в. было занято 1800 рабочих, в том числе 1500 казахов. При этом, подчеркнем, он не мог умолчать о том, что наиболее низкооплачиваемой частью рабочих были казахи¹⁰⁷.

Только одну страницу посвящает этой проблеме книга Р. Пирса «Русская Средняя Азия». Автор отмечает, что в 1913 г. на промышленных предприятиях степных областей было занято 20 тыс. рабочих, в Туркестане в 1905—1908 гг. насчитывалось 32 тыс. рабочих, причем в большинстве своем это были выходцы из коренного населения.

Эти отрывочные и случайные сведения о казахских рабочих свидетельствуют о полном непонимании, а поэтому —

¹⁰⁴ См.: М. П. Вяткин. Тюленгуты в XVIII в.—«Известия Казахского филиала АН СССР», сер. истор., вып. I, 1940; Е. Бекмаханов. Об основных вопросах периодизации истории Казахстана.— «Известия АН Казахской ССР», сер. истор., вып. 4, 1948, стр. 40.

¹⁰⁵ H. S e t o n - W a t s o n. The Russian Empire, p. 655.

¹⁰⁶ H e n r y L a n s d e l l. Russian Central Asia. vol. 1, p. 103.

¹⁰⁷ J. W. w o s d e l l. In the Kirghiz steppes, p. 33, 95, 101.

и искажении исторической роли пролетариата, истоков его формирования, структуры и положения в канун социалистической революции.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕСЕЛЕНИЯ И ОЦЕНКА ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОЯ КАЗАХОВ

Известный статистический материал о переселенцах и казачестве в Семипалатинской и Акмолинской областях собрал Г. Лансдель. По его данным, в 1879 г. в 149 казачьих станицах проживало около 180 тыс. человек. Он подметил, что, теряя прежнюю функцию «защиты от вторжения казахов», казачество -частью превращалось по сути в крестьян-земледельцев. Представляют интерес некоторые сведения о социальном составе казачества¹⁰⁸.

Е. Кемп и С. Грехэм сообщали о «льготах», предоставленных царским правительством переселенцам для поощрения переселенческого движения¹⁰⁹. Некоторая информация о целях и характере переселенческой политики царизма, ходе переселенческого движения, изъятии земель у коренного населения имеется в статье Д. Вильямса «Русское крестьянское поселение в Семиречье». В книге Д. Трэдгольда «Великая сибирская миграция» прослежен ход переселенческого движения за период с 1861 г. до начала первой Мировой войны. Материал о числе переселенцев в Степном крае, Туркестане, Западной Сибири приведен в книге Р. Пирса «Русская Средняя Азия в 1867—1917 гг.» и статье американских авторов В. Лезаря и Р. Льюса «Внутренняя миграция в России в конце XIX в.»¹¹⁰.

Основную причину переселенческого движения Р. Пирс видел во внешней политике царской администрации, стремившейся закрепить за собой казахские земли. Вместе с тем

¹⁰⁸ Henry Lansdell. Russian Central Asia, vol. 1, pp. 66—68, 95, 101.

¹⁰⁹ E. G. Kemp. The face of Manchuria..., p. 173; Stephen Graham. Through Russian Central Asia..., p. 151.

¹¹⁰ D. S. M. Williams. Russian peasant settlement in Semiretchiy.—«Central Asian Review», vol. XIV, N. 2, 1966, pp. 110—116; Donald M. Treadgold. The Great Siberian migration; Government and peasant in resettlement from emancipation to the First World War. Princeton, 1957; Richard Pierce. Russian Central Asia..., pp. 108—120; William Leasure and Robert A. Lewis, Internal migration in Russia in late nineteenth century.—«Slavic Review», vol. XXVII, N. 3, Sept., 1968, pp. 375—394.

он не мог умолчать об общепринятой в советской науке точке зрения: о роли земельной тесноты в России и стремлении царизма ослабить аграрную напряженность в центре, создавая одновременно себе опору в степи¹¹¹.

Отдельные английские и американские авторы также указывают на переселенческую политику царизма как одну из причин упадка кочевого скотоводства казахов. Действительно, изъятие богатых пастбищ привело к обострению аграрного вопроса, сказалось на традиционной системе и маршрутах кочевников-скотоводов¹¹². Однако этим «анализ» социально-экономических причин и последствий переселенческого движения исчерпывается.

Дж. Уилер, С. Зеньковский, Э. Сокол, Р. ГТирс и другие умалчивают о классовой направленности переселенческой политики царизма, о том, что царизм пытался аграрный вопрос решить в интересах помещиков и буржуазии. Ими игнорируются принципиальные положения В. И. Ленина, который прямо указывал: «Конечно, думать о «решении» земельного вопроса внутренней России посредством переселения на окраины было бы верхом нелепости. Не подлежат ни малейшему сомнению, что предлагать такое «решение» могут только шарлатаны, что те противоречия старых латифундий в Европейской России новым условиям жизни и хозяйства в той же Европейской России, которые мы показали выше, должны быть «разрешены» тем или иным переворотом в Европейской России, а не вне ее... Только переворот в Европейской России, только полное устранение в ней остатков крепостничества, избавление крестьян от средневековых латифундий в состоянии действительно открыть новую эру колонизации»¹¹³.

Рассуждения о трудностях казахского крестьянства нужны буржуазным авторам лишь для обоснования тезиса о неприятии всех переселенцев всеми казахами — вне социального положения переселенцев (кулаков и бедняков) и казахов (баев и кедеев). Так, С. Зеньковский особо подчеркивает, что «неизбежным результатом колонизации степи была напряженность в отношениях между номадами (казахами.—К. ф.) и вновь прибывшими земледельцами»¹.

¹¹¹ Richard A. Pierce. Russian Central Asia.... pp. 108, 120, 138.

¹¹² См.: Е. Тажибаев. Изменения в хозяйстве казахов в 20--30-х годах XIX в..., стр. 16.

¹¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 68, 70.

"« Serge A. Zenkovsky. Pan-Turkism and Islam in Russia, p. 59.

Такое, с позволения сказать, обобщение несостоятельно. Оно рассчитано на явно неосведомленного читателя. Дело в том, что из России на окраины, в том числе в Казахстан, переселялись главным образом разоренные или близкие к разорению середняки и бедняки. Масса гонимых нуждой русских и украинских переселенцев отнюдь не несет ответственности за реакционную колонизаторскую политику царизма. Как правило, казахская беднота встречала их дружески.

Крестьянская колонизация усилила разложение натурального хозяйства, ускорила проникновение капиталистических отношений в казахский аул. Несмотря на все попытки установить в крае отношения национальной розни, отчуждения, враждебности, переселение крестьян способствовало тесному общению казахских трудящихся с русскими тружениками; с передовой русской культурой, и в конечном счете создавало предпосылки для объединения русских и казахских трудящихся во главе с рабочим классом в борьбе против общего врага — царизма и капитализма¹¹⁵.

Изменения в социально-экономическом укладе жизни казахов нельзя сводить исключительно к внешним факторам, а частности к колониально-административным мерам царизма, как это делают многие английские и американские историки, не видевшие в казахском обществе никаких внутренних стимулов для развития. Дж. Уилер, С. Зеньковский, Р. Пирс, Д. Трэдгольд, Д. Вильяме и другие закрывают глаза (есть основания сказать, что делают это сознательно) на происходивший в среде казачества и переселенцев процесс расслоения, выделения на одном полюсе кулацкого хозяйства, а на другом — беднейшего крестьянства. Они нередко идеализируют переселенческую деревню и казачью станицу, живших якобы «идиллической» жизнью и «не знавших» социальных конфликтов¹¹⁶.

Признание рядом английских и американских историков факта, который уже не скроешь, что в дореволюционном казахском обществе существовали «различные группы», отличавшиеся по своему происхождению и экономическому положению, не привел, однако, к научному осмыслению системы социально-экономических отношений у казахов. По

¹¹⁵ См., напр.: А. Б. Турсунбаев. Из истории крестьянского переселения..., стр. 72; П. Г. Галузо. О классовом расслоении Семиреченского казачьего войска.— «Ученые записки», т. X, VIII, сер. истор., вып. 7; «Вопросы истории Казахстана». Алма-Ата, 1961, стр. 72—96.

¹¹⁶ «Путешествие по Сибири...», стр. 300.

мнению М. Чаплика, вся социальная структура казахского общества «основана на патриархальной системе»¹¹⁷. Л. Крадер же прибегает к традиционному для буржуазной историографии методу генеалогической реконструкции, не связанному с классовым подходом к общественным отношениям. На основе преданий автор строит многоступенчатые пирамиды патриархально-родовой преемственности. И хотя такие реконструкции представляют некоторый этнографический интерес, нельзя не заметить, что они сами требуют конкретно-исторического доказательного объяснения. А его нет. Отсюда, например, вывод Л. Крадера: «Старшая линия отделяется от младшей по происхождению; старшие овладевают политической властью, таким путем образуется государство, основанное на принципах родства»¹¹⁸. Отсюда он выводит разделение казахского общества «на две касты». Этой же точки зрения придерживается американский социолог В. Рязановский. В книге «Обычное право кочевых племен Сибири» он утверждает: «В основе их (казахов.— К. ф.) социальных отношений лежал патриархально-родовой порядок: как административное, так и судебное производство велось на основе клановых принципов». И далее: «У казахов отсутствовало право частной собственности и господствовали родовые порядки»¹¹⁹.

Не вдаваясь в подробный разбор противоречащих исторической действительности взглядов Л. Крадера и В. Рязановского, отметим только, что всякое государство является продуктом 'классовой борьбы, в антагонистическом обществе «государство есть машина для угнетения одного класса другим»¹²⁰, а не результат «борьбы старшей и младшей патриархальных линий», как об этом с деланной наивностью твердят Л. Крадер и В. Рязановский.

Некоторые английские и американские историки отмежевываются, хотя бы внешне, от утверждений о «родовом демократизме», якобы господствовавшем в казахском обществе, однако, смещая исторические сроки, заявляют, что институт частной собственности у казахов появился только во второй половине или даже в конце XIX в. Так поступил, например, Т. Виннер, который именно к этому времени

¹¹⁷ M. A. C z a p l i c k a. The Turks of Central Asia, p. 40.
us Lawrence Krader. Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral nomads, p. 326.

¹¹⁹ Valentin A. Riasanovsky. Customary law of the nomadic tribes of Siberia, pp. 20, 128, 129.

¹²⁰ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 39, стр. 75.

отйбс разложение Институтов общественного владений ско- том и пастбищами¹²¹. На этих же позициях стоит автор статьи «Оседание кочевников», опубликованной в «Средне- азиатском обозрении»¹²².

Ослабление родовых связей и усиление имущественного неравенства по Е. Бэкон, Р. Пирсу, Е. Скайлеру происходит только под влиянием административно-колониальных меро- приятий царизма. «Забвение богатыми родственной ответ- ственности» произошло единственно в результате «введения русской администрации»¹²³, пишет Е. Бэкон.

Не отрицая известной роли административно-колониаль- ных мероприятий и переселенческой политики царизма на социально-экономическую жизнь казахов¹²⁴, отметим все же, что подобные рассуждения не раскрывают глубинных социальных процессов, происходивших в казахской общине. Б сущности тезис «общественной формы землепользова- ния», «ничейности земли» исключает анализ так называемой «родовой солидарности» как «единственной движущей силы» развития казахского общества. Следуя Т. Аткинсону, современные буржуазные историки стоят на позициях гос- подства общинной собственности на пастбища, не видят неравенства в пользовании землей баев и кедеев. Е. Бэкон находит у казахов так называемое право у з у ф р у к т (право пользования чужой собственностью без причинения ущерба.— К. £.) на территории, принадлежавшей данной родовой группе¹²⁵. Р. Пирс также выделяет «совместное .пользование пастбищем» и утверждает, что частная собст- венность на землю начала возникать у казахов в результа- те вторжения «русских переселенцев, когда с переходом к

¹²¹ Thomas G. Winner. The Oral Art and literature of Kazakhs, pp. 4—5, 8.

¹²² «Stabilization of the nomads.» — «Central Asian Review», vol. VII, N. 3, 1959, p. 221.

¹²³ Elizabeth E. Bacon. Central Asians under Russian rule..., pp. 99.

¹²⁴ См.: П. Г. Г а л у з о. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг. Алма-Ата, 1965, стр. 203—231; Б. С. Су л е н м е н о в. Об административном устройстве казахской степи по реформе 1867—1868 гг.— «Вестник АН КазССР», 1951, № 2, стр. 118; А; Т у р с у п б а - е в. Социально-экономические последствия переселенческой политики царизма в Казахстане.— «Известия Казфилиала АН СССР», сер, истор., 1946, № 2 (27), стр. 57-74;

Л. М. Ау з о в а. К вопросу о переселении крестьян и их роли в раз- витии земледелия в Казахстане в 70—90 годах XIX в.— «Известия АН КазССР». сер. истор., археолог, и этнограф, вып. I, 1958, стр. 28—41.

¹²⁵ Elisabeth E. Bacon. Central Asians under Russian rulle..., p. 19.

оседлости и осложнением пастбищной проблемы прежняя, общинная собственность на землю уступила дорогу частной собственности... зажиточные члены казахской общины удерживали в своих руках значительные участки»¹²⁶.

Таким образом, в основе рассуждений названных историков лежат следующие моменты: а) пастбищные территории принадлежали родовым группам; б) члены общин пользовались правом узуфрукт; в) частная собственность на землю начала возникать только после присоединения Казахстана к России, точнее во второй половине XIX в.

Отрицая существование у казахов — кочевников и полукочевников — феодальной собственности на пастбища, буржуазные авторы не признают у них и классового характера землепользования. Причем способ доказательства таков: хозяйственной единицей была родовая община, казахи кочевали поаульно, следуя по определенным маршрутам... Однако это явление отражало только внешнюю сторону, оболочку земельных отношений. И прав, в частности, С. З. Зиманов, который отмечает: «Ошибочная трактовка общественных отношений казахов объяснялась не только поверхностным их изучением, но и не в меньшей степени порочностью научной методологии буржуазных авторов. Не обладая научным методом познания общественных явлений, они в лучшем случае добросовестно фиксировали то, что им удавалось наблюдать. Законы, управлявшие явлениями общественной жизни, были им неизвестны»¹²⁷.

Такая характеристика буржуазной методологии относима и к современным буржуазным английским и американским историкам. Но есть и отличие. Оно состоит в том, что дореволюционные путешественники лишь фиксировали те или иные стороны общественных явлений, не вдаваясь в их сущность, а современные буржуазные историки, пользуясь их материалами, преследуют определенные политические цели. Им просто удобно видеть в «кровнородственных узах» главную силу, объединяющую кочевые и полукочевые группы казахов. Отсюда принципиально неправильный подход к оценке природы аульной общины, в действительности не представлявшей собой ни семейную ассоциацию, ни кровнородственного союза, ни объединения, основанного на равном сотрудничестве. Как пользовались аульные хозяйства

¹²⁶ Richard L. Pierce. *Russian Central Asia*, pp. 155—157.

¹²⁷ С. З. Зиманов.. *Общественный строй казахов первой половины XIX века...*, стр. 170.

плодами и результатами труда, как были устроены внутри-аульные экономические отношения, на чем была основана отработка? На эти и многие другие вопросы иностранные авторы не могут дать и не дают ответа.;

На деле в казахском кочевом и полукочевом хозяйстве, в силу его специфики, существовало так называемое общинное землепользование по родовому признаку. Но за этим институтом, вытекавшим из титула хозяйства, нельзя не видеть феодальных порядков в казахском обществе. Игнорировать это, значит, за деревьями не видеть леса.

Исследования советских историков¹²⁸ со всей очевидностью показали, что материальной основой феодальной эксплуатации рядовых кочевников еще до присоединения к России была феодальная собственность на пастбищные пространства, выступавшая в своеобразных формах; что в нем господствовали патриархально-феодальные отношения. Даже буржуазный американский историк А. Гудсон, далекий от понимания сущности общественных отношений у казахов XIX—(начала XX вв., отметил, что «на основе, казахских материалов обнаруживается, что солидарность кровнородственных групп выражает не общую ответственность всех их членов друг за друга, но скорее личную зависимость слабого от сильного. Первое означало теорию, второе— определенным образом практику»¹²⁹.

Частные признания классового содержания в общественных отношениях в казахской общине в XIX в. встречаются и у других авторов. Так, Д. Фокс-Холмс пишет: «Власть последней (аристократии.— К. Е.) базировалась на собственности на стада; хотя пастбища и водопой находились в общинном владении, многие историки пришли к мнению,

¹²⁸ См.: Б. Я- Владимирцев. Общественный строй монголов. Л., 1934; С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. М., 1938; М. Я- Златкин. К вопросу о патриархально-феодальных отношениях у кочевников-скотоводов.— «Вопросы истории», 1959, № 11; А. Еренов. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961. См. также выступления участников Ташкентской сессии по докладу Л. Н. Потапова «О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана»: А. К- Каррыева, Н. Е. Омелина, В. С. Батракова, А- Еренова, И. Я. Златкина, А. Н. Насонова, А. Б. Турсунбаева, Т. А. Жданко, А. Н. Бернштама, М. Б. Ахинжанова, Н. Г. Аполловой, С. З. Зиманова и др. («Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955).

¹²⁹ Alfred E. Hudson. Kazak social structure, p. 105.

что тот, кто владел большим стадом,, контролировал более или менее и пастбищные земли, держал в руках лучшие пастбища». Он также признал, что такие внешние родовые институты, как жылу, саун стали «источником свободных рабочих рук»¹³⁰.

В то же время английские и американские буржуазные историки по-прежнему выступают против методологических основ советской науки, против определения общественного строя у казахов-кочевников как феодального в своей основе, против марксистско-ленинской теории об общественно-экономических формациях. Так, в редакционном предисловии к статье Дж. Фокс-Холмса наряду с признанием высокого научного уровня трудов советских историков, говорится, что их ценность, якобы, «затмевается политическими соображениями, которые требуют даже туманную и расплывчатую структуру казахского общества представить в жестких рамках марксистской терминологии»¹³¹. Автор этого предисловия предпринимает попытку доказать существование «особого казахского кочевого общества» — некоего социального организма, не подвластного общим закономерностям исторического процесса. Эту же цель преследуют статья под броским заголовком «Феодализм в Казахстане. Некоторые трудности марксистской историографии», опубликованной в потерпевшем фиаско рупоре английских советоведов — «Среднеазиатском обозрении». В ней подвергнуты критике взгляды С. В. Юшкова, М. П. Вяткина, Т. М. Кул'ятелеева, Н. Г. Аполловой на характер государственности и общественных отношений казахов в дореволюционный период. Без каких-либо доказательств, без серьезной научной аргументации-утверждается, будто марксизм применим «не ко всем народам», так как он якобы «не учитывает уровень их цивилизации и географическое расселение»¹³².

• ...

*

¹³⁰ George Fox-Holmes. The social structure and customs of Kazakhs, p. 7.

¹³¹ «Central Asian Review», 1957, vol. 1, N. 5, p. 5.

¹³² См.: С. В. Юшков. Об основных моментах истории казахского ханства (в досоветский период). — «Известия АН КазССР», сер. истории, экономики, философии и права, вып. 4, 1948; М. П. Вяткин. Очерки истории Казахской ССР, Алма-Ата, 1941; Т. М. Кул'ятелеев. Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата, 1955; Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России в 30—40 гг. XVIII века. Алма-Ата, 1948, «Feudalism in Kazakhstan. Some difficulties of Marxist historiography». — «Central Asian Review», 1961, vol. IX, N. 2, p. 126.

Итак, голословно обвинив марксизм, и заодно советскую историографию в «ограниченности», советологи стремятся навязать читателям давно опровергнутую историко-идеалистическую концепцию «локальных цивилизаций» в качестве якобы «единственно верного» учения, согласно которому нет единого человечества, а есть замкнутые в себе культуры, которые, дескать, не связаны никакой преемственностью в своем развитии.

Если «Среднеазиатское обозрение» считает феодализм «несовместимым с кочевническим миром», то один из авторов концепции «локальных цивилизаций» А. Тойнби уверен в извечной противоположности и непримиримости материальных и духовных интересов кочевых обитателей степей и населения оседлых оазисов. По мнению А. Тойнби, природные и физические факторы, обуславливают собой самую природу кочевого скотоводства. Вследствие неизменности их жизни кочевые общества лишены внутренних побудительных сил развития, нарушение же состояния покоя является следствием не внутренних, а внешних причин. По Тойнби, номадизм — это общество «без истории, кочевые народы обречены на гибель»¹⁸³.

Эта антинаучная концепция А. Тойнби -подвергнута обоснованному критическому анализу советским ученым И. Я. Златкиным. Концепция Тойнби выступает как типичная разновидность географического детерминизма с уклоном в сторону расизма и геополитики.

Все эти буржуазные концепции являются результатом идеалистического, сугубо формального -подхода к исторической действительности, тщетной попыткой опровергнуть марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях. Советской исторической наукой доказано, что история кочевых обществ, в частности казахов, вполне объяснима действием общих закономерностей, лежащих в основе развития всего человеческого общества. У казахов — кочевников и полукочевников, так же как и среди земледельцев, происходили разложение общинно-родового строя, становление и развитие феодальных отношений.

Жизнь неопровержимо свидетельствует, что апологетический характер надуманных схем буржуазных историков, пытающихся исказить исторический процесс, не выдерживает столкновения с правдой истории.

¹⁸³ А. Тоу н бее. A study of history, vol. III, L, 1934, pp. 17, 21.

БУРЖУАЗНЫЕ ИСТОРИКИ ПРОТИВ ИСТОРИИ

Повышенный интерес современной англо-американской буржуазной историографии «.проблемам истории Казахстана XVIII—начала XX вв. объясняется условием идеологической борьбы социализма и капитализма.

Апелляция к дооктябрьской истории казахского народа служит им для фальсификации предпосылок и процесса установления Советской власти в Казахстане, искажения опыта социалистического строительства,- извращения-сути, национальных отношений" к другим узловым вопросам' истории советской эпохи. Идеализация общественного строя казахского общества конца XVIII—начала XX вв. и изображение русских и казахских трудящихся как непримиримо враждебных сил нужно буржуазным историкам лишь как средство для «доказательства» того, будто Октябрьская революция «была привнесена» в казахский край из России. При этом всячески извращается марксистско-ленинское учение о трудящемся крестьянстве как союзнике пролетариата, отрицается возможность некапиталистического пути развития народов отсталых стран.

Среди разнообразных домыслов буржуазной историографии об исторических предпосылках Октябрьской революции на окраинах России ведущее место заняла идея о «неподготовленности» коренного населения для восприятия идей марксизма-ленинизма, сути социалистической революции. Народные массы не были подготовлены к борьбе за власть Советов, утверждает Уилер, так как в 1917 году 97% мусульманского населения Степного края и Туркестана было неграмотным, и «только малочисленная группа местной интеллигенции была способна понять значение революции» *К* В том же духе высказался и Зеньковский: «Кочевой образ

¹ G. W h e c l e r. The peoples of Soviet Central Asia, p. 45.

жизни, низкий уровень грамотности и твердая родовая система обрекли казахов на политическую пассивность в период «пролетарской революции» (кавычки С. Зеньковского.— К. ф.)... Вести о политических событиях достигали степных скотоводов слишком медленно и разные идеологические лозунги мало значили для номадов»².

Такие утверждения буржуазных профессоров полностью противоречат правде истории. Трудящиеся массы на собственном опыте осознавали свои коренные классовые интересы, смысл лозунгов Октября о земле, национальной свободе, о мире и хлебе насущном. «Аннексионистская, грубо насильническая политика бонапартиста Керенского и К^о по отношению к неполноправным нациям России принесла свои плоды,— писал В. И. Ленин — Широкая масса населения угнетенных наций, т. е. масса мелкой буржуазии среди них, доверяет -пролетариату России ^больше, чем буржуазии, ибо на очереди дня история поставила здесь борьбу угнетенных наций против угнетающих за освобождение»³.

Февральская революция, не разрешившая ни одного из коренных вопросов освобождения трудящихся от социального и национального гнета, естественно, вызвала в крае, как и во всей стране, рост рабочего и национально-освободительного движения⁴.

А. Парк утверждает, что «марксисты перед 1917 годом считали Туркестан наиболее неподходящей средой для социальной революции»⁵. Но при этом умалчивается о том, что в эпоху империализма национальный вопрос превратился в *национально-колониальный*, а национально-освободительное движение стало *составной частью социалистической революции*. А. Парк также делает вид, что не знает подтвержденного опытом истории известного положения В.И.Ленина: «Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях»⁶.

² Z e n k o v s k y . Pan-Turkism and islam in Russia, p. 299.

³ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 34, стр. 299.

⁴ См., напр.: С. З. З и м а н о в. В. И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане. Алма-Ата, 1970; К- Н у р п е и - сов. Казакстанның шаруалар советтер! (1917—1929 жылдар). Алматы. 1972 и др.

⁵ А. G. Park. Bolshevism in Turkistan, 1917—1927, p. 8/

⁶ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 30, стр. 112.

Особо сильные нападки англо-американской буржуазной историографии вызывает доказанное марксистско-ленинской исторической наукой положение о единстве революционного процесса во всей многонациональной России. Вот как сформулировано это положение в труде группы советских ученых «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане»:

«Пребывание Средней Азии и Казахстана в составе капиталистической России как ее колонии порождало противоречия между народами этих восточных окраин и российским империализмом.

В условиях колониальной зависимости национальное угнетение тесно переплеталось с экономической эксплуатацией методами первоначального накопления (двойной гнет); сохранялось господство докапиталистических отношений.

Борьба крестьянства Средней Азии и Казахстана за решительную ломку феодальных аграрных отношений в этих условиях перерастала в борьбу против империализма. Эта борьба являлась социальным содержанием национально-освободительного-движения.

Совпадение революционных задач пролетарского движения в России и национально-освободительного движения народов окраин создавало условия для единства фронта этих движений в борьбе против царизма и империалистической буржуазии, для союза русского рабочего класса с национальным крестьянством.

Решающим субъективным фактором, обеспечивающим успех-слияния национально-освободительного движения с социалистической революцией, была руководящая роль ленинской партии, ее национальная программа и практическая деятельность по интернациональному воспитанию трудящихся масс»⁷.

Буржуазные историки утверждают, что участие-народов Казахстана и Средней Азии в революции и гражданской войне выступало лишь в форме борьбы против всех «русских», так как «общность духовных интересов» этих народов была якобы более сильной, чем «социальные оттенки». И снова следуют утверждения о «царстве социального равенства» среди «мусульманского» населения, о «слабости имущественной дифференциации», «коллективном» пользо-

⁷ «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане». Ташкент, 1967, стр. 147—148.

вании земель и т. п.⁸. Все это используется для того, чтобы представить Советскую власть как чуждую насущным интересам народов Средней Азии и Казахстана, или, как это делает С. Зенковский, бездоказательно заявить, -что «большинство казахов осталось в стороне от событий 1917—1920 годов»⁹. Характерно, что этот «историк» неразборчив в источниках. Он, например, охотно ссылается на «свидетельства» различных отщепенцев из числа троцкистов и буржуазных националистов.

В буржуазной историографии по-прежнему бытует утверждение, будто Октябрьская революция не только «была осуществлена русскими», но и носила «русский характер». Главной целью «новой власти», по мнению Х. Сетон-Уотсона, было «не организация социалистической революции в Туркестане, а подавление национального движения среди мусульман»¹⁰. По мнению Уилера, единственной опорой Советской власти в казахском крае были русские переселенцы безотносительно к их классовой принадлежности. Взгляды английских и американских буржуазных историков на расстановку политических сил в казахской степи в период Октябрьской революции и гражданской войны, хотя отличаются в оттенках, по сути сводятся к отрицанию участия казахских трудящихся в революционной борьбе.

В статье «Красная Армия в Туркестане в 1917—1920 гг.», опубликованной в «Среднеазиатском обозрении», утверждается, что участие коренных жителей края в революции и гражданской войне, было очень ограничено, «численность их в рядах Красной Армии была незначительной»¹¹.

Однако активное участие трудящихся казахов в многообразных формах революционного движения в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, в борьбе за осуществление ленинского лозунга «Вся власть Советам!» доказана неопровержимыми документальными источниками и материалами¹². Они до-

⁸ J. Whitman. Turkestan cotton in imperial Russia.— <The American Slavic and East European Review*, 1956, April, p. 197; G. Wheeler. The peoples of Soviet Central Asia, pp. 50, 70—71, etc.

⁹ S. Zenkovsky. Pan-Turkism and islam in Russian..., p. 210.

¹⁰ «The impact of the Russian Revolution 1917—1967. The influence of Bolshevism on the world outside Russia*, With an introduction essay by Arnold J. Toynbee. London, New York, Toronto, 1967, p. 151.

¹¹ «Central Asian Review*, 1965, vol. XIII, N. 1, p. 35.

¹² См.: «Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане. Летопись событий». Алма-Ата, 1967; «В братском единстве народов СССР. Документы и материалы». Алма-Ата, 1972.

ступны всем, в том числе и нашим идеологическим оппонентам. Но что им до этого!

Известно, что весть о победе революции и установлении Советской власти в центре России и решения II Всероссийского съезда Советов были встречены казахскими трудящимися с огромным энтузиазмом. Документы тех лет ярко показывают развитие революционного процесса в казахских аулах, триумфальное шествие Советской власти на огромной территории Казахстана, сплочение местных трудящихся вокруг большевиков и Советской власти. По всему Казахстану проходили массовые митинги и собрания казахских трудящихся, на которых принимались решения о поддержке Советской власти, необходимости ее установления и в казахских аулах, осуждалась антинародная политика алашордынцев, настоятельно предлагалось пресечь их провокационную деятельность, направленную на противопоставление казахов русскому населению. О решительной поддержке Октябрьской революции коренным населением говорит и тот факт, что во многих местах (в Перовске, Туркестане, Казалинске, Чимкенте, Аулие-Ате, отчасти на севере Казахстана — в Кустанае, Кокчетаве, Акмолинске и других) переход власти к Советам совершался мирным путем. С первых дней революции казахское население активно участвовало во всевозможных операциях отрядов Красной гвардии, с оружием в руках защищало местные органы Советской власти, ее завоевания¹³. Все это начисто опровергает домыслы буржуазных фальсификаторов о «равнодушии» и «пассивности» казахов в период установления и упрочения Советской власти. Факты того времени убедительно свидетельствуют также о полной поддержке Красной Армии трудовыми массами коренного населения. 25 апреля 1918 г. А. Т. Джангильдин сообщил Совнаркому РСФСР: «Тургайские киргизы, идущие в авангарде социалистического движения в степи... вынесли на областном съезде постановление об образовании народных русско-киргизских социалистических отрядов и доказали на деле, при нападении дутовских контрреволюционных отрядов, свою преданность Советской республике, защищая последнюю, даже не будучи достаточно вооруженными». Красноармейские отряды добровольцев-казахов создавались в Актюбинске, Верном, Семипалатинске,

¹³ «Победи Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане», 1917—1918 гг. Сборник документов и материалов». Алма-Ата. 1957.

Туркестане, Перовске, Казалинске, Челкаре и других городах и районах. На территории Средней Азии и Казахстана за период с января 1918 г. по декабрь 1919 г. было сформировано 20 национальных боевых частей. В конце 1918 г. в Казахстане под руководством большевика Амангельды Иманова был организован кавалерийский полк. В войсках Туркестанского фронта сражалось 30 тысяч казахов, узбеков, таджиков и представителей других местных национальностей^{1*}. В феврале 1919 г. «Правда», сообщая о положении в Букеевской степи, писала: «Белогвардейцами ведется усиленная агитация против Советской власти. Все же, несмотря на тяжелое положение, организация Красного полка идет успешно. За две недели записалось 1000 добровольцев»¹⁵. Широко известны имена А. Жангильдина, Магази Масанчи, А. Розыбакиева, Т. Бокина, М. Джанибекова, Б. Джаникешева, А. Ярмухамедова и многих других, чьи мужество и храбрость вписаны золотыми буквами в историю борьбы за Советскую власть в Казахстане и Средней Азии.

Будучи не в состоянии свести концы с концами, фальсификаторы поднимают на щит некое контрреволюционное «великое национальное движение», в котором якобы на «долгие годы слились все силы, способные играть активную роль»¹⁶, имея в виду буржуазных националистов. Их провал М. Рукин пытается объяснить тем, что «ход событий в казахской степи не благоприятствовал мусульманам, так как они были разделены — их составляли либерально-националистическая Алаш-Орда, радикальные элементы (Амангельды Иманов и др.), местные левые (такие, как А. Жангильдин)»¹⁷. Но ведь размежевание классовых сил проходило повсеместно, во всех районах многонациональной России. Оно особенно отчетливо проявилось в русском народе. Всюду рабочие и крестьяне сражались против кадетов, меньшевиков и эсеров, против белогвардейцев, петлюровцев и т. п.

Дж. Уилер усматривает причину краха местных националистов в том, что «в отличие от арабского и индийского национальных движений, казахи не имели связей с внешним миром и не ожидали помощи от русских либеральных элементов метрополии или от соседних мусульманских

* «Военно-исторический журнал», 1962, М 4, стр. 116—118.

¹⁵ «Правда», 1919, 7 февраля.

¹⁶ О. Сагое. Soviet Empire, p. 128.

¹⁷ М. Р y w k i n. Russia in Central Asia, p. 39.

стран»¹⁸. Здесь, что ни слово, то искажение, ибо главное состояло в том, что казахские трудящиеся имели союзника и руководителя в лице русского рабочего класса — гегемона социалистической революции.

Р. Пайпс, А. Парк, О. Кэроу и другие утверждают, что наличие «русских колонистов» в крае и неспособность националистических правительств привлечь их на свою сторону явились одной из причин поражения последних. Расстановка классовых сил в революции у них — подменяется расстановкой по признаку национальному. Ленинская идея «союза между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций»¹⁹ в их интерпретации превращается в союз русских большевиков центральных областей России с русским населением окраин. Чтобы придать этому домыслу правдоподобие, Уилер, например, заявляет, что советская- политика вообще отрицает революционные возможности крестьянства. А так как в Казахстане рабочие были представлены в основном русскими и украинцами, т. е. «европейцами», а «крестьянское большинство — азиатами», то никакого, по его мнению, союза быть не могло.

М. Рукин лишет: «Успех Октябрьской революции вверг целый район в новый беспорядок. Русский революционный лозунг «свобода» стал для мусульман «свободой»... беззакония и грабежа»²⁰. Эта клевета за неимением других доказательств «подкреплена» ссылкой на писания... изгнанных из страны буржуазных националистов. Между тем названный советолог прожил в Средней Азии четыре года для ведения «непосредственных наблюдений». Не хватило М. Рукину таковых, если ему приходится ссылаться на забытую книжонку обанкротившегося автора, увидевшую свет более пятидесяти лет назад...

Известно, что военно-экономическая политика Советского государства в период гражданской войны бы да продиктована условием блокады и разрухи. Поэтому были введены ограничения в области торговли, осуществлялись продразверстка и другие исключительные временные меры. Но проводились они осторожно и продуманно. В частности, продразверстка осуществлялась среди казахского населения в очень ограниченных размерах, в основном за счет баев. Буржуазная же историография умышленно извращает социаль-

¹⁸ «МЪаа», 1970, vol. XII. N. 2, p. 114.

¹⁹ В. И. Л е и к. Поли. собр. соч., т. 35, стр. 115.

²⁰ М. Rywkin. Russian in Central Asia, p. 39.

ное содержание экономической политики военного коммунизма, пытается выдать продрозверстку за «реквизицию», походя обвиняет большевиков в «нежелании делить власть» с коренным населением в первые годы Советской власти, в стремлении сохранить его бесправие. В таком духе выступают С. Зеньковский, Дж. Уилер, А. Парк, авторы сборника «Средняя Азия^ под редакцией Э. Олуорда»²¹.

Буржуазные фальсификаторы делают вид, будто забыли «Декларацию прав народов России» и обращение Совета Народных Комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (ноябрь, 1917 г.), в котором говорилось: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов рабочих, солдатских и -крестьянских депутатов»²².

Практически во всех Советах Казахстана сверху донизу сразу же после установления и упрочения Советской власти были представлены лучшие сыны казахского трудового народа, и из года в год их число росло. Партия большевиков и Советское государство под руководством В. И. Ленина приняли все возможные меры для установления политического равноправия национальностей. В сентябре 1921 г. Владимир Ильич направил письмо А. А. Иоффе, в котором изложил основные вопросы национальной политики в Туркестане и особо подчеркнул: «Для всей нашей Weltpolitik дьявольски важно завоевать доверие туземцев; трижды и четырежды завоевать; **доказать**, что мы не империалисты, что мы **уклона** в эту сторону **не** потерпим.

Это мировой вопрос, без преувеличения мировой.

Тут надо быть архистрогим.

Это скажется на Индии, на Востоке, тут шутить нельзя, тут надо быть 1000 раз осторожным»²³.

Англо-американские буржуазные историки, по-своему трактуя международное значение опыта решения национального вопроса в СССР, всячески стремятся скомпрометировать его, «доказать», что право наций на самоопреде-

²¹ Подробно об этом см.: И. • С. З с и у ш к и и. Укая, соч., стр. 51-52.

²² «Образование и развитие СССР как союзного государства». М., 1972. стр. 7-8.

²³ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 53, стр. 190.

ление фактически не было осуществлено в нашей стране, что казахский народ и народы Средней Азии не получили возможности свободно и самостоятельно решить свою судьбу. В «исследованиях» А. Лоу «Ленин о национальном вопросе», Ф. Бахгорна «Советский русский национализм», Э. Гудмана «Советская модель мирового государства», Катлин Сталь «Британская и Советская колониальные системы», Р. Смаль-Стоцкого «Национальные проблемы Советского Союза», Р. Пайпса «Образование Советского Союза» и других предпринята попытка «раскритиковать» марксистско-ленинскую трактовку принципа права наций на самоопределение, а для этого они извращают ее.

«К концу 1920 года,— злопыхательствует А. Парк,— Советское правительство на деле, если не в принципе, отказалось от прежних обещаний нациям России предоставить им право на самоопределение вплоть до 'права на отделение'. Р. Даниэльс и М. Рукин тщатся доказать, будто образование СССР явилось не добровольным, а насильственным актом. Я. Грей в книге «Первые пятьдесят лет. Советская Россия в 1917—1967 гг.» безапелляционно заявляет, что национальные окраины «примкнули к Советской России лишь в результате «оккупации» их Красной Армией. Солидарен с ними и Дж. Уилер, который, давая волю своей фантазии, высказывает предположение, будто самоопределение могло бы привести Туркестан к созданию «одного или более мусульманских государств», не ассоциированных «с коммунистической или какой-либо иной Россией»²⁴.

Как известно, Конституция СССР законодательно закрепила равные права всех союзных республик и равные для них обязанности по отношению к Союзу. Для всех союзных республик учреждено равное представительство в высшем органе государственной власти — Верховном Совете СССР. Всем союзным республикам гарантировано право в одинаковой мере пользоваться благами Союза, его защитой в соблюдении интересов, прав и суверенитета любой из них, участвовать в выработке внутренней и внешней политики. Национально-государственное размежевание Средней Азии, завершение объединения казахского народа в

N A. P a r k. Bolshevism in Turkestan, p. 59; Robert V. Daniels The nature of communism. N. Y., 1962, pp. 200—201; Michael Rywkin. Central Asia and price of Sovietization.— «Problems of Communism», 1964, vol. XIII, N. 1, p. 9; I. Grey. The first fifty years Soviet Russia. 1917—1967, p. 176; G. Wheeler. The modern history of Soviet Central Asia, p. 15.

единой Советской республике, преобразование ее из автономной в союзную республику, титанические усилия Коммунистической партии и Советского государства по укреплению советской национальной государственности в Казахстане и другие события огромной исторической важности, открывшие широкие перспективы для государственного, экономического и культурного расцвета казахского народа, преданы «советологами» сознательному забвению. Секрет этой «забывчивости» прост: им не по душе то, что идеи* коммунизма и интернационализма взяли у нас верх над планами империализма, посеять идейки сепаратизма и национализма в нашем многонациональном государстве в целях идеологической диверсии.

Фальсификаторы истории в США и Англии особенно активизировались в последние годы, когда все прогрессивное человечество отмечало полувековой юбилей Октября и пятидесятилетие Советского Союза. Однако «советологи» предпочли посвятить этим датам новые фальсификации, новый поток клеветы на народы Советского Союза. Так, Х. Сетон-Уотсон, в изданном в связи с 50-летием Октябрьской революции сборнике, подавая в искаженном виде материал о жизни народов СССР, утверждает, что «ни одна из азиатских наций не получила возможности создать собственное государство»²⁵. Аналогичные трафаретные утверждения, пропитанные антикоммунизмом и антисоветизмом, характерны также для изысканий Р. Смаль-Стоцкого, Г. Хэмбли, Л. Тиллета, Т. Раковска-Хармстоун²⁶ и других.

Большое место в буржуазной советологии занимала и занимает история коллективизации сельского хозяйства. От попыток приписать марксистам мнимую «враждебность» к трудящемуся крестьянству, стремление якобы «разорить крестьян, лишить их собственности», чтобы затем «сделать из них пролетариев», отдельные англо-американские «марксологи» договариваются до того, что большевики якобы смотрели на крестьян как на «разменную монету в политической игре»²⁷. Значительное распространение в буржуаз-

²⁵ «The impact of the Russian Revolution», p. 139.

²⁶ «The captive nations. Nationalism of the Non-Russian nations in the Soviet Union». Ed. by Small-Stocki. N. Y., 1960; G. Hambly, Central Asia. N. Y., 1969; L. Tillet. The great friendship. Soviet historians on the Non—Russian nationalities. Chapel Hill University of North Carolina, 1969; T. Rakowska-Harmstonc. Russia and nationalism in Central Asia. Baltimore, 1970.

²⁷ Continuity and change in Russian and Soviet thought*. Cambridge, 1955, p. 219.

ной и реформистской историографии получили концепции об «устойчивости» мелкособственнической психологии крестьянства, об «аномальности» социалистического пути развития сельского хозяйства и т. д.

Англо-американские советоведы отрицают объективную закономерность коллективизации в нашей стране и с особым упорством утверждают, что не было никаких объективных предпосылок для ее проведения, особенно на бывших окраинах России, в частности в Казахстане. Снова и снова возвращаются они к мифу о том, будто аграрные преобразования здесь носили принудительный характер и были осуществлены «в пользу пролетариев», которых представляли «русские».

Извращая сущность земельно-водных реформ 20-х годов в Казахстане, Дж. Уилер пишет: «Хотя перераспределение земли и последующие аграрные реформы, возможно, преуспели в создании впечатления, что новый режим был намерен ликвидировать неравенство, это не было его основной целью»²⁸. Цель же Советской власти, по мнению Дж. Уилера, заключалась в уничтожении «традиционной системы землепользования и водопользования», что «ударило по самым основам мусульманского общества»²⁹. Согласно утверждениям А. Волина, С. Н. Прокоповича, Г. Динерштейна, Н. Ясного, М. Фейнсода, Ф. Мосли и других, коллективизация основывалась исключительно на насилии. Этот тезис они «доказывают», опять-таки, ссылкой на «извечную враждебность» кочевников оседлому образу жизни, земледелию. И. Виннер, Дж. Уилер, Р. Пайпс, Е. Бэкон отрицают возможность и целесообразность перевода кочевников на оседлость»³⁰.

Сопоставление «изысканий» буржуазных идеологов относительно аграрных преобразований в Казахстане с трудами советских ученых-аграрников свидетельствуют о полном несоответствии утверждений наших недругов с очевидными фактами действительности³¹. Антисоветская направлен-

²⁸ G. Wheeler. The peoples of Soviet Central Asia, p. 71.

²⁹ Ibid, p. 73.

³⁰ Elizabeth E. Bacon. Central Asians under Russian rule... p. 119.

³¹ См., напр.: Б. Сулейменов. Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX—начала XX в. Алма-Ата, 1963; его же. Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата, 1957; А. Турсунбаши. Казахский аул в трех революциях. Алма-Ата, 1967; Г. Ф. Дахштейгер. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана. Алма-Ата, 1965.

ность и антинаучная сущность словесной эквилибристики советологов очевидны. В угоду своим хозяевам они все свои старания прилагают к тому, чтобы доказать недоказуемое: будто коллективизация сельского хозяйства и ее осуществление явились 'проявлением... «советского колониализма». Разумеется, они предпочитают замалчивать существование феодальных отношений и острых классовых противоречий в ауле до проведения покончивших с ними реформ.

Известно, что аграрные реформы в Средней Азии и Казахстане на первом этапе (1920—1922 гг.) были направлены против пережитков колониализма, а на втором (1925—1929 гг.) — против местных феодалов и баев. Главной задачей их была ликвидация докапиталистических отношений в землепользовании и укрепление единоличных крестьянских хозяйств, но по своей сущности они далеко вышли за рамки обычных революционно-демократических преобразований ³².

Никакие вымыслы советологов не могут обмануть читателя относительно «нецелесообразности» кооперирования крестьянства, так как оно является обязательным и необходимым условием победы социализма. Известно также, что без коллективизации было бы невозможно вооружение раздробленного сельского хозяйства современной техникой, следовательно, невозможно было бы и резкое повышение продуктивности сельского хозяйства. Вот что делало коллективизацию исторически необходимым делом, встреченным трудовыми массами с энтузиазмом и пониманием. В решении этой сложной задачи казахский народ постоянно ощущал братскую руку помощи всех народов СССР. Например, только за 1924—1933 гг. в сельское хозяйство Казахстана вложено было 24 967 млн. рублей главным образом из бюджета СССР и РСФСР.

В 1925—1927 гг. в Казахстан было завезено более 280 тракторов, свыше 60 тыс. почвообрабатывающих машин, 2800 сеялок, 25 тыс. уборочных машин. Благодаря помощи индустриальных районов страны еще больше вырос «парк сельскохозяйственных машин и инвентаря в 1927/28 хозяйственном году, когда было завезено более 37 тыс. плугов, 20 тыс. уборочных машин, тысячи молотилок, 220 тракторов ³³.

³² См.: «К социализму, минуя капитализм. Исторический опыт КПСС по социалистическому строительству в Средней Азии и Казахстане в 1917—1937 гг.». М., 1974, стр. 242.

³³ См.: «Торжество ленинских идей пролетарского интернационализма. На материалах республик Средней Азии и Казахстана. 1917—

«Переход советской деревни к крупному социалистическому хозяйству,— как Отмечает Программа КПСС,— означал великую **революцию в экономических отношениях, во всем укладе жизни крестьянства**»³⁴.

Бесплодие и антинаучный характер домыслов буржуазной историографии ясно видно из факта международного признания исторического значения опыта аграрных преобразований в Казахстане. Так, специалисты стран Среднего Востока и Северной Африки по проблемам кочевого хозяйства, совершившие поездку по республике в сентябре 1966 г., с большим одобрением отзывались об опыте перевода казахских кочевников на оседлость. Дезинформированные публикациями зарубежной печати, некоторые из них заявляли: «Мы приехали искать кочевников, но их у вас не оказалось»³⁵.

Столь же усердно англо-американские историки и экономисты извращают вопрос о целях, источниках, методах и объективных результатах индустриального развития Советского Казахстана. По их утверждению, индустриализация была осуществлена путем «принудительного накопления» за счет национальных окраин»³⁶ и изображается ими как «насильственное насаждение односторонних промышленных комплексов» для сохранения аграрно-сырьевого характера экономики Казахстана.

Так, В. Конолли в своей книге «За Уралом» пишет: «Решения съездов большевистской партии имели огромный пропагандистский эффект. Однако они имели также серьезную экономическую основу для расширения индустриальной базы России путем разработки огромных естественных ресурсов восточной части»³⁷. Конечно, не в «пропагандистском эффекте» дело. Во всех решениях партийных съездов были предусмотрены опережающие темпы развития Казахстана и что в них большое внимание уделялось развитию не только добывающей, но и обрабатывающей промышленности, что настойчиво претворялось и претворяется в жизнь. Пятилетние планы развития народного хозяйства СССР яв-

1972 гг.*. М., 1974, стр. 335; Б. А. Тулепбаев. Торжество ленинских идей социалистического преобразования сельского хозяйства в Средней Азии и Казахстане. М., 1971, стр. 167.

³⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 14.

³⁵ См.: «Советская этнография», 1967, № 4, стр. 15.

³⁶ «Problems of Communism», May—June, 1960, vol. IX. N. 3, p. 34; M. Rywkin. Russia in Central Asia... p. 153.

* V. Conolly. Beyond the Urals... L., 1967, p. 61.

ляются последовательным осуществлением принципов ленинской национальной политики — сочетание интересов союзных республик с интересами народного хозяйства страны в целом.

Коларц, Уилер и другие рассматривают индустриализацию как «средство колонизации» Казахстана, «насильственного насаждения социализма». Оставим на их совести отрицательное отношение к социализму. Что же касается «насильственности насаждения» его, то это клеветнический домysel, не нуждающийся в опровержении, как и такое утверждение Коларца: «Практика показывает, что каждая новая фабрика, каждая новая угольная шахта, каждая новая нефтяная скважина на нерусской территории Советского Союза создавалась главным образом не для народов этой территории, а для великороссов»³⁸. Или насквозь фальшивое утверждение Х. Сетон-Уотсона: «Социальные реформы, которые уже осуществлены здесь, не только не пользуются всеобщим одобрением, но и осуществлены не в пользу местных национальностей»³⁹.

Казахским труженикам смешны такие утверждения. Они давно убедились в том, что социалистическая индустриализация, которая дала возможность окончательно вытеснить эксплуататорские элементы, реорганизовать все отрасли народного хозяйства на новой технической основе, уничтожить фактическое неравенство народов, сохранить всемирно-исторические завоевания социализма, целиком совпадает с их интересами. Обратимся к фактам.

За годы первой пятилетки в народное хозяйство Казахстана было вложено свыше 1,6 млрд. руб. За счет этого завершена реконструкция старых заводов, фабрик, построены и введены в действие много новых предприятий промышленности, транспорта и связи, в том числе до 40 таких крупных сооружений, как Туркестано-Сибирская магистраль, Иртышский медеплавильный завод, шахты Караганды, нефтяные промыслы Эмбы и др. Доля промышленности в валовой продукции всего народного хозяйства достигла 39,5%. Ускоренными темпами шло формирование национальных кадров, индустриальных рабочих. Если до Октября инженеров казахов можно было пересчитать по пальцам, то к концу первой пятилетки удельный вес казахов среди инженерно-технических работников угольной промышленности

W. K o l a r z. Russia and her colonies... p. 56.

H. S e t o n - W a t s o n. The new imperialism., p. 52.

Казахстана достиг 20%, в нефтяной—20,4%, в горно-рудной— 30,3%. Из 588 тыс. рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве, 200 тысяч составляли казахи.

На основе успехов народного хозяйства значительно повысился материальный уровень жизни трудящихся. В первой пятилетке среднегодовая зарплата рабочих и служащих в промышленности выросла на 41,1%, в строительстве — на 26,5%, в совхозах — на 38,1%⁴⁰. Трудящимися Казахстана были одержаны крупные социальные завоевания в области просвещения, здравоохранения.

Все это было достигнуто благодаря всесторонней и бескорыстной помощи всех народов нашей страны. Комплекс социалистических преобразований в Казахстане — проведение индустриализации, создание крупного социалистического сельского хозяйства, обширные задачи культурного строительства— все это требовало огромных материальных средств, которыми не располагала молодая Казахская Советская республика. Поэтому Казахстан опирался на бескорыстную помощь центральных районов, которые отправляли на строительство Турксиба, Балхашского медеплавильного комбината, Карагандинских угольных шахт, Актюбинском химического комбината тысячи специалистов и рабочих, а также сотни эшелонов с машинами и оборудованием.

Неоценимую помощь оказали Казахстану высшие учебные заведения Москвы, Ленинграда, Киева, Ташкента и других городов страны в подготовке высококвалифицированных специалистов. Так, уже в 1933/34 учебном году только во внеереспубликанских вузах обучалось 17 690 казахских студентов⁴¹.

Примеры, свидетельствующие о бескорыстной помощи русского и других народов Казахстану в социалистическом строительстве, о взаимопомощи всех народов и народностей Страны Советов в течение всей истории нашего социалистического государства, бесчисленны.

Истина убедительна. Опровергать ее — неблагодарный труд. Вот почему еще в 1956 г. Дж. Уилер призывал своих коллег не игнорировать экономические достижения Казахстана и среднеазиатских республик, не скрывать факты роста жизненного уровня, который, по его мнению, «го-

⁴⁰ «Под знаменем ленинских идей. Из опыта партийного руководства борьбой за победу пролетарской революции и социализма в Казахстане». Алма-Ата, 1973.

⁴¹ «Улы интымак жсмя». Алматы, 1969, 76 бет.

раздо выше, чем в соседних (капиталистического Востока.— *К. Е.*) странах»⁴². То же он повторил спустя десять лет в статье «Советская Средняя Азия»: «Что касается их (народов Средней Азии и Казахстана.— *К. Е.*) материальных условий, то не может быть никаких сомнений, что за 40 лет, прошедших со времени создания мусульманских республик Средней Азии, произошел удивительный прогресс в области здравоохранения, промышленности, путей сообщения, производства хлопка и в уровне жизни. Во всех, этих областях мусульманские народы Советской Средней Азии далеко опередили любую несоветскую мусульманскую-страну, и, конечно, любую из азиатских стран»⁴³.

Но подобные вынужденные признания отнюдь не свидетельствуют о том, что буржуазный исследователь принял объективную позицию. Его главной «профессией» остается фальсификация, главной целью — убедить зарубежного читателя в том, что экономическое и культурное развитие советских восточных республик носит «колониальный характер»⁴⁴. Измышления советологов неоднократно подвергались исчерпывающему рассмотрению советских ученых, убедительно доказавших, например, беспочвенность обвинения Страны Советов в «руссификаторстве» (*Р. Пайпс*), в том,, будто казахи «считаются гражданами второго сорта», будто в отношениях народов Средней Азии и Казахстана существуют геноцид и т. п.⁴⁵

Клеветнический характер таких рассуждений достаточно четко и аргументированно показан во многих трудах советских ученых, в частности в исследованиях историков-Средней Азии и Казахстана *К. Новоселова*, *Г. Хидоятова*, *А. Турсунбаева*, *Х. Иноятова*, *Г. Ф. Дахшлейгера*, *Д. Кшибекова* и других. В них, в частности, справедливо обращается внимание на то, что колониализм не определяется тем,, что на одной территории живут люди различных национальностей. В ряде африканских стран, таких, как Малави, Кения, Танганьика, Нигерия, Сомали, Берег Слоновой Кости, европейцы никогда не составляли более 1% населения, и

⁴² «*World Today*». 1956, N. 3, p. 179.

⁴³ «*The Muslim World*», October, 1966, vol. LVI, N. 4, p. 240.

⁴⁴ *F. Wheeler. Racial problems in Soviet Muslim Asia.*, p. 61; «*Russian Review*», 1961, p. 332; *O. Caroe. Soviet Empire...* p. 172; *Soviet Colonialism in Central Asia.*—«*Foreign Affairs*», 1953, October, p. 138.

⁴⁵ См.: *Т. А. Жданко. Демагогические измышления и историческая правда.*—«*Советская этнография*», 1958, № 4, стр. 138 и поел.

тем не менее никому не приходит в голову сомневаться в том, что в этих странах длительное время господствовал колониализм. Ключом к определению колониального статуса являются экономические, политические, правовые и другие отношения между представителями различных наций. А эти отношения в нашей стране говорят о полном равноправии всех народов СССР, что вынуждены нередко признать и многие буржуазные историки⁴⁶.

Примечательно, что, оплакивая судьбы народов Советского Востока, приписывая им статус «колоний Москвы», наши идейные противники тут же разоблачают себя как поборников колониализма, ибо идеализируют царские порядки, в продолжении которых обвиняют нас. Так, Сетон-Уотсон, признавая экономические успехи казахского народа, в то же время утверждает, что советская система лишь подражает «благотворительным аспектам империи», выдвигают концепцию экономического 'прогресса Средней Азии и Казахстана при царизме. Его единомышленник Коларц писал, что мол, «существуй царский режим дольше, при нем могли бы быть достигнуты те же результаты»⁴⁷. Ему вторит Р. Конкуэст: «Долгое время одним из главных доводов в защиту Советской империи (слово-то какое! — К. Е.) были такие материальные выгоды... как индустриализация. Однако такие же оправдания могли бы быть сделаны в защиту любой колониальной державы»⁴⁸. Как видит читатель, в этих словах нет и признаков объективного научного исследования; пером автора ведет злоба, ненависть к социализму.

Широкое распространение получила в англо-американской историографии трактовка экономического развития Средней Азии и Казахстана в годы Советской власти в плане антикоммунистической концепции «единого индустриального общества». Ее цель — дезориентировать народы развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, которые в поисках кратчайших путей, эффективных форм и методов ликвидации экономической и культурной отсталости, унаследованной от колониального прошлого, все чаще обращаются к опыту советских восточных республик. Этого они боятся. А поэтому все тот же Коларп, вопреки истине, пишет: «Пример индустриального развития Узбекистана и

^{46,1} См., напр.: J. P. Nettl. The Soviet achievement. L., 1967, pp. 89. 90.

⁴⁷ W. Ko l a g z. Russia and her colonies... p. 276.

⁴⁸ R. Conquest. Last Empire... p. 123.

Казахстана не может служить моделью для слаборазвитых стран»⁴⁹.

Однако опыт истории доказывает прямо противоположное. Отсюда тревога колонизаторов и их идейных слуг. Не случайно вскоре после выхода в свет книги В. Коларца английский журнал «Дальневосточная торговля» отметил, что «Средняя Азия начинает играть значительную роль в конкуренции между восточным и западным блоком в борьбе за развивающиеся страны»⁵⁰. А. У. Росту пишет об «угрозе советского метода» и его опыта решения национального вопроса, дающего возможность «в предельно короткий срок перевести страну из отсталой в передовую»⁵¹.

Стремясь бросить тень на растущий авторитет ленинской национальной политики КПСС, сочиняют новые небылицы о «разрушении» в советских национальных республиках, в частности в Казахстане, «традиционных общественно-культурных институтов и ценностей», об «ассимиляции» и «уничтожении» национального языка. Дж. Уилер заявляет, что преобразование экономики Казахстана и республик Средней Азии было «осуществлено... без всякого прогресса в том, что может быть названо духовной стороной»⁵². А по мнению «Среднеазиатского обозрения», культурная резолюция в Средней Азии и Казахстане, оказывается, была осуществлена Советской властью в целях «завоевания лояльности местного населения»⁵³. Эти домыслы буржуазной историографии не выдерживают первого же соприкосновения с фактами сегодняшнего дня советских республик.

В своей речи на торжественном заседании, посвященном 50-летию Казахской ССР и Компартии Казахстана, товарищ Л. И. Брежнев отметил: «Буржуазные фальсификаторы пытаются утверждать, будто свершившаяся в нашей стране культурная революция сопровождалась «утратой национальных традиций». Но советская действительность наглядно показывает полную несостоятельность этих измышлений. Верно, что сегодня внуки и правнуки выдающихся казахских просветителей Чокана Валиханова, Ибрая Алтынсарина и Абая Кунанбаева на своем родном языке активно приобщаются к великой сокровищнице марксизма-ленинизма, осваивают и приумножают богатства, которые

⁴⁹ W. K o l a g z. Russia and her colonies... p. 58.

⁶⁰ См.: «Far East Trade». London, 1958, vol. 13, N. 3, p. 322.

⁶¹ См.: «Известия», 1972, 14 июля.

⁶² «Geographical Journal», 1957, October, p. 304.

⁶³ ^Central Asian Review*, 1959, vol. VII, N. 4, p. 314.

созданы другими народами, всем человечеством на протяжении его истории. Но также верно и то, что при социализме достигла невиданного расцвета самобытная культура казахского народа, как и всех наций и народностей Советского Союза, в огромной степени возрос их вклад в общую сокровищницу культуры нашей социалистической Родины»⁵⁴.

Убедительным опровержением всех измышлений буржуазных идеологов о «советском колониализме» являются достоверные данные о расцвете всех отраслей экономики и культуры Казахстана, сопровождающемся неуклонным подъемом жизненного уровня его населения. Точно и ясно сказал об этом на торжественном заседании в Алма-Ате Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев: «От убогих степных кочевий до мощных совхозов и колхозов, от кустарных рудников и самодельных ткацких станков до первоклассной индустрии, от голодного прозябания, темноты, безграмотности до замечательного взлета самобытной, национальной по форме, социалистической по содержанию культуры — таков стремительный путь Советского Казахстана»⁵⁵.

Ныне промышленность республики производит продукции в 3 раза больше, чем вся царская Россия в 1913 г. Ведущая роль в промышленном производстве принадлежит тяжелой промышленности, ее удельный вес достиг 73,2 процента валового национального продукта. Видное место в экономике республики занимает и сельское хозяйство, располагающее огромными материальными возможностями для производства самых разнообразных продуктов с целью удовлетворения потребностей народа в продовольствии и снабжения промышленности сырьем.

Быстрыми темпами развиваются строительство, транспорт, связь, торговля. Советский Казахстан ныне поставляет продукцию своего народного хозяйства в десятки зарубежных стран⁵⁶.

В народном хозяйстве Казахстана работают около 700 тысяч человек с высшим и средним специальным образованием, действуют 46 вузов, около 200 техникумов, Академия наук, многочисленные научно-исследовательские институты. Казахская ССР по обеспеченности населения врачами ныне

⁵⁴ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 3. М., 1972, стр.

⁵⁵ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 3, стр. 108.

⁵⁶ См.: «Казахстан в нерушимом союзе братских республик». Алма-Ата, 1972, стр. 76—83.

превосходит первую державу капиталистического мира — США⁵⁷. Только в девятой пятилетке на карте республики появились новые города, введены в строй сотни промышленных предприятий и крупных цехов, труженики сельского хозяйства Казахстана засыпали в закрома государства миллиарды пудов хлеба.

В приветствии Компартии Казахстана, Президиума Верховного Совета и Совета Министров Казахской ССР рабочим совхозов, колхозникам, специалистам сельского хозяйства, всем трудящимся Казахстана сказано: «Казахстанский миллиард 1973 года — это свидетельство всепобеждающей силы ленинской национальной политики, крепкой как сталь дружбы народов великого Советского Союза».

Только заведомое желание любыми средствами исказить и оболгать ленинскую национальную политику КПСС и Советского государства, ослабить ее растущее влияние на ход мирового развития, на народы Азии, Африки и Латинской Америки приводит буржуазных идеологов к сочинению разных небылиц о Казахстане, о всем Советском Востоке.

Весь путь, пройденный Советским Казахстаном в составе Союза ССР, исторические успехи в развитии экономики и культуры неопровержимо подтверждают жизненность и правоту ленинской национальной политики, политики мира, равноправия и дружбы между народами, ставшей ныне величайшей силой современности.

Ни буржуазной историографии США и Англии, ни другим отрядам мастеров империалистической идейной диверсии не удастся оболгать первое в мире государство рабочих и крестьян, перенести на социалистическую почву присущие миру насилия и угнетения — капиталистическому обществу — расовую ненависть, национальный гнет, униженной неправоправие.

Очень точно сказал об этом член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаев: «В свете ярких фактов советской действительности становятся жалкими попытки буржуазных фальсификаторов свести на нет правовые, экономические и культурные достижения народов СССР, их небывалый расцвет в наше время».⁵⁸

⁵⁷ См.: «СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции». Статистический сборник. М., 1970, стр. 276.

⁵⁸ Д. А. Кунаев. Славным путем героики и побед. В сб.: «Вопросы истории Компартии Казахстана», вып. IX, Алма-Ата, 1972, стр. 41.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Территория Казахстана, проблемы истории и этнографии казахского народа издавна привлекали к себе внимание путешественников, купцов, ученых. Несомненный приоритет в исследовании территории края, истории и этнографии его народа принадлежит русской науке. Вместе с тем в поисках рынков сбыта и источников сырья в казахские степи проникали и иностранцы. Относительно целенаправленное и более или менее систематическое изучение Казахстана в Англии и США началось после присоединения Казахстана к России, в связи с возникшим в XIX в. англо-русским соперничеством в Средней Азии. Во второй половине XIX—начале XX в. сначала в Англии, а затем в Америке появляются отдельные исторические и этнографические описания края, его природных богатств и людских ресурсов с позиций дворянско-буржуазной методологии, нередко в разведывательных целях.

Возникнув и развиваясь главным образом на почве прагматизма, англо-американская казахстаника постоянно испытывала на себе его отрицательное влияние, ибо именно прагматизм, интересы колониальной политики во многом определяли здесь характер и основные направления изучения Казахстана.

Это признают нередко и сами буржуазные историки. По свидетельству Д. Уилера, исследование Казахстана, как и Средней Азии, было фактически сведено к рассмотрению истории их вхождения в состав России и прогнозам, как лучше всего организовать экспансию на Востоке. Все это наложило свою (не имеющую ничего общего с интересами науки и научной объективности) печать на характер трудов

¹ G. Wheeler. The Russians in Central Asia.—*History Today**. London, March, 1956, p. 172.

англо-американских авторов о Казахстане, в частности Д. Уркарта, Ф. Тренча, А. Краусса, Л. Бульджера, Г. Роулинсона, Г. Керзона, Я. Марвина, С. Эдвардса, У. Пероуна и многих других, на выбор ими предмета исследования и, особенно, его освещение. Усилиями путешественников, гаветных корреспондентов, политических агентов и ученых-востоковедов (Дж. Кохрейна, Ч. Котреля, А. Бернса, А. Конноли, Дж. Аббота, С. Грэхэма, Т. Аткинсона, Я. Мак-Гахана, Е. Скайлера, Г. Лансделя, Е. Моргана и др.) в Англии и США в XIX—начале XX вв. накапливался известный географический, этнографический, исторический материал о Казахстане.

Англо-американская буржуазная историография второй половины XIX в. рассматривала казахов и народы Средней Азии с колониалистских позиций, часто изображая их чуть **ЛИ** не «дикарями» или «полудикарями». В то же время конкретный материал, накопленный английскими и американскими исследователями Казахстана и отраженный в их публикациях (о хозяйстве казахов, проблеме присоединения Казахстана к России, англо-русском соперничестве и т. п.), нередко прямо противоречит их выводам и обобщениям, опровергает измышления фальсификаторов исторического прошлого казахов.

В целом англо-американские историки в XVIII—начале XX вв. не пошли дальше обзорных, поверхностных работ, не перешли к конкретному широкому изучению вопросов истории Казахстана. В России же к этому времени существовала уже сложившаяся научная традиция изучения Средней Азии и Казахстана. Широкую известность приобрели труды русских ученых XIX—начала XX вв. П. И. Рычкова («История Оренбургская», «Топография Оренбургской губернии»), И. Г. Андреева («Описание Средней Орды») А. И. Левшина («Описание киргиз-кайсацких орд и степей») и другие. Русскому востоковедению, представителям которого, за некоторыми исключениями, было чуждо нигилистическое и пренебрежительное отношение к казахскому народу, не было присуще в силу исторически сложившихся традиций колонизаторско-расистское мировоззрение. В противоположность многим западным востоковедам, которые стремились замалчивать или принизить историческую роль народов Средней Азии и Казахстана, русские востоковеды доказали, что эти народы являются творцами и обладателями огромных духовных ценностей, которые вошли в сокровищницу мировой культуры. Между тем в английской и

американской историографии господствовала четко выраженная формула противопоставления культуры Запада культуре Востока.

События громадного исторического значения в жизни народов нашей страны, начало которым положила Великая Октябрьская социалистическая революция, вызвали значительный интерес к истории бывших колониальных окраин царской России на Востоке. Наступил новый этап в изучении Казахстана за рубежом. Отличительной чертой этого этапа англо-американской казахстаники явилось и является поныне все усиливающаяся тенденция к политизации истории в интересах буржуазии, о которой Ф. Энгельс в свое время писал, что «в силу ее природы, в силу условий ее существования ей свойственно фальсифицировать всякий товар, фальсифицировала также и историю». Тенденциозность и субъективизм трудов многих историков в подобных условиях объясняется просто тем, что «лучше всего оплачивается то сочинение, в котором фальсификация истории наиболее соответствует интересам буржуазии»².

В свое время, когда буржуазная историография была на подъеме, она сыграла известную роль в изучении Казахстана, как бы приоткрывая завесу над этим почти неведомым для европейских народов краем. Однако буржуазные историки в силу своей классовой ограниченности не могли вскрыть общие закономерности исторического процесса и их проявление в истории казахского народа, в частности, «не могли заметить повторяемости и правильности в общественных явлениях разных стран, и их наука в лучшем случае была лишь описанием этих явлений, подбором сырого материала»³.

В наше время, когда наступил закат капитализма, вступившего в свою последнюю, империалистическую стадию, деятельность англо-американских казахстановедов, за редкими исключениями, ничего общего с наукой не имеет. К малоутешительным для мира капитала выводам приходят ныне буржуазные историки, взгляды которых ясно выразил Э. Карр: «В девятнадцатом столетии,— писал он,—все британские историки, почти без исключения,—рассматривали ход истории как доказательство прогресса, ибо они выражали идеологию быстро прогрессирующего общества. История была полна смысла для британских историков, по-

² <Архив Маркса и Энгельса>, т. X, М., 1948, стр. 104.

³ В. И. Л с н и и. Поли. собр. соч., т. I, стр. 137.

ка представлялось, что она идет в желаемом для нас направлении. Теперь, когда она идет в неверном с нашей точки зрения направлении, вера в смысл истории стала ересью»⁴.

К сказанному, пожалуй, следует добавить, что и в прошлом буржуазная историография страдала классовой ограниченностью и методология ее представителей не имела ничего общего с подлинно научным пониманием исторического прошлого.

Отсутствие научной методологии, нигилистическое отношение к истории как науке, антиисторизм, стремление представить исторический процесс как хаотическое нагромождение нелепых случайностей и трагических ошибок, которые нельзя ни предвидеть, ни предотвратить, и, наконец, боязнь сколько-нибудь объективного изучения и разработки истории—вот что характерно для англо-американских советоведов.

По мере приближения к современности в буржуазной исторической науке в целом, в частности в изучении ею казахстанско-среднеазиатского региона, происходило заметное усиление консервативных тенденций. С особой силой это проявилось после второй мировой войны. Казахстану, как и Средней Азии, в это время стали уделять значительное внимание как в правящих, так и в академических кругах США и Англии. Но проявлялось оно на фоне дальнейшего обострения кризиса методологических основ буржуазной историографии, происходившего под влиянием глубоких социально-экономических и политических изменений в мире, борьбы двух противоположных общественных систем—социализма и капитализма. В этих условиях деятельность англо-американских научных центров и учреждений, занятых изучением республик Советского Востока, была подчинена ярко выраженной политической задаче: внушить народам мира такое представление об исторических событиях, которое оправдывало бы политику правящих кругов США и Англии, проводимую ими по отношению к СССР и другим социалистическим странам, а также молодым государствам Азии, Африки и Латинской Америки, вставшим на некапиталистический путь развития; привить трудящимся своих стран и стран «третьего мира» иммунитет к идеям социализма; изобразить господствующие в странах капитала порядки как единственно возможные и

⁴ Е. Сагг. What is history? London, 1961, p. 37.

разумные; оправдать колониализм, национальный гнет, расизм и шовинизм, как якобы неизбежное, характерное всем общественным системам явление.

Как известно, мир вступил в полосу углубляющейся разрядки напряженности, которая все больше распространяется в области международных политических и экономических отношений. «Ястребы», направлявшие политический курс главных капиталистических держав, все больше уходят в тень. Победой народных масс закончилась длившаяся десятилетиями война в Юго-Восточной Азии, и здесь восторжествовал мир. Все это является выражением последовательного ленинского внешнеполитического курса нашей партии и Советского государства, вновь подтвержденного XXIV съездом КПСС и последовательно проводимого Центральным Комитетом КПСС и его Политбюро во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым, Советским правительством. Эта деятельность нашла широкую поддержку у народов всего мира. В этом ее сила.

От буржуазных историков в Англии и США требуют, чтобы они усилили идеологическую борьбу против коммунизма. Не прекращается поток фальсификаций, призванных найти оправдание империалистической политике, опорочить исторический путь, пройденный народами нашей страны.

Таким образом, причины, по которым труды западных буржуазных авторов, изучающих историю СССР, в том числе и Казахстана, в сущности лишены научного значения, кроются в тесной связи буржуазной исторической науки с политикой, причем с политикой класса умирающего, отжившего свой век. Меткую характеристику трудов современных англо-американских авторов, посвященных истории народов нашей страны, дал английский историк-марксист Эрик Хобсбом. По его словам, большая часть книг, касающихся истории СССР,— «это антикоммунистические памфлеты со сносками и библиографией», которые не появились бы, если бы не особая политическая обстановка «холодной войны»⁵.

Такова подоплека «исследований» англо-американских советоведов по истории Казахстана XVIII—начала XX вв., являющаяся попыткой обосновать «непримиримость» учения об общественно-экономических формациях к казахскому обществу и тем самым поставить под сомнение марксистско-ленинское положение об общих закономерностях историче-

⁵ E. H o b s b a w m . Progress in history.— ^Marxist Today», 1962, February, p. 45.

ского процесса. В этом -следует искать и причины идеализации англо-американскими советологами дооктябрьских порядков в Казахстане, попыток провести водораздел борьбы политических сил в степи не по классовой, а по национальной линии. Отсюда и противопоставление русских трудящихся и казахского крестьянства края, извращение предпосылок и характера Октябрьской революции, восхваление реакционных националистических сил и движений, умаление роли народных масс, как движущей силы истории, отождествления угнетательской, колониальной политики царизма с ленинской национальной политикой.

Опираясь на множество реакционных центров и организаций, идеологи антикоммунизма фабрикуют псевдонаучные «теории» и «концепции», сочиняют небылицы, извращающие марксистско-ленинскую теорию, опыт социалистического строительства в республиках Советского Востока.

В связи с 50-летием образования СССР англо-американская буржуазная историография активизировала свои усилия по фальсификации истории Советского государства, проблем национально-государственного строительства, ленинской политики дружбы и братства народов. В их работах настойчиво пропагандируются шовинистические и националистические взгляды по различным вопросам истории Казахстана. Вопреки фактам истории они пытаются отрицать участие коренного населения Казахстана в революции. Почти не приводят сведений о рабочем и крестьянском движениях, имевших место в дореволюционном Казахстане. К современным буржуазным англо-американским исследователям истории дореволюционного Казахстана вполне применимы слова великого русского революционера-демократа Н. Г. Чернышевского, отмечавшего в середине XIX в., что большинство современных ему историков предпочитает рассказы о царях, войнах и «других громких событиях», почти совершенно забывая о событиях менее громких, но более важных: истории народов, условий их материального бытия»⁶.

Для «трудов» подавляющего большинства англо-американских буржуазных исследователей истории Казахстана характерны описательность, слабая источниковедческая база, отсутствие во многих случаях исторического осмысления фактических данных, необоснованность выводов и обобще-

⁶ См.: Н. Г. Чернышевский. Поли. собр. соч., т. III, М., 1947, стр. 356.

ний. Зачастую в разработке исторического прошлого казахов английские и американские историки опираются на материалы и сведения, почерпнутые у белоэмигрантов и отщепенцев типа М. Чокаева, Э. Валидова, В. Каюмхана, Б. Хаита и им подобных. Часто — и без каких либо оговорок — ими используются труды отдельных советских авторов 20-х—30-х годов, написанные в период становления советской исторической науки и содержащие немало ошибочных положений. Зато очень редки и случайны ссылки на более поздние и зрелые исследования советской исторической казахистики. Неудивительно поэтому, что работы англо-американских авторов изобилуют фактическими ошибками, неточностями и противоречивыми данными.

В их работах явно проступает пропасть между реальной, действительной историей Казахстана и стремлением увидеть и описать ее в удобном для своего класса свете. Буржуазная историография, с одной стороны, не способна дать объективную картину исторического процесса, с другой стороны, внутренние практические потребности побуждают их отойти от изживших себя схем и догм в толковании истории бывших колониальных народов, считавшихся «неисторическими». Все это привело в последнее время к расхождению в среде буржуазных историков в трактовке некоторых вопросов дореволюционной истории Казахстана. В частности, отдельные английские и американские историки, такие как Л. Крадер, Дж. Фокс-Холмс, Е. Бэкон, Э. Олуорд, Э. Д. Сокол и другие, постоянно или периодически занимающиеся вопросами истории и современного положения Казахстана, затрагивают в своих трудах гораздо более широкий круг проблем, чем это делалось ранее. Нередко, они исследуют такие новые для буржуазной историографии общественные явления, как социально-экономические процессы, история революционного и национально-освободительного движения трудящихся. При этом они строят утонченные, «эластичные» концепции, оснащают свои труды ссылками на произведения В. И. Ленина, исследования советских авторов, но за этим «антуражем», как и ранее, стоят антисоветские и антикоммунистические цели, попытки найти новые «подтверждения» старым догмам.

Кризис англо-американской историографии выражается и в появлении в среде современных исследователей Средней Азии и Казахстана так называемых «умеренных» авторов, «объективистов», которые под влиянием фундаментальных

исследований советских историков, под давлением очевидных фактов, а, главное, вследствие банкротства прежней политики и старых пропагандистских приемов, призывают к пересмотру прежних представлений об СССР⁷.

Следует учитывать и то обстоятельство, что современная англо-американская официозная историография вынуждена считаться с фактом существования прогрессивного и марксистского течения в исторической науке и общественной мысли Англии и США. Симпатии прогрессивных мыслителей и ученых Америки были всегда на стороне СССР. У. Фостер, Дж. Рид, А. Вильяме, Б. Бетти, А. Росс, Л. Стеффенс и другие в своих работах старались донести до американцев правду о Советской стране и ее народе. По словам А. Вильямса, «история настойчивых и мужественных усилий этих американцев составляет замечательную согревающую душу главу о долгой-долгой борьбе за взаимопонимание и сотрудничество...»⁸.

Эрозия, разъедающая англо-американское советоведение, в частности его казахстанскую ветвь, есть, таким образом, выражение общего кризиса идеологии и политики антикоммунизма, что в свою очередь является следствием общего кризиса капиталистической системы, ставшей ныне тормозом в движении человечества по пути социального прогресса. Однако это не означает ослабления нашей борьбы против враждебных прогрессу и миру идеологических теорий и концепций, ибо, как отметил В. И. Ленин еще более полувека назад, «когда идейное влияние буржуазии на рабочих падает, подрывается, слабеет, буржуазия везде и всегда прибегала и будет прибегать к самой отчаянной лжи и клевете»⁹. Активизация за последнее время на арене антикоммунистической идеологии многих советологов, специализирующихся на фальсификации истории нашего многонационального государства, что было отмечено членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаевым в интервью «Литературной га-

⁷ См., напр.: «Нищета антикоммунизма». — «Правда», 1970, 17 декабря; «Новые веяния в Американской исторической ассоциации». — «Вопросы истории», 1970, № 9, стр. 189—190; «Прозрение. Профессор Паронти порывает с антикоммунизмом». — «Правда», 1970, 17 апреля; Р. Е. Канто р. «Уоллстрит джорнэл» об американских историках — радикалах. — «Вопросы истории», 1972, № 6, стр. 177—179.

⁸ «Литературная газета», 1959, 7 ноября.

⁹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 25, стр. 352.

зете», лишний раз подтверждает великую жизненность этих ленинских высказываний¹⁰.

В своем выступлении в Ташкенте Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил о том, что современные задачи «требуют совершенствования нашей идеологической работы, ибо на данном этапе соревнования двух систем борьба на идеологическом фронте приобретает все больший удельный вес»¹¹.

Развитие экономического, политического, научно-технического и культурного сотрудничества между социалистическими и капиталистическими странами исключает какое бы то ни было «перемирие» в области идеологии. В то же время советские люди выступают и против «холодной войны» в области идеологии с ее грязными методами дезинформации, лжи и клеветы, против попыток советологов оживить предрассудки и пережитки прошлого, используя которые они стремятся подорвать социалистический строй изнутри. Как подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев: «Добиваясь утверждения принципа мирного сосуществования, мы отдаем себе отчет, что успехи в этом важном деле ни в какой мере не означают возможности ослабления идеологической борьбы. Напротив, надо быть готовыми к тому, что эта борьба будет усиливаться, становиться все более острой формой противоборства двух социальных систем.

И у нас нет сомнения в исходе этого противоборства, ибо правда истории, объективные законы общественного развития.— на нашей стороне!»¹².

Современная история, против правды которой выступают английские и американские буржуазные историки, неопровержимо свидетельствует о несравнимых преимуществах и будущности социализма, ленинской национальной политики и бессилии их «критиков».

¹⁰ «Литературная газета», 1973, 12 ноября.

¹¹ «Правда», 1972, 28 июня.

¹² «Правда», 1972, 28 июня.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие.	3
Глава I. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НАУЧНОЙ КРИТИКИ БУРЖУАЗ- НОЙ ИСТОРИОГРАФИИ . . . « . , . . .	7
Глава II. ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА XIX-НАЧАЛА XX ВВ. В АНГЛИИ И США	30
Состояние англо-американской казахстаники до XIX с. .	30
Буржуазная историография XIX — начала XX вв. . .	38
Англо-американская казахстаника после победы Вели- кой Октябрьской социалистической революции . . .	50
Глава III ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА XIX — НАЧАЛА XX ВВ. В ИНТЕРПРЕТАЦИИ АНГЛО- АМЕРИКАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ - .	76
Тема англо-русского соперничества в период присоеди- нения Казахстана к России в англо-американской литературе.	76
Некоторые вопросы присоединения казахских земель к России.	94
Вопросы истории национально-освободительного движе- ния в Казахстане в кривом зеркале буржуазной историографии.	105
Глава IV СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЗАХСТА- НА В XIX-НАЧАЛЕ XX ВВ. И ВЗГЛЯДЫ АНГЛО-АМЕ- РИКАНСКИХ БУРЖУАЗНЫХ ИСТОРИКОВ - . . .	117
Общие сведения о территории, расселении и хозяйстве казахов.	117
Города и процесс урбанизации.	136
Некоторые вопросы социальной структуры казахского общества XIX — начала XX вв.	139
Проблема переселения и оценка общественно-экономи- ческого строя казахов.	146
Глава V БУРЖУАЗНЫЕ ИСТОРИКИ ПРОТИВ ИСТОРИИ	155
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	175

Кушки Лекерович Есмагамбетов

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ФАЛЬСИФИКАЦИЯ

Англо-американская историография о Казахстане.

Редактор Н. И. Колточник. Художник Г. М. Горелов.

Худож. редактор К. Н. Турекулов.

Тех. редактор А. Е. Арестова. Корректор Л. М. Кравцова.

Сдано в набор 7/X 1976 г. Подписано к печати 30/1 1976 г.

Формат 84X108'/и-6.76-9.7 усл. п. л. (11,9 уч.-изд. л.). Бум. тип. Nt 2.
УГ010512. Тираж 5000 экз. Цена Н7 кои.

Ордена Дружбы народов издательство «Казахстан», г. Алма-Ата,
ул. Советская, 50

Заказ NV 1663. Полиграфкомбинат Главполиграфиром Госу-
дарственного комитета Советов Министров Казахской ССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли, г. Алма-Ата, ул. Пастеря, 39.